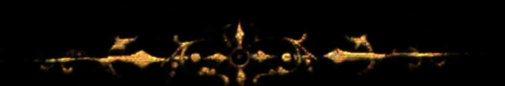
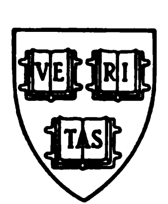
РУССКО-ПОЛЬСКІЯ
ОТНОШЕНІЯ

3 2044 102 828 688

VE
RI
TAS

РУССКО-ПОЛЬСКІЯ ОТНОШЕНІЯ.

Нѣкоторыя замѣчательныя по этому предмету мысли, слова, рѣчи, размышленія и разсужденія.

Собралъ изъ газетъ, журналовъ и отдѣльныхъ изданій

Библіофилъ.

ВИЛЬНА.
Типографія А. Г. Сыркина, Большая улица, собств. домъ, № 88.
1896.

Дозволено цензурою 20-го Іюля 1896 года.—Вильна.

I.

Мнѣніе русскаго гражданина.

(Н. М. Карамзина).

Государь! въ волненіи души моей, любящей Отечество и Васъ, спѣшу, послѣ нашего разговора, излить на бумагу нѣкоторыя мысли, не думая ни о красноречіи, ни о строгомъ логическомъ порядкѣ. Какъ мы говоримъ съ Богомъ и совѣстію, хочу говорить съ Вами.

Вы думаете возстановить Польшу *въ ея цѣлости,* дѣйствуя какъ Христіанинъ, благотворя врагамъ. Государь! Вѣра Христіанская есть тайный союзъ человѣческаго сердца съ Богомъ; есть внутреннее, неизглаголанное, небесное чувство; она выше земли и міра; выше всѣхъ законовъ — физическихъ, гражданскихъ, государственныхъ — но ихъ *не отмѣняетъ.* Солнце течетъ и нынѣ по тѣмъ же законамъ, по коимъ текло до явленія Христа-Спасителя: такъ и гражданскія общества не перемѣнили своихъ коренныхъ уставовъ; все осталось, какъ было на землѣ, и какъ иначе быть не можетъ: только возвысилась душа въ ея сокровенностяхъ, утвердилась въ невидимыхъ связяхъ съ Божествомъ, съ своимъ вѣчнымъ, истиннымъ Отечествомъ, которое внѣ матеріи, внѣ пространства и времени. Мы сблизились съ Небомъ *въ чувствахъ*, но *дѣйствуемъ* на землѣ, какъ и прежде дѣй-

ствовали. *Нѣсмь отъ міра сего*, сказалъ Христосъ, а граждане и Государства въ семъ мірѣ. Христосъ велитъ любить враговъ: любовь есть *чувство;* но Онъ не запретилъ судьямъ осуждать злодѣевъ, не запретилъ воинамъ оборонять Государства. Вы христіанинъ, но Вы истребили полки Наполеоновы въ Россіи, какъ Греки-язычники истребляли Персовъ на поляхъ Эллады; Вы исполняли законъ государственный, который не принадлежитъ къ Религіи, но также данъ Богомъ: законъ естественной обороны, необходимый для существованія всѣхъ земныхъ тварей и гражданскихъ обществъ. Какъ Христіанинъ любите своихъ личныхъ враговъ; но Богъ далъ Вамъ Царство и вмѣстѣ съ нимъ обязанность исключительно заниматься благомъ онаго. *Какъ человѣкъ по чувствамъ* души, озаренной свѣтомъ Христіанства, Вы можете быть выше Марка Аврелія, но *какъ Царь* Вы то же, что онъ. Евангеліе молчитъ о Политикѣ; не даетъ новой: или мы, захотѣвъ быть Христіанами-политиками, впадемъ въ противорѣчія и несообразности. Меня ударятъ въ ланиту: я какъ Христіанинъ долженъ подставить другую. Непріятель сожжетъ нашъ городъ: впустимъ ли его мирно въ другой, чтобы онъ также обратилъ его въ пепелъ? Какъ могъ язычникъ Маркъ Аврелій, такъ можетъ и Христіанинъ Александръ благотворить врагамъ государственнымъ, уже *побѣжденнымъ*, слѣдуя закону человѣколюбія, извѣстнаго и добродѣтельнымъ язычникамъ, но единственно въ такомъ случаѣ, когда сіе благотвореніе не вредно для Отечества. Любите людей, но еще болѣе любите Россіянъ, ибо они и люди, и Ваши подданные, дѣти Вашего сердца. И поляки теперь слушаются Александра: но Александръ *взялъ* ихъ Русскою силою, а Россіянъ *далъ* Ему Богъ и съ ними снискалъ Онъ благодѣтельную славу *Освободителя Европы*.

Вы думаете возстановить *древнее* Королевство Польское; но сіе возстановленіе согласно ли съ закономъ государственнаго блага Россіи? согласно ли съ Вашими священными обязанностями, съ Вашею любовію къ Россіи и къ самой справедливости? Во-первыхъ (не говоря о Пруссіи) спрашиваю: Австрія отдастъ ли добровольно Галицію? Можете ли Вы, творецъ *Священнаго Союза*, объявить ей войну, противную не только Христіанству, но и государственной справедливости? ибо Вы Сами признали Галицію законнымъ владѣніемъ Австрійскимъ. Во-вторыхъ: можете ли съ мирною совѣстію отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волынію, Подолію, утвержденную собственность Россіи еще до Вашего царствованія? Не клянутся ли Государи блюсти цѣлость своихъ Державъ? Сіи земли уже были *Россіею*, когда Митрополитъ Платонъ вручалъ Вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра и Екатерины, которую Вы Сами назвали *Великою*. Скажутъ ли, что Она беззаконно раздѣлила Польшу? Но Вы поступили бы еще беззаконнѣе, если бы вздумали загладить Ея несправедливость раздѣломъ самой Россіи. Мы взяли Польшу мечемъ: вотъ наше право, коему всѣ Государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній. Екатерина отвѣтствуетъ Богу, отвѣтствуетъ Исторіи за свое дѣло; но оно сдѣлано, и для Васъ уже свято: для Васъ Польша есть законное Россійское владѣніе. *Старыхъ крѣпостей* нѣтъ въ политикѣ: иначе мы долженствовали бы возстановить и Казанское, Астраханское Царство, Новогородскую Республику, Великое Княжество Рязанское, и такъ далѣе. Къ тому же и *по старымъ крѣпостямъ* Бѣлорусія, Волынія, Подолія, вмѣстѣ съ Галиціею, были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если Вы отдадите ихъ, то у Васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смоленска: ибо они также долго принадлежали

враждебной Литвѣ. Или все, или ничего. Доселѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: *ни пяди ни врагу, ни другу!* Наполеонъ могъ завоевать Россію; но Вы, хотя и Самодержецъ, не могли договоромъ уступить ему ни одной хижины Русской. Таковъ нашъ характеръ и духъ государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россію бездушной, безсловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими, кого заблагоразсудите? Россія, Государь, безмолвна передъ Вами; но если бы возстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани!) и произвела нѣкогда Историка достойнаго, искренняго, безпристрастнаго, то онъ, Государь, осудилъ бы Ваше великодушіе, какъ вредное для Вашего истиннаго Отечества, доброй, сильной Россіи. Сей Историкъ сказалъ бы совсѣмъ не то, что могутъ теперь говоритъ Вамъ Поляки: извиняемъ ихъ, но Васъ бы мы, Русскіе, не извинили, если бы Вы для ихъ рукоплесканія ввергнули насъ въ отчаяніе. Государь, нынѣ славный, великій, любезный! отвѣтствую Вамъ головою за сіе неминуемое дѣйствіе цѣлаго возстановленія Польши. Я слышу Русскихъ, и знаю ихъ: мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ Царю; остыли бы душею и къ Отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола: ослабѣли бы не только уменьшеніемъ Государства, но и духомъ; унизились бы предъ другими и предъ собою. Не опустѣлъ бы конечно дворецъ; Вы и тогда имѣли бы Министровъ, Генераловъ: но они служили бы не Отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы... А Вы, Государь, гнушаетесь рабствомъ, и хотите дать намъ свободу!

Однимъ словомъ... и Господь Сердцевѣдецъ да замкнетъ смертію уста мои въ сію минуту, если говорю Вамъ не

истину... однимъ словомъ, возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрятъ своею кровію землю Польскую и снова возмутъ штурмомъ Прагу!

Нѣтъ, Государь, никогда поляки не будутъ намъ ни искренними братьями, ни вѣрными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любятъ сильныхъ, а сильные презираютъ слабыхъ; когда же усилите ихъ, то они захотятъ независимости, и первымъ опытомъ ея будетъ отступленіе отъ Россіи, конечно не въ Ваше царствованіе, но Вы, Государь, смотрите далѣе своего вѣка, и если не безсмертны тѣломъ, то безсмертны славою! Въ дѣлахъ государственныхъ чувство и благодарность безмолвны; а независимость есть главный законъ гражданскихъ обществъ. Литва, Волынія желаютъ Королевства Польскаго, но мы желаемъ единой Имперіи Россійской. Чей голосъ долженъ быть слышнѣе для Вашего сердца? Онѣ, въ случаѣ войны, впрочемъ ни мало невѣроятной (ибо кому теперь возстать на Россію?), могутъ измѣнить намъ: тогда накажемъ измѣну силою и правомъ: право всегда имѣетъ особенную силу, а бунтъ, какъ беззаконіе, отнимаетъ ее. Поляки, закономъ утвержденные въ достоинствѣ особеннаго державнаго народа, для насъ опаснѣе Поляковъ-Россіянъ. Государь! Богъ далъ Вамъ такую славу и такую Державу, что Вамъ безъ неблагодарности, безъ грѣха Христіанскаго и безъ тщеславія, осуждаемаго самою человѣческою политикою, нельзя хотѣть ничего болѣе, кромѣ того, чтобы утвердить миръ въ Европѣ и благоустройство въ Россіи: первый—безкорыстнымъ, великодушнымъ посредничествомъ; второе— хорошими законами и еще лучшею управою. Вы уже пріобрѣли имя Великаго: пріобрѣтите имя Отца нашего! Пусть существуетъ и даже благоденствуетъ Королевство Польское, какъ оно есть нынѣ; но да существуетъ, да

благоденствуетъ и Россія, какъ она есть, и какъ оставлена Вамъ Екатериною! . Екатерина любила Васъ нѣжно, любила и наше Отечество: Ея тѣнь здѣсь присутствуетъ. . умолкаю". (Царское Село, Октября 17, 1819 года. Неизданныя сочиненія и переписка Николая Михайловича Карамзина, ч. I, С.-Пб. 1862 г., стр. 3—8).

Примѣчаніе. Краснорѣчивая записка Н. М. Карамзина нисколько не поколебала намѣреній Александра I относительно Польши: проектъ былъ только отложенъ, въ виду общаго несочувствія къ нему всѣхъ русскихъ людей самыхъ противоположныхъ убѣжденій и взглядовъ. По признанію самого Карамзина, „Россія удержала свои польскія области; но болѣе счастливыя обстоятельства, нежели мои (Карамзина) слезныя убѣжденія, спасли Александра отъ дѣла равно бѣдственнаго и несправедливаго".

(Русскій біографическій Словарь т. I, стр. 363).

На сколько сильно было русское общественное мнѣніе противъ поляковъ, видно изъ слѣдующихъ словъ Императора Александра I въ письмѣ къ князю Адаму Чарторыйскому. „Не забудьте, писалъ Государь, что Литва, Подолія и Волынь считаютъ себя до сихъ поръ областями русскими, и что никакая логика въ мірѣ не убѣдитъ Россію, чтобы онѣ могли быть подъ владычествомъ иного Государя, кромѣ того, кто въ ней царствуетъ"...

(Русскій Архивъ 1871 г., стр. 848).

Слова Государя Императора Николая Павловича Плоцкому епископу Пражмовскому [1]).

„Такъ какъ ваше преосвященство являетесь здѣсь представителемъ римско-католическаго духовенства Нашего Царства Польскаго, то я долженъ вамъ замѣтить, что оное духовенство до сихъ поръ не только не съумѣло внушить чадамъ своимъ политической преданности Верховной власти, но и само уклонялось отъ этого священнаго долга. Такъ помните же, что я, какъ Государь, по стольку буду благосклоненъ къ вашему духовенству и къ вашей вѣрѣ, по скольку они будутъ вѣрными Престолу. Сообщите мои слова прочимъ епископамъ и всему духовенству, для того, чтобъ оно не ставило меня въ необходимость отказывать ему въ Царской милости и довѣріи“ [2]).

[1]) Въ апрѣлѣ 1826 года въ Петербургъ прибыла изъ Варшавы торжественная депутація, чтобы поздравить Государя Николая I съ восшествіемъ на Престолъ. Между прочими, членомъ депутаціи былъ также Плоцкій епископъ и сенаторъ Пражмовскій. Новый Государь, милостиво принявъ и поблагодаривъ депутацію, обратился къ enискому Пражмовскому съ вышеприведенными словами.

[2]) Сборникъ статей, разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ западной Россіи. — С. Шолковичъ. Вильна. 1887. Вып. 2, стр. 464.

2

Императоръ Николай I о польскомъ вопросѣ.

(Записка относится къ 1830 году).

Польша, говоритъ Царь-Рыцарь, постоянно была соперницей, самымъ неумолимымъ врагомъ Россіи; это наглядно вытекало изъ событій, приведшихъ къ нашествію 1812 года; и во время этой кампаніи опять таки поляки, болѣе ожесточенные, чѣмъ всѣ прочіе участники этой войны, совершили болѣе всего... [1]) изъ тѣхъ же побужденій ненависти и мести, которыя одушевляли ихъ во всѣхъ войнахъ съ Россіей. Богу было угодно благословить наше святое дѣло, и наши войска завоевали Польшу. Это неоспоримый фактъ.

Въ 1815 году Польша была отдана Россіи по праву завоеванія. Императоръ Александръ думалъ обезпечить интересы Россіи, возсоздавъ Польшу, какъ составную часть Имперіи, но съ титуломъ королевства, отдѣльными администраціею и арміею. Онъ даровалъ ей конституцію, которая, установивъ ея будущее устройство, платила добровольнымъ благодѣяніемъ за все зло, которое Польша не переставала причинять Россіи. Это было местью чудной души *(C'était la vengeance d'une belle âme)*. Но эта цѣль была ли достигнута?

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что эта маленькая страна, разоренная, ослабленная безпрерывными войнами, напряженіемъ, вызывавшимся цѣлымъ рядомъ революцій, частымъ переходомъ изъ однихъ рукъ въ другія, въ пятнадцатилѣтній промежутокъ времени до-

---

[1]) Здѣсь слово не разобрано; вѣроятно, *atrocités*. Прим. Шильдера.

стигла замѣчательнаго благосостоянія; ея финансовыя средства оказывались не только достаточными для удовлетворенія потребностей страны, но еще усиливали наличныя средства казначейства, въ теченіе почти года служащаго единственнымъ источникомъ для покрытія всѣхъ нуждъ происходящей борьбы. Наконецъ, армія, созданная по образцу арміи Имперіи, снабженная всѣмъ и богато одѣленная запасами въ арсеналахъ, при этомъ, безъ какого бы то ни было обремененія страны, достигшая рѣдкаго совершенства, оказалась въ состояніи послужить кадрами для 100,000 человѣкъ. Что же хорошаго вышло изъ этого для Имперіи? Огромныя жертвы, хотя и не выдѣленныя особо изъ того, что было сдѣлано въ 1813 и 1814 годахъ, были принесены для осуществленія завоеванія ея; другія, столь же значительныя жертвы были принесены въ послѣдующія 15 лѣтъ частью для содержанія и снаряженія арміи, частью для вооруженія крѣпостей и обременительнаго содержанія ядра войскъ, служившихъ ей инструкторами.

Имперія, въ ущербъ своей собственной промышленности, была наводнена польскими произведеніями; однимъ словомъ, Имперія несла всѣ тягости своего новаго пріобрѣтенія, не извлекая изъ него никакихъ иныхъ преимуществъ, кромѣ нравственнаго удовлетворенія отъ прибавленія лишняго титула къ титуламъ своего Государя. Но вредъ былъ дѣйствительный. Прежнія польскія провинціи, видя какъ ихъ соотечественники пользуются вблизи ихъ всѣми правами самостоятельнаго народа, которыми они даже злоупотребляютъ, болѣе чѣмъ когда либо стали задумываться надъ тѣмъ, какъ ускользнуть отъ владычества Имперіи. Поэтому оказалось, что, при первой же искрѣ, эти провинціи были готовы возстать и, какъ слѣдствіе

этого, самымъ пагубнымъ образомъ повлiять на дѣйствiя армiи. Другое еще болѣе существенное зло заключалось въ существованiи передъ глазами порядка вещей, согласнаго съ современными идеями, почти не осуществимаго въ королевствѣ, а слѣдовательно невозможнаго въ Имперiи. Зародившiяся надежды нанесли страшный ударъ уваженiю и общественному порядку и впервые привели къ несчастнымъ послѣдствiямъ, открытымъ въ концѣ 1825 года. Разъ ударъ былъ нанесенъ, примѣръ поданъ, трудно предположить, чтобы во время всеобщихъ волненiй и смуты эти идеи не продолжали развиваться, не смотря на ихъ доказанную призрачность и ихъ пагубныя послѣдствiя. Однимъ словомъ, это являлось разрушенiемъ того, что составляло силу Имперiи, т. е. убѣжденiя, что она можетъ быть велика и могущественна лишь при монархическомъ образѣ правленiя и самодержавномъ Государѣ. То, что было ложно въ основанiи, не могло продержаться долго. При первомъ же толчкѣ зданiе рухнуло, такъ какъ интересы были разно понимаемы въ обѣихъ странахъ; отсюда явилось различiе во взглядахъ на жизненный вопросъ, на то, какъ разсматривать и судить преступленiя противъ безопасности государства и особы Государя. Имперiя была оправдана и нашла защитниковъ даже въ королевствѣ. Слѣдствiемъ этого создались непреодолимыя препятствiя, настроенiе умовъ обострилось, поляки укрѣпились въ своемъ намѣренiи избавиться отъ русскаго владычества и наконецъ довели дѣло до катастрофы 1830 года.

Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ средства примиренiя, совмѣстимыя съ достоинствомъ Россiи, были снова испытаны, но напрасно. Присяга была повсюду нарушена, измѣна сдѣлалась всеобщей, и всякая возможность соглашенiя

исчезла. Тогда-то были двинуты русскія войска. Они шли, чтобы отомстить за свою народную честь, оскорбленную въ томъ, что она представляетъ для нихъ самаго священнаго, оскорбленную самою черною неблагодарностью. Всевозможныя неслыханныя жертвы приносятся ежедневно для достиженія этой цѣли. Но, когда она будетъ достигнута, и вопросъ будетъ рѣшенъ оружіемъ, въ чемъ будетъ заключаться результатъ, къ которому нужно будетъ стремиться? Или, лучше сказать, каковы будутъ при этихъ обстоятельствахъ истинные интересы Россіи?

Все, что дѣлается, и все, что еще происходитъ въ Польшѣ, наглядно доказываетъ, что время великодушія прошло; неблагодарность поляковъ сдѣлала его невозможнымъ, и отнынѣ во всѣхъ сдѣлкахъ, касающихся ея, все должно быть подчинено интересамъ Россіи. Установивши это положеніе, нельзя не согласиться, что русскіе интересы не совмѣстимы съ существованіемъ польскаго королевства, такого, какимъ оно было создано въ 1815 году, и при условіи сохраненія имъ своей конституціи. Дѣло идетъ не только о томъ, чтобы лишить Польшу матеріальной возможности вредить Россіи, но слѣдуетъ еще разсмотрѣть, какое вознагражденіе можетъ получить Россія за свои тяжелыя жертвы, и какія выгоды она можетъ извлечь изъ обладанія Польшей? На первый вопросъ легко отвѣтить: ничто не можетъ вознаградить Россію за жертвы и потери, понесенныя ею лишь для отмщенія за свою народную честь. Что касается втораго вопроса, мнѣ кажется, что Россія не можетъ извлечь изъ Польши, такой, какова она есть, никакихъ *дѣйствительныхъ выгодъ*, и, что еще болѣе важно, что для Имперіи даже нѣтъ гарантій, которыя могли бы обез-

печивать ей въ будущемъ мирное обладаніе этою страной. Итакъ, вѣрный принципу, который я высказалъ въ началѣ, т. е. *принципу истинныхъ выгодъ Россіи*, я полагаю, что единственный способъ отдать себѣ отчетъ въ этомъ вопросѣ заключается въ слѣдующемъ.

Россія—государство сильное и счастливое само по себѣ, никогда не должна угрожать ни сосѣднимъ государствамъ, ни Европѣ. Но она должна занимать внушительное, *оборонительное* положеніе, способное сдѣлать невозможнымъ всякое нападеніе на нее. Бросивъ взглядъ на карту, пугаешься, видя, что границы польской территоріи Имперіи доходятъ почти до Одера, такъ какъ фланги отходятъ за Нѣманъ и Бугъ, чтобы упереться въ Балтійское море близь Полангена и въ Черное—близь Дуная. Эта выступающая часть заключаетъ въ себѣ армію, чтобы держать ее въ покорности. Эта страна ничего не приноситъ Имперіи. Напротивъ того, она можетъ существовать лишь безпрерывнымъ рядомъ жертвъ, которыя Имперія должна приносить для доставленія ей возможности удовлетворять потребностямъ ея администраціи. Слѣдовательно, неоспоримо, что выгодъ отъ этого неудобнаго обладанія нѣтъ никакихъ, а неудобства серьезны, даже угрожающія. Остается рѣшить, какъ можно помочь этому? Я вижу лишь одно средство для этого, и вотъ оно: объявить, что русская честь была вполнѣ удовлетворена завоеваніемъ королевства, но что не въ интересахъ Россіи владѣть провинціей, неблагодарность которой была столь наглядна, что ея истинные интересы предписываютъ ей установить ея границы по Вислѣ и Нареву; что она отказывается отъ остальнаго, какъ недостойнаго принадлежать ей, предоставляя своимъ союзникамъ заботу поступить съ нимъ,

какъ имъ будетъ угодно; что, тѣмъ не менѣе, вѣрная своимъ принципамъ, Россія предоставляетъ той части королевства, которая останется за нею, пользоваться ея законами и установленіями, насколько они будутъ совмѣстимы съ будущими истинными интересами; что титулъ королевства Польскаго останется присвоеннымъ этой части страны во избѣжаніе того, чтобы этотъ титулъ, носимый другою частью, не создалъ новаго государства, враждебнаго Россіи, чего Россія не потерпитъ ни въ какомъ случаѣ.

(Варшавскій Дневникъ 1896 г. № 165).

Рѣчь Государя Императора Александра II, произнесенная по французски въ Варшавѣ II Мая 1856 года, при пріемѣ дворянскихъ предводителей, сенаторовъ и высшаго римско-католическаго духовенства.

Господа, я прибылъ къ вамъ съ забвеніемъ прошлаго, одушевленный найлучшими намѣреніями для края. Отъ васъ зависитъ помочь мнѣ въ ихъ осуществленіи. Но прежде всего, я долженъ вамъ сказать, что взаимное наше положеніе необходимо выяснить. Я заключаю васъ въ сердцѣ своемъ, также какъ финляндцевъ и прочихъ моихъ русскихъ поданныхъ; но хочу, чтобы сохраненъ былъ порядокъ, установленный моимъ отцомъ. И такъ, господа, прежде всего оставьте мечтанія („Point de rêveries!“—дважды). Тѣхъ, кто захотѣлъ бы оставаться при нихъ, я сумѣю сдержать, сумѣю воспрепятствовать ихъ мечтамъ выступить изъ предѣловъ воображенія. Счастье Польши зависитъ отъ полнаго слiянія ея съ народами моей Имперіи. То, что сдѣлано моимъ отцомъ, хорошо сдѣлано, и я поддержу его дѣло. Въ послѣднюю восточную войну, *ваши* сражались наравнѣ съ прочими и князь Михаилъ Горчаковъ, бывшій тому свидѣтелемъ, воздаетъ имъ справедливость, утверждая, что они мужественно пролили кровь свою въ защиту отечества. Финляндія и Польша одинаково мнѣ дороги, какъ и всѣ прочія части моей Имперіи. Но вамъ нужно знать, для блага самихъ поляковъ, что Польша должна пребывать навсегда въ соединеніи съ великою семьею русскихъ Императоровъ. Вѣрьте, господа, что меня одушевляютъ лучшія намѣренія. Но ваше дѣло —облегчить мнѣ мою задачу, и я снова повторяю: Господа, оставьте мечтанія! оставьте мечтанія! Что же касается до васъ, господа

сенаторы, то слѣдуйте указаніямъ находящагося здѣсь намѣстника моего, князя Горчакова; а вы, господа епископы, не теряйте никогда изъ виду, что основаніе доброй нравственности есть религія и что на вашей обязанности лежитъ внушить полякамъ, что счастіе ихъ зависитъ единственно отъ полнаго ихъ сліянія со святою Русью".

(Русскій Біографич. Словарь, т. I, стр. 487. С.-Пб. 1896 г.).

15-го Мая 1856 года Государь Императоръ Александръ II, выражая лично свое удовольствіе комитету, занимавшемуся устройствомъ въ Варшавѣ праздника по случаю пріема Государя Императора, сказалъ:

„Я очень радъ, господа, объявить вамъ, что мнѣ было весьма пріятно находиться въ вашей средѣ. Вчерашній балъ былъ прекрасенъ. Благодарю васъ за него. Я увѣренъ, что вамъ повторили слова, съ которыми я обратился къ представителямъ дворянства, при ихъ пріемѣ, пять дней тому назадъ. Будьте же, господа дѣйствительно соединены съ Россіей и оставьте всякія мечты о независимости, которыя нельзя ни осуществить, ни удержать. Сегодня повторяю вамъ опять: я убѣжденъ, что благо Польши, что спасеніе ея требуетъ, чтобы она соединилась навсегда, полнымъ сліяніемъ, съ славною семьею русскихъ Императоровъ, чтобы она обратилась въ неотъемлемую часть великой всероссійской семьи. Сохраняя Польшѣ ея права и учрежденія, въ томъ видѣ, въ какомъ даровалъ ихъ ей мой отецъ, я твердо рѣшился дѣлать добро и благопріятствовать процвѣтанію края. Я хочу обезпечить ему все, что можетъ быть ему полезно и что обѣщано или даровано моимъ отцомъ; я ничего не измѣню. Сдѣланное моимъ отцомъ—хорошо сдѣлано; царствованіе мое будетъ продолженіемъ его царствованія; но отъ васъ зависитъ, господа, сдѣлать эту мою задачу выполнимою; вы должны помочь мнѣ въ моемъ дѣлѣ, на васъ ляжетъ отвѣтственность, если мои намѣренія встрѣтятъ химерическое сопротивленіе. Чтобы доказать вамъ, что я помышляю объ облегченіяхъ, предупреждаю васъ, что я только что подписалъ актъ объ амнистіи; я дозволяю возвращеніе въ Польшу всѣмъ эмигрантамъ, которые будутъ о томъ просить. Они могутъ

быть увѣрены, что ихъ оставятъ въ покоѣ. Имъ возвратятъ ихъ прежнія права и не будутъ производить надъ ними слѣдствія. Я сдѣлалъ лишь одно исключеніе, изъявъ старыхъ, неисправимыхъ, и тѣхъ, которые, въ послѣдніе годы, не переставали составлять заговоры или сражаться противъ насъ. Всѣ возвратившіеся эмигранты могутъ даже, по истеченіи трехъ лѣтъ раскаянія и добраго поведенія, стать полезными, возвратясь на государственную службу. Но прежде всего, господа, поступайте такъ, чтобы предположенное добро было возможно и чтобы я не былъ вынужденъ обуздывать и наказывать. Ибо если, по несчастію, это станетъ необходимымъ, то на это хватитъ у меня рѣшимости и силы: не вынуждайте же меня къ тому никогда". Одинъ изъ предводителей дворянства, графъ Езерскій, хотѣлъ было возражать, но Государь прервалъ его: „Поняли ли вы меня? Лучше награждать, чѣмъ наказывать. Мнѣ пріятнѣе расточать похвалу, какъ я дѣлаю это сегодня, возбуждать надежды и вызывать благодарность. Но знайте также, господа, и будьте въ томъ увѣрены, что если это окажется нужнымъ, то я сумѣю обуздать и наказать, и вы увидите, что я накажу строго. Прощайте, господа".

(Русскій Біографич. Словарь. С.-Пб. 1896 г. Т. I. стр. 488).

Высочайшій манифестъ Императора Александра II въ первый день Пасхи 1863 года (о польскомъ мятежѣ).

„При первомъ извѣстіи о вспыхнувшемъ въ Царствѣ Польскомъ мятежѣ, мы, по движенію нашего сердца, провозгласили, что не винимъ польскій народъ за волненія, для него самого найболѣе пагубныя, Мы относили ихъ единственно къ возбужденіямъ, издавна подготовленнымъ, внѣ Царства, нѣсколькими лицами, въ которыхъ многолѣтняя скитальческая жизнь утвердила привычку къ безпорядкамъ, насилію, тайнымъ замысламъ и крамоламъ, погасила самыя возвышенныя чувства любви къ человѣчеству и возбудила даже рѣшимость запятнать народную честь преступленіемъ. Всѣ эти проявленія другого времени, надъ которымъ исторія уже давно произнесла свой приговоръ, не соотвѣтствуютъ болѣе духу нашей эпохи. Настоящее поколѣніе должно имѣть цѣлію, не потоками крови, но путемъ мирнаго развитія, доставить благоденствіе странѣ. Эту же цѣль и мы себѣ предначертали, когда. въ упованіи на покровительство Божіе, дали обѣтъ предъ Всемогущимъ и предъ собственною совѣстію, посвятить нашу жизнь благу нашихъ народовъ. Но къ полному и всестороннему осуществленію сего обѣта, для насъ всегда священнаго, намъ нужна помощь всѣхъ людей благомыслящихъ, искренно преданныхъ своей родинѣ и понимающихъ эту преданность, не въ своекорыстныхъ и преступныхъ порывахъ, а въ охраненіи общественнаго спокойствія, законами утвержденнаго. Въ нашихъ заботахъ о будущности края, мы готовы всѣ предшедшія смуты покрыть забвеніемъ и вслѣдствіе того, въ горячемъ желаніи положить предѣлъ кровопролитію, столь же безцѣльному для однихъ, сколько тягостному для

другихъ, даруемъ полное и совершенное прощеніе тѣмъ изъ числа вовлеченныхъ въ мятежъ подданныхъ нашихъ въ Царствѣ Польскомъ, которые, не подлежа отвѣтственности за какія либо иныя уголовныя или по службѣ въ рядахъ нашихъ войскъ преступленія, сложатъ оружіе и возвратятся къ долгу повиновенія до 1-го будущаго Мая. На насъ лежитъ священная обязанность охранять край отъ возобновленія волненій и безпорядковъ и открыть новую эру въ политической его жизни, которая можетъ начаться только посредствомъ разумнаго устройства мѣстнаго самоуправленія, какъ основы всего общественнаго зданія. Мы и положили эту основу въ дарованныхъ нами Царству установленіяхъ; но къ искреннему нашему прискорбію, успѣхъ ихъ еще не могъ быть извѣданъ на опытѣ, вслѣдствіе превратныхъ внушеній, поставившихъ мечтательныя увлеченія на мѣсто того порядка, безъ котораго немыслимо никакое преобразованіе. Сохраняя и нынѣ эти установленія во всей ихъ силѣ, мы предоставляемъ себѣ, когда они будутъ испытаны на самомъ дѣлѣ, приступить къ дальнѣйшему ихъ развитію, соотвѣтственно нуждамъ времени и страны. Только довѣріемъ къ этимъ намѣреніямъ нашимъ можно будетъ Царству Польскому изгладить слѣды минувшихъ бѣдствій и надежно идти къ цѣли, предназначенной нашею о немъ попечительностію. Мы же, съ нашей стороны, испрашиваемъ помощь отъ Бога на довершеніе всего, что постоянно считали нашимъ въ семъ дѣлѣ призваніемъ“.

(Русскій Біограф. Слов. С.-Пб. 1896 г. Т. I, стр. 593—594).

Примѣчаніе: Въ отвѣтъ на Высочайшій Манифестъ послѣдовали многочисленные адресы, съ выраженіемъ вѣрноподданнической преданности, отъ дворянствъ и другихъ сословій различныхъ губерній. Здѣсь прилагаются адресы губерній С.-Петербургскаго и Московскаго дворянства.

Всеподданнѣйшій адресъ С.-Петербургскаго Дворянства и отвѣтъ Государя Императора Александра II.

„Вызванныя польскими смутами притязанія на достояніе Россіи возбуждаютъ въ насъ и скорбь, и негодованіе. Завистники наши мнятъ, что время преобразованій, предпринятыхъ Вами для пользы и преуспѣянія государства, благопріятствуетъ ихъ замысламъ на всецѣлость русской державы. Но тщетны были бы ихъ покушенія! Испытанное въ преданности и самоотверженіи дворянство, не щадя силъ и жертвъ, въ тѣсномъ союзѣ со всѣми сословіями, станетъ на защиту предѣловъ Имперіи. Да узнаютъ враги Россіи, что живъ еще въ насъ тотъ могучій духъ предковъ, коимъ создано государственное единство любезнаго нашего отечества.“

Государь Императоръ, милостиво принявъ это выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ, въ слѣдующихъ словахъ изъявилъ свою признательность поднесшей ему адресъ дворянской депутаціи:

„Благодарю васъ за адресъ. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ, онъ доставилъ мнѣ одну изъ самыхъ пріятныхъ, утѣшительныхъ минутъ. Я вполнѣ раздѣляю ваши чувства, какъ дворянинъ, и увѣренъ, что все русское дворянство ихъ раздѣляетъ съ вами. Надѣюсь, что вы и дѣтямъ вашимъ передадите такія же чувства, какими теперь меня порадовали. Понимаю любовь къ отечеству такъ, какъ вы ее выразили: она составляла, въ теченіе вѣковъ, силу Россіи; она же, переходя изъ рода въ родъ, останется вѣрнѣйшею охраною ея могущества. Еще разъ благодарю васъ и прошу передать искреннюю мою благодарность дворянству.“

(Русскій Біограф. Слов. С.-Пб. 1896 г. Т. I, стр. 594—595).

Всеподданнѣйшій адресъ Московскаго дворянства.

„Услышавъ голосъ Вашего Величества, обращенный къ мятежнымъ подданнымъ, дворянство Московской губерніи поспѣшило собраться необычнымъ порядкомъ. Оно хотѣло, Государь, чтобы русское дворянство немедленно отозвалось изъ самаго сердца Россіи, изъ первопрестольной Москвы, зиждительницы русскаго государства. Государь, мы всѣ передъ вами какъ одинъ человѣкъ. Всѣ заботы смолкаютъ и падаютъ предъ всесильнымъ призывомъ отечества. Враги, возмутившіе западный край вашихъ владѣній, ищутъ не блага Польши, а пагубы Россіи, призываемой вами къ новой исторической жизни. Государь, ваше право на Царство Польское есть крѣпкое право; оно куплено русскою кровью, много разъ пролитою въ оборонѣ отъ польскаго властолюбія и польской измѣны. Судъ Божій рѣшилъ нашу тяжбу, и Польское Царство соединено неразрывно съ вашею державою. Вы произнесли, Августѣйшій Монархъ, слово милости и прощенія, чтобъ исторгнуть оружіе у возмутившихся подданныхъ; да будетъ же это слово услышано съ благодарностью и покорностью! Вы пребываете тверды въ благихъ начинаніяхъ вашихъ. Вы сохраняете всѣ льготы, дарованныя вами Царству Польскому. Вы не дѣлаете различія между поляками и русскими и открываете для нихъ одну и ту же будущность благосостоянія и успѣховъ, которая должна тѣснѣе сблизить и сроднить ихъ между собою. Ваше милосердіе, Государь, есть твердость и сила. Такъ понимаетъ его ваше вѣрное дворянство; такъ понимаетъ его весь народъ вашъ; такъ должны понимать его и недруги Россіи. Мы молимъ Всевышняго, да отвратитъ онъ отъ нашего отечества

бѣдствія войны. Но война не страшитъ насъ. Все устремится на зовъ отечества, все поднимется, при малѣйшемъ покушеніи на всецѣлость вашей державы, при малѣйшемъ оскорбленіи нашей народной чести. Довѣрьтесь судьбамъ вашего народа, Государь. Положитесь на испытанную преданность вашего дворянства; какъ всегда, оно будетъ впереди, гдѣ грозитъ опасность. Во главѣ освобождаемой вами Россіи, Вы могущественны, Государь, Вы могущественнѣе вашихъ предшественниковъ. Дерзайте, уповая на Бога, на вашу правду и на любовь къ вамъ всей Россіи."

(*Русскій Біографическій Словарь С.-Пб. 1896 года. Т. 1, стр. 595*),

Рескриптъ Государя Императора Александра II Великому Князю Константину Николаевичу, съ увольненіемъ Его отъ званія Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ. (19 Октября 1863 г.).

Призвавъ Ваше Императорское Высочество въ прошедшемъ году, (27 Мая 1862 г.) къ управленію Царствомъ Польскимъ въ качествѣ моего намѣстника, я желалъ выразить мою твердую волю дать постепенное развитіе новымъ учрежденіямъ, мною Царству дарованнымъ. Самое назначеніе любезнаго мнѣ брата было ручательствомъ моего искренняго желанія слѣдовать путемъ умиротворенія къ возстановленію нарушеннаго порядка въ Польшѣ и водворенію въ ней прочнаго управленія, на основаніяхъ, согласныхъ съ нуждами и пользою края. Вполнѣ постигнувъ мои благосклонныя къ народу польскому намѣренія, душевно имъ сочувствуя, и воодушевленные высокою мыслью примиренія, Ваше Императорское Высочество, съ достойнымъ самоотверженіемъ, пожертвовали всѣмъ положеніемъ вашимъ въ Имперіи, чтобы, на новомъ поприщѣ, неограниченнымъ моимъ довѣріемъ вамъ указанномъ, усугубить ваше рвеніе на пользу службы и отечества. Я имѣлъ право ожидать отъ подданныхъ моихъ Царства Польскаго, что какъ намѣренія мои, такъ и готовность ваша къ приведенію въ исполненіе моихъ предначертаній, будутъ постигнуты, что, минутно увлеченные насиліемъ противъ правительства, они поймутъ значеніе прибытія вашего въ Царство, и, видя въ немъ залогъ попеченій моихъ о благѣ Польши и доказательство моего расположенія простить заблужденіе, они возвратятся на путь долга и къ чувствамъ преданности своему Монарху. Къ крайнему моему прискорбію, надежды мои не осуществились. Встрѣченные на первомъ шагу вѣроломствомъ и покушеніемъ на дра-

гоцѣнную для меня жизнь вашу, Ваше Императорское Высочество кровію запечатлѣли преданность ко мнѣ и Россіи. Не взирая на всѣ усилія ваши, учрежденія, дарованныя мною Царству Польскому, доселѣ не дѣйствуютъ согласно ихъ назначенію, встрѣчая постоянныя препятствія, не въ доброй волѣ и стараніяхъ правительства, а въ самой странѣ, находящейся подъ гнетомъ крамолы и пагубнымъ вліяніемъ иноземныхъ возмутителей. Съ прибытіемъ вашимъ въ Польшу должна была, внушеніемъ необходимаго уваженія и довѣрія къ закону, ознаменоваться новая эпоха для ея внутренняго развитія и благоденствія. Неусыпно, и не щадя своего здоровья, Ваше Императорское Высочество, твердою волею старались осуществить мои благія, для Царства Польскаго, намѣренія. Соглашая постоянно ваши дѣйствія съ цѣлію вашего назначенія, имѣя постоянно въ виду пользы службы Россіи и ввѣреннаго управленію вашему края, пренебрегая ежеминутною личною опасностію, вы не поколебались въ неусыпныхъ усиліяхъ вашихъ и тогда, когда открытый мятежъ противопоставилъ величайшія затрудненія дѣйствію закона. Но продолжающееся возмущеніе, тайные преступные замыслы и возрастающая со всѣхъ сторонъ измѣна убѣдили Ваше Императорское Высочество въ несоотвѣтственности съ нынѣшнимъ состояніемъ края моей мысли благосклоннаго и кроткаго умиротворенія, побудившей меня возложить на васъ исполненіе щедрыхъ льготъ, мною Царству Польскому дарованныхъ. Народъ польскій не хотѣлъ понять и оцѣнить мысль назначенія Вашего Императорскаго Высочества моимъ намѣстникомъ и, вѣроломнымъ возстаніемъ и преступными заговорами, оказался недостойнымъ даннаго ему, въ лицѣ любезнаго мнѣ брата, залога благосклонныхъ намѣреній моихъ. Сознавая справедливость вашего

воззрѣнія на невозможность, при настоящихъ обстоятельствахъ, слѣдовать для усмиренія края тѣмъ путемъ, который вызвалъ въ прошедшемъ году назначеніе ваше, я соизволяю на испрашиваемое вами увольненіе отъ обязанностей намѣстника моего и главнокомандующаго войсками въ Царствѣ Польскомъ. Когда же, съ помощію Божіею, возстаніе въ Польшѣ будетъ подавлено, когда, внявъ, наконецъ, гласу закона и долга, подданные мои въ Царствѣ отвергнутъ насиліе отъявленныхъ поборниковъ измѣны и обратятся къ моему милосердію, когда водворенный порядокъ дозволитъ приступить вновь къ начатому вами дѣлу, когда обстоятельства дозволятъ введеніе тѣхъ учрежденій, которыя мною были дарованы Царству, и приведеніе въ дѣйствіе коихъ есть одно изъ моихъ живѣйшихъ и искреннѣйшихъ желаній, тогда я буду надѣяться, что вамъ снова можно будетъ принять участіе въ исполненіи моихъ предначертаній и посвятить себя на пользу службѣ, съ тою же ревностію и самоотверженіемъ, коихъ постоянныя и несомнѣнныя доказательства столь же были отрадны моему сердцу, сколь неограниченны мои къ вамъ довѣріе и братскія дружба и любовь. Молю Бога, дабы испрашиваемый вами отдыхъ, необходимый Вашему Императорскому Высочеству послѣ постоянныхъ и тяжкихъ трудовъ, понесенныхъ вами среди величайшихъ затрудненій и испытаній, глубоко поражавшихъ ваше сердце, столь горячо любящее дорогое отечество, сколь возможно скоро возстановилъ ваши силы. Да поможетъ намъ Богъ! Въ его безпредѣльное милосердіе уповаю твердо и непоколебимо. Искренно васъ любящій и благодарный братъ Александръ".

(Русскій Біографическій Словарь. С.-Пб. 1896 г. Т. I стр. 600—601).

Изъ сношеній Государя Императора Александра II съ Папою Піемъ IX.

Папа Пій IX, съ самаго начала возстанія въ Польшѣ, проявившій сочувствіе къ полякамъ и оказавшій имъ всевозможныя поощренія, обратился съ личнымъ письмомъ къ Государю, жалуясь на положеніе римско-католической церкви въ краѣ, на терпимыя ею притѣсненія, и требовалъ для себя права непосредственно сноситься, внѣ всякаго правительственнаго контроля, съ мѣстными епископами; а для духовенства—возстановленія его вліянія на народное образованіе (Che il clero recuperi la sua influenza nel insegnamento e direzione del popolo). Императоръ Александръ отвѣчалъ римскому первосвященнику письмомъ, въ которомъ упрекамъ его противопоставилъ обвиненіе духовныхъ лицъ въ соучастіи въ мятежѣ, въ вызванныхъ ими безпорядкахъ и даже въ совершенныхъ преступленіяхъ. „Этотъ союзъ“, писалъ Государь, „пастырей церкви съ виновниками безпорядковъ, угрожающихъ обществу,—одно изъ возмутительнѣйшихъ явленій нашего времени. Ваше святѣйшество должны не менѣе меня желать его прекращенія“, и заключилъ письмо такими словами: „Я увѣренъ, что прямое соглашеніе моего правительства съ правительствомъ вашего святѣйшества, на основаніи заключеннаго между нами конкордата, вызоветъ желаемый мною свѣтъ, при которомъ разсѣятся недоразумѣнія, порожденныя ошибочными или злонамѣренными донесеніями, и преуспѣетъ дѣло политическаго порядка и религіозныхъ интересовъ, нераздѣльныхъ въ такое время, когда и тому, и другимъ приходится обороняться отъ нападеній революціи. Всѣ дѣйствія моего царствованія и заботливость моя о духовныхъ нуждахъ

моихъ подданныхъ всѣхъ исповѣданій служатъ залогомъ чувствъ, одушевляющихъ меня въ этомъ отношеніи".

(Русскій Біограф. Слов. С.-По. 1896 г. Т. I, стр. 606—607).

Примѣчаніе. „Послѣ происшедшаго, весною 1863 года, обмѣна писемъ съ Императоромъ Александромъ II, папа Пій IX пользовался каждымъ случаемъ, чтобы выражать сочувствіе и оказывать нравственную поддержку дѣлу польскаго возстанія. Предложенную ему русскимъ Дворомъ присылку въ Петербургъ постояннаго нунція онъ отклонилъ, признавъ ее для себя „затруднительною". Мятежъ уже потухалъ, когда папа приказалъ торжественно молиться въ церквахъ за Польшу, какъ за оплотъ католической вѣры противъ вторженія ереси, прося у Бога, чтобы она была освобождена отъ удручавшихъ ее бѣдствій и чтобы всегда оставалась вѣрною своему призванію. Самъ онъ произнесъ весною 1864 года, въ коллегіи пропаганды, страстную рѣчь, въ которой взводилъ лично на Государя обвиненія въ томъ, что католическая церковь подвергается преслѣдованію въ его владѣніяхъ, и католики предаются мученіямъ за то только, что остаются вѣрными до смерти религіи Іисуса Христа". Это побудило русскій Дворъ отозвать своего посланника изъ Рима, оставивъ тамъ, для завѣдыванія дѣлами миссіи, лишь повѣреннаго въ дѣлахъ.

Въ сношеніяхъ своихъ съ Петербургскимъ кабинетомъ, курія, не стѣсняясь, прибѣгала къ устрашенію, грозя возвѣстить всему свѣту о рядѣ притѣсненій, коимъ якобы подвергается р.-католическая церковь въ Россіи, на что кн. Горчаковъ отвѣчалъ: „Совѣсть нашего Августѣйшаго Государя снимаетъ съ него нареканіе, будто онъ намѣренъ притѣснять католическую вѣру. Мы съ полнымъ спокойствіемъ будемъ ждать исполненія угрозы, которою заключается меморандумъ кардинала Антонелли".

(Ibid. 632).

Изъ депеши князя Горчакова къ послу при Тюильрійскомъ Дворѣ по поводу польскаго мятежа 1863 г.

„Одинъ изъ главнѣйшихъ центровъ агитаціи находится въ самомъ Парижѣ. Польскіе выходцы, пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ, организовали тамъ обширный заговоръ, поставившій себѣ задачею, съ одной стороны, вводить въ заблужденіе общественное мнѣніе Франціи системою безпримѣрныхъ поношеній и клеветъ, а съ другой — питать безпорядокъ въ Царствѣ Польскомъ, то матеріальными пособіями, то терроромъ тайнаго комитета, то, главнымъ образомъ, распространяя убѣжденіе о дѣятельномъ вмѣшательствѣ въ пользу самыхъ безсмысленныхъ стремленій возстанія. Это вліяніе составляетъ нынѣ главный источникъ агитаціи, которая иначе исчезла бы предъ дѣйствіемъ закона, предъ равнодушіемъ или отвращеніемъ массъ. Въ этомъ надлежитъ, слѣдовательно, искать нравственную причину, содѣйствующую продолженію бѣдственнаго порядка вещей, скорое прекращеніе котораго французское правительство, подобно намъ, призываетъ своими желаніями, во имя человѣколюбія и мира. Намъ пріятно думать, что оно не дозволитъ злоупотреблять его именемъ, въ интересахъ революціи, въ Польшѣ и въ Европѣ“.

(Русскій Біографическій Словарь. С.-Петерб. 1896 г. Т. I, стр. 610).

Примѣчаніе. Подобныя депеши о польскихъ дѣлахъ, Высочайше утвержденныя, были подписаны и отправлены къ представителямъ Россіи въ Лондонѣ и Вѣнѣ. Въ нихъ категорически отклонялись предлагаемые этими державами пункты условій для замиренія польскихъ дѣлъ, отклонялись предложенія о перемиріи и о созывѣ обще - европейской конференціи. Русское

общественное мнѣніе съ патріотическою гордостью привѣтствовало обнародованіе депешъ кн. Горчакова. Катковъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" писалъ:

„Теперь конецъ всѣмъ ожиданіямъ, конецъ всѣмъ тревогамъ; отвѣты нашего Правительства у всѣхъ передъ глазами, и всякій, прочтя ихъ, вздохнетъ легко и свободно; у всякаго окажется на душѣ удовлетворенное чувство народной чести, и вмѣстѣ чувство гражданской благодарности къ державной рукѣ, управляющей судьбами Россіи..."

(Ibid 610—611).

Изъ Высочайшаго указа отъ 27 Октября 1864 г. объ упраздненіи значительнаго числа римско-католическихъ монастырей въ Привислинскомъ краѣ.

„Соблюдая завѣты Августѣйшихъ нашихъ предшественниковъ и слѣдуя искреннѣйшимъ побужденіямъ нашего сердца, мы всегда охраняли законныя права и неприкосновенность религій, исповѣдуемыхъ нашими вѣрными подданными. Въ семъ случаѣ, мы лишь руководствовались тѣми непреложными началами вѣротерпимости, которыя составляютъ одно изъ главныхъ основаній отечественнаго законодательства и неразрывно связуются съ коренными историческими преданіями православной церкви и русскаго народа. И въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ большинство жителей принадлежитъ къ церкви римско-католической, мы имѣли особливое попеченіе о благосостояніи сей церкви, сохраняя всѣ ея учрежденія въ томъ видѣ, какъ они сложились самостоятельно, въ прежнее время. Въ 1861 и 1862 годахъ, даруя жителямъ Царства разныя льготы и преимущества, мы распространили оныя и на римско-католическое духовенство, ввѣривъ, въ тоже время, заботы о его нуждахъ особому высшему управленію изъ лицъ, несомнѣнно преданныхъ римско-католической церкви. Съ тѣмъ бо́льшею скорбію усмотрѣли мы, что во время возникшихъ, вслѣдъ затѣмъ, въ Царствѣ волненій, нѣкоторая часть духовенства римско-католическаго не оказалась вѣрною, ни долгу пастырей, ни долгу подданныхъ. Даже монахи, забывъ заповѣди Евангелія и презрѣвъ добровольно принесенные предъ алтаремъ обѣты иноческаго званія, возбуждали кровопролитіе, подстрекали къ убійствамъ, оскверняли стѣны обителей, принимая въ нихъ святотатственныя присяги на совершеніе злодѣяній, а нѣкоторые вступали

сами въ ряды мятежниковъ и обагряли руки свои кровію невинныхъ жертвъ. Сколь ни прискорбны для сердца нашего сіи горестныя явленія, потрясающія самыя основы религіознаго и нравственнаго быта ввѣреннаго намъ Всевышнимъ Промысломъ народа, они, тѣмъ не менѣе, не охлаждаютъ заботливости нашей о благоустроеніи римско-католической церкви и духовенства въ Царствѣ Польскомъ. Въ сихъ видахъ, мы повелѣли учредительному комитету составить и представить намъ проекты штатовъ, которые обезпечили бы въ Польшѣ матеріальное положеніе приходскаго римско-католическаго духовенства, дабы не только уравнять, по возможности, выгоды, извлекаемыя членами онаго изъ бенефицій, но, въ особенности, улучшить бытъ тѣхъ изъ приходскихъ настоятелей, которые нынѣ, по крайней невѣрности или скудости дохода, наиболѣе стѣснены въ своихъ средствахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, тяжелый опытъ едва пройденныхъ дней вынуждаетъ насъ принять дѣйствительныя мѣры къ огражденію общества отъ повторенія явленій, подобныхъ тѣмъ, которыми монашествующее сословіе въ Царствѣ ознаменовало участіе свое въ послѣднемъ мятежѣ. Мы убѣдились въ невозможности оставить монастыри Царства въ томъ исключительномъ состояніи, которое предоставлялось имъ доселѣ, по особенному снисхожденію правительства, тогда какъ, въ бо́льшей части римско-католическихъ государствъ Европы, давно уже приняты мѣры къ подчиненію иноковъ общему епархіальному начальству, къ упраздненію монастырей, не имѣющихъ опредѣленнаго каноническими правилами числа монаховъ, или обнаружившихъ вредное направленіе, и къ передачѣ въ казенное завѣдываніе монастырскихъ имѣній, управленіе коими увлекаетъ духовенство отъ его прямого призванія. Находя, что и въ Царствѣ

Польскомъ подобныя мѣры необходимы для возстановленія въ римско-католическихъ монастыряхъ нарушеннаго благочинія, мы повелѣли учредить въ Варшавѣ общую о монастыряхъ комиссію изъ лицъ, частію нами самими, частію намѣстникомъ нашимъ назначенныхъ. Комиссія эта тщательно разсмотрѣла вопросъ о томъ, которыя именно изъ обителей подлежатъ упраздненію по малому въ нихъ числу иноковъ, а равно изслѣдовала участіе отдѣльныхъ монастырей въ дѣйствіяхъ послѣдняго мятежа“.

(*Русскій Біографическій Словарь. С.-Пб. 1896 г. Т. I, стр. 623—624*).

Слова Государя Императора Александра II-го въ присутствіи Цесаревича Александра Александровича къ представителямъ дворянскихъ польскихъ родовъ, впервые допущенныхъ въ Петербургѣ къ Царскому пріему послѣ мятежа 1863 года, явившимся ко дню погребенія б. Наслѣдника Престола Николая Александровича.

„Я желалъ видѣть васъ, господа, чтобы поблагодарить за чувства, которыя вы выразили мнѣ при послѣднихъ тяжкихъ обстоятельствахъ Хочу вѣрить, что они искренни, и желаю, чтобы были раздѣляемы большинствомъ вашихъ соотечественниковъ, подданныхъ моихъ въ Царствѣ Польскомъ. Чувства эти будутъ лучшимъ ручательствомъ въ томъ, что мы не подвергнемся уже тѣмъ испытаніямъ, чрезъ которыя прошли въ недавнее время. Я желаю, чтобы слова мои вы передали вашимъ заблудшимъ соотечественникамъ. Надѣюсь, что вы будете содѣйствовать къ образумленію ихъ. При семъ случаѣ не могу не припомнить тѣ слова, поставляемыя мнѣ въ укоръ, какъ бы оскорбленіе для Польши, которыя я сказалъ въ 1856 году въ Варшавѣ, по прибытіи туда въ первый еще разъ Императоромъ. Я былъ встрѣченъ тогда съ увлеченіемъ и въ Лазенковскомъ дворцѣ говорилъ вашимъ соотечественникамъ: „Оставьте мечтанія!“ (point de rêveries!). Если бы они послѣдовали этому совѣту, то избавили бы ваше отечество отъ многихъ бѣдствій. Потому то возвращаюсь къ тѣмъ же прежнимъ моимъ словамъ: Оставьте мечтанія! Я люблю одинаково всѣхъ моихъ вѣрныхъ подданныхъ: русскихъ, поляковъ, финляндцевъ, лифляндцевъ и другихъ; они мнѣ равно дороги; но никогда я не допущу, чтобы дозволена была самая мысль о разъединеніи Царства Польскаго отъ

России и самостоятельное, безъ нея, существованіе его. Оно создано русскимъ Императоромъ и всѣмъ обязано Россіи. Вотъ мой сынъ Александръ, мой Наслѣдникъ. Онъ носитъ имя того Императора, который нѣкогда основалъ Царство. Я надѣюсь, что онъ будетъ достойно править своимъ наслѣдіемъ и что онъ не потерпитъ того, чего я не терпѣлъ. Еще разъ благодарю васъ за чувства, которыя вы изъявили при послѣднемъ печальномъ событіи“.

(*Русскій Біографическій Словарь. С.-Пб. 1896 г. Т. I, стр. 629*).

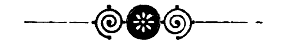
Слова Государя Императора Александра II-го 13 іюня 1867 г. къ крестьянамъ въ г. Вильнѣ.

Вышедши къ нимъ на дворцовый дворъ, Его Величество спросилъ: нѣтъ ли между ними принявшихъ православіе? По вызовѣ вновь обращенныхъ изъ толпы, Его Величество произнесъ, обращаясь къ нимъ: „Очень радъ васъ видѣть православными. Увѣренъ, что вы перешли въ древнюю вѣру края съ убѣжденіемъ и искренно; знайте, что разъ принявшимъ православіе, я ни подъ какимъ видомъ не позволю и не допущу возвратиться въ католичество. Слышите-ли? повторяю: радъ васъ видѣть православными“.

(Русскій Біографич. Словарь, С.-Пб. 1896 г. т. I, стр. 642.).

Изъ „Свода Законовъ Россійской Имперіи" (изд. 1857 г.) т. II, ч. I, стр. 5, статья 3-я.

„Духовныя дѣла христіанскихъ иностранныхъ исповѣданій и иновѣрцевъ вѣдаются особенными ихъ духовными Управленіями, Верховною Самодержавною Властію къ тому предназначенными. Сіи управленія въ исполненіи своихъ дѣлъ и должностей поступаютъ по правиламъ и уставамъ своей вѣры, но съ тѣмъ вмѣстѣ, неупустительно наблюдаютъ и государственныя узаконенія, какъ въ сей, такъ и въ другихъ частяхъ Св. Зак. Имперіи изложенныя, и по долгу вѣрноподданической присяги охраняютъ всѣ священныя права и преимущества Его Императорскаго Величества и Законы Государства".

II.

Около года тому назадъ въ русскомъ обществѣ стало циркулировать сочиненіе гр. Леливы: „Русско-польскія отношенія“. И по своему заглавію, и по тому, что сочиненіе появилось въ печати за границею, оно сразу приковало къ себѣ вниманіе русскаго читающаго люда. Сначала шопотомъ, мимоходомъ, вскользь, а потомъ все громче и громче, основательнѣе и даже въ извѣстной системѣ стали раздаваться голоса по поводу „Русско-польскихъ отношеній“. Дѣйствительно, былъ затронутъ вопросъ очень важный для русскаго государственнаго и соціальнаго строя и не удивительно, если въ газетахъ и журналахъ онъ вызвалъ отвѣты различныхъ литературныхъ лагерей и направленій. И замѣчательно, что особенно сильную полемику въ печати возбудило не рѣшеніе самаго вопроса, который, какъ оказывается, въ сознаніи русскаго общества рѣшенъ давно и безповоротно, а неправильная его постановка, умышленная или неумышленная, сознательная, или безсознательная, слишкомъ неумѣлое, субъективное, партійное къ нему отношеніе. Сказавшіяся въ этой полемикѣ многія принципіально-прекрасныя мысли, многія замѣчательныя государственныя соображенія должны послужить и на будущее время руководительною нитью при обсужденіи „русско-польскихъ отношеній“. По возможности постараемся подвести имъ итоги.

Главное обвиненіе гр. Леливы противъ Россіи заключается въ томъ, что здѣсь тѣснятъ и угнетаютъ р.-католическую церковь, что отношенія между правительственными органами и р.-католическою церковію представляютъ въ Россіи нѣчто совершенно мало вѣроятное и не имѣющее себѣ подобнаго въ западной Европѣ. Такъ ли это?... Будемъ

говорить фактами и разсуждать на ихъ основаніи; выводы дадутся сами собою.

Вотъ корреспонденція, помѣщенная въ заграничной газетѣ Пчелка, редактируемой при томъ ксендзомъ Стояловскимъ. Въ „Воспоминаніяхъ изъ пилигримства въ Кальварію“ авторъ пишетъ, что во время праздника Пасхи онъ вмѣстѣ съ другими силезцами былъ въ Кальваріи Зебржидовской и тамъ встрѣчался съ польскими крестьянами „изъ подъ москаля“. Все, что они говорили, было для меня, продолжаетъ ксендзъ, такъ неожиданно, что считаю долгомъ освѣтить это дѣло. Въ польскихъ газетахъ всегда приходится читать о преслѣдованіяхъ москалемъ святой вѣры. Нѣсколько лѣтъ назадъ, будучи въ Ченстоховѣ, я разговаривалъ съ тамошними подданными, но не слышалъ отъ нихъ никакихъ жалобъ, да и самъ не могъ замѣтить ничего, напоминающаго преслѣдованіе, ибо всѣ богослуженія на Ясной горѣ отправлялись по польски прекрасно-лучше, чѣмъ въ нашей Силезіи, гдѣ намъ поютъ на хорахъ нѣмецкія пѣсни. Я уже тогда началъ относиться съ недовѣріемъ къ тому, что пишутъ въ газетахъ (о притѣсненіяхъ), и наконецъ, побывавъ въ Кальваріи и поговоривъ съ людьми, пришедшими изъ Литвы и другихъ мѣстъ, принадлежащихъ москалю, очень обрадовался, что тамъ, въ этихъ мѣстахъ, о которыхъ такъ много кричали, живетъ добрый народъ, а духовенство близко къ нему стоитъ. Долго бесѣдуя съ этими людьми, авторъ прежде всего обратилъ вниманіе на то уваженіе, съ которымъ они отзывались о своемъ духовенствѣ. На вопросъ что у васъ дѣлается съ костелами, какъ дается св. причастіе, какъ обучаютъ закону Божію?—всѣ единогласно отвѣчали, что все хорошо, никто отъ принятія св. причастія не отлучается за чтеніе газетъ, (какъ это дѣлается въ Галичинѣ, если мужики читаютъ народныя противошляхетскія изданія), въ костелѣ богослуженія идутъ въ порядкѣ, а катихизисъ и поученія преподаются (въ костелахъ) по польски. Удивляюсь, замѣчаетъ по этому поводу кс. Стояловскій; сколько жалобъ на москаля, а тамошній бѣдный, трудящійся людъ говоритъ, что все хорошо. А у насъ кричатъ: свобода, независимость!. На самомъ же дѣлѣ притѣсненія на каждомъ шагу.

Не изъ уваженія къ Россіи, продолжаетъ кс. редакторъ, была помѣщена эта корреспонденція, но изъ чувства справедливости и для убѣжденія тѣхъ, къ кому это относится, что германизація при помощи костеловъ и духовенства, серьезно угрожающая польской народности въ австрійской Силезіи, а еще болѣе въ прусскихъ владѣніяхъ, а также политическій разладъ, существующій въ Галичинѣ, представляются такими опасностями, пренебрегать которыми умный человѣкъ не долженъ. Наученный опытомъ, я покинулъ вызывающую по отношенію къ Россіи политику, заключаетъ кс. Стояловскій, и слѣдуя указаніямъ энциклики папы Льва XIII къ польскимъ епископамъ (Мартъ 1894 г.), сталъ искать modus vivendi. Я этого не скрываю. И если бы въ Галичинѣ возможно было безпристрастное обсужденіе вопроса, безъ эпитетовъ: „безстыдный соблазнитель народа“ и т. под., (такъ обзываетъ ксендза Стояловскаго „Новая Реформа“) [1]), то я безъ боязни и даже съ извѣстною увѣренностію въ побѣдѣ предпринялъ бы всякую въ этомъ вопросѣ полемику“. *(Варш. Дневн. 1896 г., № 142).*

Въ 1893 году іезуитъ аббатъ Бранди печатно высказалъ, что положеніе р.-католичества въ Россіи, не исключая и привислинскаго края, не только удовлетворительно, но и успѣшно, и страшныя картины религіознаго преслѣдованія, рисуемыя мнимыми защитниками поляковъ, составляютъ плодъ необузданной фантазіи воинствующихъ и политикующихъ клерикаловъ. *(Свѣтъ—1896 г., № 163).*

„Дзенникъ Познанскій“, безспорно одинъ изъ самыхъ „патріотическихъ“, или что тоже, къ сожалѣнію, одинъ изъ самыхъ руссофобскихъ органовъ теперешней польской печати, невольно, по обмолвкѣ, свидѣтельствуетъ о такомъ же положеніи р.-католицизма на Жмуди.

„Въ западномъ нашемъ краѣ православнаго и вообще русскаго населенія меньше всего на Жмуди, въ Ковенской губерніи, отчего поляки именно и зовутъ ее „святою“. На общее число жителей—1,641,296—православныхъ приходится тамъ 41,696 человѣкъ, старообрядцевъ 26,622 и единовѣр-

---

[1]) И корреспонденціи „Kraj“ называютъ кс. Стояловскаго „измѣнникомъ“, „предателемъ“, „полупомѣшаннымъ“. 1896 г. № 27.

цевъ—831. „Оттого, объясняетъ польскій авторъ, сравнительно съ другими окраинными областями, она (Жмудь) пользовалась *большею внимательностью* (въ церковно-религіозномъ отношеніи). „Это не значитъ, спѣшитъ онъ оговориться тутъ же конечно, будто она не испытывала угнетенія и будто правительство не заботилось объ обращеніи ея въ православіе, но пропаганда производилась не такъ явно и громко, угнетеніе не было такъ замѣтно. *Народъ по большей части объ немъ не вѣдалъ*, потому что передъ нимъ *Правительство являло терпимость, даже почтеніе къ католической религіи*, старалось не раздражать самыхъ горячихъ его чувствъ, не потрясало передъ нимъ постоянно знаменемъ православія. Сѣмена государственной религіи бросали незамѣтно и медленно школы, въ которыя здѣсь, какъ и въ другихъ западныхъ губерніяхъ, были назначены учителя православные. Но такого образа дѣйствій, какъ притворнаго и не отвѣчающаго истинному его характеру, правительство не могло долго придерживаться. Его раздражало то, что хлопоты его не увѣнчиваются успѣхомъ; *процентъ православнаго населенія не увеличивается вовсе.* Потому оно ведетъ на Жмуди послѣдніе годы усиленную пропаганду“ и т. д.

„Просимъ читателя, приглашаетъ „Свѣтъ“, взвѣсить мысленно еще разъ это польское свидѣтельство и рѣшить безпристрастно, по совѣсти, сообразно ли со справедливостію и здравымъ смысломъ поднимать вопль въ печати на всю Россію, какъ это дѣлаетъ, напр., князь Ухтомскій и другіе наши недальновидные полонофилы, о какихъ то человѣкахъ, казенною обрядностію тѣснящихъ на культурныхъ рубежахъ себѣ подобныхъ во имя узкаго націонализма,“ о „явно преступныхъ достовѣрныхъ фактахъ, жгущихъ огнемъ стыда душу,“ о „каменныхъ сердцахъ“ и т. под.,—по поводу порядковъ, хотя и не совершенныхъ, конечно, даже безсильныхъ, пожалуй, въ иныхъ случаяхъ предотвратить дѣйствительно грустные факты, но такихъ порядковъ, все таки, въ описаніи коихъ, какъ въ приведенной, напр., цитатѣ изъ польской заграничной газеты, даже завѣдомые враги наши свидѣтельствуютъ „о терпимости“ этихъ самыхъ будто бы „гонителей“, „каменныхъ сердецъ“, объ ихъ „внимательности“ къ иновѣрному племени, даже „почтеніи къ католической религіи“.

Народъ на Жмуди не чувствовалъ религіознаго гнета со стороны православныхъ, говоритъ „Дзенникъ Познанскій", ему подвергалось де духовенство; но въ подтвержденіе обвиненія никакихъ фактическихъ доказательствъ не приводитъ"..

„Свою „усиленную пропаганду" въ послѣдніе годы „Дзенникъ Познанскій" силится подтвердить какъ будто фактически, но чѣмъ? Тѣмъ, что будтобы церкви на Жмуди, говоря его словами, ростутъ какъ грибы послѣ дождя, что при поѣздкахъ по губерніи, для посѣщенія православныхъ приходовъ, преосвященнаго Христофора, епископа ковенскаго, русскаго архіерея встрѣчаютъ де хлѣбомъ-солью, не одни только православные, но также иногда, по мѣстамъ, волостные старшины изъ католиковъ, даже „по нѣскольку человѣкъ" католиковъ изъ жителей попутныхъ деревень, что дороги при его проѣздѣ повсюду убираются вѣнками, гирляндами цвѣтовъ, елками... А дѣлается де все это не добровольно, но по полицейскому принужденію"...

„Но сколько же, въ самомъ дѣлѣ, „выросло" этихъ церквей по его счету? Въ теченіи „только" послѣднихъ трехъ лѣтъ (1893—1895) „свыше десяти", а именно одиннадцать, да двѣнадцатая еще строится—на всю губернію! Особенно не нравится полякамъ православная церковь м. Ворняхъ или Мѣдникахъ, гдѣ въ прежнее время находилась резиденція жмудскихъ бискуповъ—центрѣ Жмуди и жесточайшаго р.-католическаго фанатизма, а потомъ еще въ Ковнатовѣ и Можейкахъ—Тельшевскаго уѣзда. На постройку двухъ послѣднихъ церквей настоятель тельшевскаго православнаго прихода, къ которому онѣ приписаны, о. Гавріилъ Зосимовичъ, выхлопоталъ пожертвованіе въ 10,000 руб. отъ двухъ купцовъ въ Петербургѣ и Кронштадтѣ... Позволительно, однако, спросить: какая же это, по ихъ мнѣнію, была бы справедливость по отношенію къ проживающимъ на Жмуди русскимъ людямъ, если бы русскія власти, во избѣжаніе подобныхъ жалобъ „на пропаганду православія", стали препятствовать имъ въ постройкѣ православныхъ храмовъ, гдѣ таковые, по ихъ мнѣнію, оказываются нужными, хотя бы и не для большаго числа прихожанъ, даже на доброхотныя приношенія, какъ ихъ самихъ, такъ и далекихъ ревнителей православія въ широкой Россіи? Но въ томъ то и бѣда, что

нашъ рьяный латино-полонизмъ никакой несообразности въ подобныхъ своихъ притязаніяхъ не видитъ и не признаетъ. Оттого очевидно, что онъ все еще не хочетъ свыкнуться съ мыслью о мирномъ своемъ сожительствѣ, хотя бы и на равныхъ правахъ съ православіемъ, ибо въ глубинѣ души своей лелѣетъ мечту, чѣмъ болѣе несбыточную, тѣмъ болѣе, можетъ быть страстную и сладкую, о побѣдѣ надъ нимъ и господствѣ, какъ встарь. не только на „святой Жмуди" своей, но (въ Литвѣ) и въ самой Бѣлоруссіи". (*Свѣтъ 1896 г. № 155*).

Даже глава р.-католическаго міра, папа Левъ XIII, призналъ положеніе р.-католиковъ въ Россіи хорошимъ и особою энцикликою, какъ свидѣтельствуетъ выше и кс. Стояловскій. убѣждаетъ латинскихъ епископовъ въ Россіи довольствоваться этимъ положеніемъ и не вмѣшиваться въ гражданскія дѣла. Понятно, что такого приглашенія не послѣдовало бы, если бы р.-католики въ Россіи не пользовались заботливостью правительства, если бы на римскій католицизмъ воздвигались гоненія и преслѣдованія, если бы католики у насъ испытывали религіозное давленіе со стороны правительства. (*Свѣтъ 1896 г., № 163*). И если, по мнѣнію поляковъ, кс. Стояловскаго могли ввести въ заблужденіе фальшивыя сообщенія, то ужъ никакъ нельзя сказать тогоже о папѣ, который всюду имѣетъ столько рьяныхъ агентовъ, сообщающихъ ему, какъ живется его духовнымъ чадамъ въ той или другой странѣ, гнетутъ у насъ католиковъ, или предоставляютъ имъ полную свободу вѣроисповѣданія, благоденствуютъ они въ Россіи или переживаютъ тяжелые дни. И, очевидно, хорошо—привольно живется у насъ латинянамъ, если и противная намъ партія нашлась вынужденною сдѣлать папѣ благопріятные въ этомъ смыслѣ донесенія. Фактическія данныя вполнѣ подтверждаютъ нашу мысль. Онѣ рисуютъ яркую картину прекраснаго положенія латинства въ русскомъ государствѣ и освѣщаютъ это дѣло путемъ сравненія съ положеніемъ православія. Общій выводъ, что не только въ Привислиньѣ, но и въ западно-русскихъ губерніяхъ, р.-католицизмъ въ матеріальномъ отношеніи поставленъ въ лучшее положеніе, чѣмъ православіе и религіозныя нужды латинскаго населенія удовлетворены здѣсь

лучше, чѣмъ православнаго. При девятмилліонномъ р.-католическомъ населеніи, у насъ 12 р.-католическихъ епархій, и, такимъ образомъ, въ то время, когда на каждую православную епархію во всей Россіи и на западныхъ ея окраинахъ приходится отъ 1,5 до 3 милліоновъ православнаго населенія, — на каждую р.-католическую епархію приходится отъ 500 тысячъ и не болѣе милліона человѣкъ р.-католическаго населенія. Латинскихъ приходовъ во всѣхъ епархіяхъ свыше 2,700; въ каждомъ приходѣ имѣется настоятель и во многихъ, кромѣ того, еще одинъ или нѣсколько викарныхъ ксендзовъ. Число костеловъ, въ соотвѣтствіи съ приходами, каждогодно увеличивается, особенно въ Привислиньѣ, гдѣ постоянно строятся новые костелы и расширяюстя старые. Всѣ почти костелы каменные, величественные и обширные, а стоящія рядомъ съ ними православныя церкви— въ большинствѣ деревянныя, маленькія, убогія. Картина печальная, обидная, но до того обычная въ западно-русскихъ окраинахъ, что мѣстный глазъ совсѣмъ уже свыкся съ нею, находитъ какъ бы въ порядкѣ вещей и называетъ костелъ панской (господской) церковью, а православный храмъ хлопской (мужицкой). Все р.-католическое духовенство въ Россіи имѣетъ обширные земельные надѣлы и получаетъ опредѣленное штатное содержаніе изъ русской казны (къ чему относительно православнаго духовенства только недавно стали дѣлаться лишь первые шаги). На содержаніе р.-католической церкви въ Россіи ежегодно отпускается изъ суммъ государственнаго казначейства 1,600 тысячъ рублей. Для образованія р.-к. духовенства имѣется въ Петербургѣ духовная академія и въ каждой епархіи—духовная семинарія, стоющія правительству не малыхъ денегъ—академія 7 тысячъ рублей, семинаріи—около 40 тысячъ. Штатные р.-католическіе монастыри ежегодно получаютъ отъ правительства на свое содержаніе 60,000 руб. и кромѣ того на постоянныя и дополнительныя пособія для нештатныхъ монашествующихъ 15 тысячъ р. Довольно значительная сумма (болѣе 30 т. р.) отпускается каждый годъ правительствомъ на прибавочное содержаніе (въ 100 руб.) престарѣлымъ настоятелямъ и администраторамъ р.-католическихъ приходовъ, достигшимъ 65 лѣтняго возраста (привиллегія, которой не

пользуется и о которой даже не мечтаетъ православное духовенство). Не забыты правительствомъ и тѣ р.-католическіе монахи, которые, по упраздненіи нѣкоторыхъ монастырей, послѣ мятежа 1863 года, не пожелали остаться въ Россіи и поступили въ иностранные монастыри; всѣмъ имъ назначено русскимъ правительствомъ пожизненное пособіе, въ общей суммѣ 4500 р., которые высылаются ежегодно заграницу по мѣсту нахожденія монаховъ. Но и это не все: на постройку и починку костеловъ и причтовыхъ зданій въ казенныхъ имѣніяхъ Привисилинскаго края ежегодно отпускается около 15 т. р.; на постройку и починку костеловъ въ бывшемъ княжествѣ Познанскомъ—около 6000 руб.; на экстраординарные расходы по удовлетворенію различныхъ нуждъ р.-католическаго духовенства—50,000 руб.; на вознагражденіе р.-католическихъ архіерейскихъ домовъ и монастырей за прекращеніе назначенія къ нимъ служителей изъ государственныхъ крестьянъ, вслѣдствіе уничтоженія крѣпостнаго права—12,000 рублей ежегодно. [1])

Вотъ доказательства заботливости русскаго правительства о своихъ подданныхъ р.-католическаго исповѣданія и ихъ церкви. Р.-католицизмъ болѣе, чѣмъ всякое другое иновѣрное исповѣданіе пользуется у насъ и полною свободою и правительственною опекою. Потому очень странно, когда встрѣчаешь въ печати, особенно русской, въ единичныхъ, впрочемъ, случаяхъ—мнѣнія о гоненіяхъ, о какомъ то религіозномъ давленіи на р.-католиковъ, о преслѣдованіи ихъ вѣры, неотложности оставить, позабыть „варварство" и признать равенство въ исповѣданіи. Невольно напрашивается вопросъ: зачѣмъ распространять необоснованныя мнѣнія? Съ какой стати говорить противъ дѣйствительности, противъ очевидныхъ фактовъ? Къ чему проповѣдывать о свободѣ въ дѣлѣ вѣры, когда мы и не знаемъ за собою притѣсненій. Россія притѣсняетъ католицизмъ... Но вѣдь это неправда, вѣдь это противорѣчитъ исторіи и современному положенію вещей! Мы всегда были вѣротерпимы, у насъ полная свобода религіи. Россія—государство, въ кото-

---

[1]) Липранди—„Наблюдатель" Май 1896 г. „Свѣтъ" 1896 г. № 163. „Церковный Вѣстникъ" 1896 г. № 20.

ромъ на ряду съ господствующею апостольскою вѣрой уживаются религіозные культы всѣхъ народностей. Россія, которая за свой 900-лѣтній христіанскій періодъ чуждалась и чуждается насилія въ дѣлѣ вѣры, въ дѣлѣ совѣсти, которая не съ огнемъ и мечемъ, а съ крестомъ въ рукахъ, съ любовію въ сердцѣ, съ молитвою на устахъ—шла въ дебри сѣвера и востока возвѣщать чуди, лопи, мордвѣ, зырянамъ, вогуламъ, вотякамъ, монголамъ и другимъ инородцамъ Евангельское ученіе, призывать ихъ въ члены единой, истинной церкви. Не грубая сила (да и какая могла быть сила, когда проповѣдникъ шелъ въ лѣса одинъ, съ надеждою только на высшую помощь), а незлобіе, безкорыстіе, любовь ко всѣмъ, твердость въ вѣрѣ, — привлекала всегда почитателей „истукановъ" къ проповѣднику новаго ученія. Они приходили къ нему, научались истинамъ вѣры и пріобщались къ Церкви Христа. Такова исторія распространенія христіанства въ Россіи, таковы средства, которыми мы всегда руководились въ дѣлѣ распространенія вѣры, и, конечно, измѣненій быть не можетъ въ наши дни. Не можемъ же мы считать насиліе, религіозное стѣсненіе средствомъ, могущимъ привлечь людей въ церковь, высшая заповѣдь которой есть любовь. Напротивъ, русское правительство, признавая полную религіозную свободу, проявляетъ заботливость ко всѣмъ подданнымъ безъ различія вѣроисповѣданій. И заботливостью со стороны правительства—повторяемъ, говоритъ „Свѣтъ",—болѣе, чѣмъ всѣ другіе иновѣрцы, пользуются р.-католики. *(„Свѣтъ" 1896 г. № 163).*

И законоположенія Россійской имперіи неизмѣнно требуютъ для всѣхъ той же свободы вѣры. „Первенствующая и господствующая въ Россійскомъ государствѣ есть христіанская, православная, восточнаго исповѣданія церковь. Но и всѣ, не принадлежащіе къ сей церкви подданные государства и иностранцы, какъ въ Имперіи, такъ и въ Царствѣ Польскомъ и великомъ княжествѣ Финляндскомъ, пользуются каждый, повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ своей вѣры и богослуженія".

И еще: „Въ россійскомъ государствѣ свобода вѣры присвояется не только Христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, и магометанамъ, и язычникамъ... да всѣ

народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога всемогущаго разными языки, по закону и исповѣданію праотцовъ своихъ, *благословляя царствованіе россійскихъ монарховъ и моля Творца объ умноженіи благоденствія и укрѣпленіи Имперіи*".

Ясно, однако, говоритъ кн. Д. Цертелевъ, что свобода всѣхъ этихъ вѣроисповѣданій возможна лишь при огражденіи каждаго изъ нихъ отъ вторженія въ его сферу со стороны другаго, иными словами, свобода эта есть не безусловная, *а обусловленная законами государства.* Стало быть, если въ одномъ и томъ же мѣстѣ и въ одно и то же время по вѣроисповѣднымъ требованіямъ восточной и западной церкви должны быть совершены два взаимно-исключающіе другъ друга обряда, то предпочтеніе должно быть отдано церкви восточной, такъ какъ она есть господствующая...

Понятіе вѣротерпимости, которымъ сторонники безусловной свободы и равноправности всѣхъ вѣроисповѣданій стараются прикрыть политическія тенденціи, не только не исключаетъ, а на оборотъ, предполагаетъ вмѣшательство государства въ *проявленія* религіозной жизни.

Только тамъ, гдѣ признается право на существованіе исключительно одного вѣроисповѣданія, только тамъ и допустимо предоставленіе ему полной, неограниченной свободы проявленій религіозной жизни, такъ какъ вмѣстѣ съ признаніемъ его безусловной истинности, вполнѣ естественно предоставить ему *исключительное право* на внѣшнія проявленія истины, выразителемъ которой оно является. Тамъ же, гдѣ допускается возможность присутствія относительной условной правды въ различныхъ вѣроисповѣданіяхъ, тамъ, очевидно, становится необходима и нѣкоторая регламентація взаимныхъ отношеній этихъ вѣроисповѣданій, чтобы предупредить неизбѣжныя въ противномъ случаѣ столкновенія между ними.

При такихъ условіяхъ нѣкоторыя ограниченія свободы внѣшнихъ проявленій различныхъ вѣроисповѣданій не только не имѣютъ ничего общаго съ инквизиціонными принципами, но, наоборотъ, составляютъ съ ними прямую противоположность, такъ какъ вытекаютъ изъ принципа вѣротерпимости, т. е. изъ признанія внутренней свободы религіозныхъ убѣжденій и *относительнаго права проявленія этихъ убѣжде-*

ній. Опредѣленіе предѣловъ такого права не можетъ быть предоставлено сторонамъ заинтересованнымъ, а должно принадлежать государству.

Эти общія соображенія вполнѣ относятся и къ р.-католическому духовенству въ предѣлахъ Россійской имперіи. Не только на основаніи политическихъ соображеній, но и на основаніи текста приведенныхъ выше законоположеній, слѣдуетъ понимать, что свобода вѣроисповѣданія, предоставленная различнымъ народностямъ Россіи, касается религіозныхъ догматовъ, относится къ внутреннимъ убѣжденіямъ и тотчасъ же встрѣчаетъ ограниченія, какъ только эти догматы или обряды приходятъ въ противорѣчіе съ государственными задачами.

Представимъ себѣ, что магометане, вмѣсто того, чтобы молить о благоденствіи Имперіи, стали бы молить Аллаха объ истребленіи гяуровъ. Конечно, свѣтская власть не допустила бы подобныхъ моленій и едва ли кому нибудь пришло бы въ голову утверждать, что она своимъ запрещеніемъ нарушаетъ существующую въ Россіи свободу вѣроисповѣданій.

Но то же самое относится, очевидно, и къ р.-католической церкви, если бы она стала требовать моленій или обрядовъ, которые могли-бы вызвать нарушеніе общественнаго спокойствія или вообще противорѣчили бы государственнымъ интересамъ. Необходимость сообразоваться съ государственными законами и съ основанными на нихъ распоряженіями обязательна въ имперіи для всѣхъ исповѣданій. Императрица Екатерина II торжественно всѣхъ подданныхъ р.-католическаго исповѣданія, въ томъ числѣ и различные латинскіе ордена, подтвердила (въ 1774 году) при совершенной свободѣ въ публичномъ отправленіи вѣры... но только до тѣхъ поръ, *„пока они сами вѣрноподданническій свой долгъ и присягу непорочно* сохранять будутъ". Въ 1782 году она потребовала строгаго наблюденія за папскими буллами или отъ имени папы присылаемыми распоряженіями, чтобы *въ нихъ не было ничего несходственнаго съ гражданскими законами всероссійскія Имперіи, съ правами Самодержавныя власти, отъ Бога русскимъ Государямъ данныя.* Они, т. е. р.-католики должны были разумѣть, что нѣтъ для нихъ другихъ *правилъ,*

кромѣ какъ законы Ея Императорскаго Величества, опасаясь на случай неисполненія строгаго по законамъ взысканія.

Въ виду этого, нѣтъ ничего удивительнаго, что „права р.-католическаго исповѣданія, какъ одного изъ иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій въ Россіи, опредѣляются чисто гражданскими узаконеніями и различными административными распоряженіями, нерѣдко совершенно секретными" (слова въ скобкахъ гр. Леливы). Нѣтъ, разумѣется, также ничего удивительнаго и въ томъ, что права р.-католическаго вѣроисповѣданія, какъ одного изъ терпимыхъ христіанскихъ исповѣданій, не приравнены къ правамъ господствующей въ имперіи Церкви *(Моск. Вѣдомости. 1896 г. № 98).*

Желаніе игнорировать эти существенно-необходимыя основы въ отношеніяхъ р.-католической церкви къ законамъ государственнымъ и обоснованнымъ на нихъ гражданскимъ постановленіямъ и служитъ причиною постоянныхъ столкновеній и недоразумѣній между представителями русской правительственной власти и представителями р.-католицизма. Послѣдніе, забывая свой вѣрноподданническій долгъ, нерѣдко со вредомъ для государства, хотятъ дѣйствовать совершенно независимо отъ мѣстной власти, ссылаясь на правила и уставы своей вѣры, забывая, что эти правила и уставы для русской власти не обязательны, тѣмъ болѣе, если они не согласованы съ общегосударственными постановленіями.

Яркимъ примѣромъ подобнаго отношенія р.-католическаго духовенства къ администраціи можетъ служить столкновеніе б. р.-католическаго Виленскаго епископа Гриневецкаго съ Виленскимъ Генералъ-Губернаторомъ.

„Епископъ Гриневецкій безъ надлежащаго разрѣшенія выѣхалъ въ Гродну, вслѣдствіе чего генералъ-губернаторъ вынужденъ былъ напомнить ему желаніе высшаго правительства, чтобы разъѣзды его по епархіи совершались каждый разъ съ согласія генералъ-губернатора. Епископъ Гриневецкій, однако, не только отказался исполнить требованіе генералъ-губернатора, но и поспѣшилъ увѣдомить его объ этомъ отказѣ въ письмѣ, болѣе чѣмъ рѣзкомъ по содержанію. Въ отвѣтѣ епископа вопросъ сводится къ тому, желаетъ ли и можетъ р.-католическій епископъ подчиняться требо-

ваніямъ высшей въ краѣ административной власти, или же считаетъ себя отъ нея вполнѣ независимымъ".

„Само собою разумѣется, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ при незаконныхъ или несправедливыхъ требованіяхъ со стороны этой власти онъ сохраняетъ право обжаловать ея рѣшенія и требованія высшей инстанціи. Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ онъ не имѣетъ ни права, ни основанія вступать въ пререканіе съ этою властію, а тѣмъ болѣе ссылаться на каноническія правила, которыя для нея не обязательны".

Графъ Лелива находитъ, что, хотя отвѣту епископа Гриневецкаго виленскому генералъ-губернатору и „минуло уже десять лѣтъ, но отъ него вѣетъ такою свѣжестію взглядовъ, на немъ лежитъ такая печать современности, какъ будто онъ писанъ сегодня". Тѣмъ хуже, можно отвѣтить на это, если и до сего дня поляки не успѣли убѣдиться, что государственные законы и требованія администраціи обязательны для всѣхъ въ предѣлахъ имперіи, не исключая и р.-католическихъ епископовъ.

„Если же епископы эти признаютъ для себя неисполнимыми требованія русскихъ законовъ и русской администраціи, то имъ, повидимому, остается только отказаться отъ исполненія своихъ обязанностей въ виду противорѣчія такихъ требованій съ каноническими правилами ихъ церкви".

„Но при этомъ невольно является вопросъ: почему исполненіе своихъ обязанностей невозможно только для польскихъ епископовъ, почему не только протестанты или магометане, но даже французы или италіанцы р. католическаго вѣроисповѣданія не жалуются на отсутствіе вѣротерпимости въ Россіи, а жалуются именно поляки? Очевидно, тутъ играютъ роль далеко не одни религіозные вопросы, а гораздо болѣе— политическіе.

О поступкѣ епископа Гриневецкаго доведено было до свѣдѣнія министра Внутреннихъ Дѣлъ, и гр. Д. А. Толстой просилъ между прочимъ Виленскаго генералъ-губернатора указать епископу Гриневецкому, „что на основаніи нашихъ законовъ не правительственныя распоряженія въ отношеніи ихъ обязательности находятся въ зависимости отъ ученія и

правилъ р.-католической церкви, какъ это полагаетъ епископъ Гриневецкій, а на оборотъ, только такія ученія и правила всякаго, подобно р.-католическому терпимаго у насъ исповѣданія могутъ быть исполняемы, кои не противорѣчатъ государственнымъ постановленіямъ" [1]).

„Трудно въ немногихъ словахъ сказать такъ много", замѣчаетъ по этому поводу гр. Лелива. Вполнѣ съ нимъ соглашаемся. Въ приведенномъ отзывѣ покойнаго гр. Толстого самымъ яркимъ образомъ указывается отношеніе русскаго правительства къ р.-католической церкви и отношеніе это нельзя не признать вполнѣ правильнымъ, если только смотрѣть на него съ русской, а не польской точки зрѣнія.

„Вѣдь нельзя же признать р.-католическую церковь господствующею, когда въ Имперіи господствующею церковію признается церковь православная. Еще менѣе можно допустить, чтобы въ какомъ бы то ни было государствѣ правительство терпѣло вѣроученіе, которое противорѣчитъ государственнымъ постановленіямъ."

„Очевидно, замѣчаетъ гр. Лелива, административная власть не знаетъ, гдѣ кончается кесарево и начинается Божіе; догматы вѣры и велѣнія нравственности она ставитъ въ зависимость отъ своего дозволенія; предписанія главъ р.-католической церкви для нея не существуютъ."

Но было бы по истинѣ удивительно, если бы русское правительство, признавая православную церковь господствующею, въ то же время считало обязательными для себя предписанія главъ р.-католической церкви. Что же касается

---

[1]) „Духовныя дѣла христіанскихъ иностранныхъ исповѣданій и иновѣрцевъ вѣдаются особенными ихъ духовными Управленіями, Верховною Самодержавною Властію къ тому предназначенными. Сіи управленія въ исполненіи своихъ дѣлъ и должностей поступаютъ по правиламъ и уставамъ своей вѣры, но съ тѣмъ вмѣстѣ, неупустительно наблюдаютъ и государственныя узаконенія, какъ въ сей, такъ и въ другихъ частяхъ Св. Зак. Имперіи изложенныя, и по дѣлу вѣрноподданнической присяги охраняютъ всѣ священныя права и преимущества Его Императорскаго Величества и законы Государства".

(Изъ „Свода Законовъ Россійской Имперіи (изд. 1857 г.) т. II ч. I, стр. 5, статья 3-я.

догматовъ вѣры и велѣній нравственности, то авторъ допускаетъ здѣсь, очевидно, самую наивную, принципіальную ошибку, такъ какъ предполагаетъ, что эти догматы и эта нравственность единственные и безусловно *для всѣхъ* истинные, съ чѣмъ, очевидно, никакъ не можетъ согласиться не принадлежащій къ р.-католической церкви, а тѣмъ болѣе законодатель или правительство, принадлежащее къ восточно-православной церкви и, слѣдовательно, признающее р.-католическое исповѣданіе *только относительною истиною, или, что одно и то же, терпимымъ заблужденіемъ*.

Конечно, государство, какъ таковое, не можетъ и не должно входить въ обсужденіе догматовъ съ точки зрѣнія богословской, но тѣмъ болѣе оно вправѣ требовать отъ терпимыхъ имъ исповѣданій подчиненія своимъ постановленіямъ, исходящимъ не изъ религіозныхъ, а изъ политическихъ соображеній. Къ какому бы вѣроисповѣданію, къ какой бы національности ни принадлежали подданные, они не могутъ не понимать этого, если только сами не желаютъ скрывать политическихъ мотивовъ за религіозными ширмами".

„Не требованіе государствомъ соблюденія его постановленій, а на оборотъ, стремленіе воспользоваться религіей для политическихъ цѣлей составляетъ нарушеніе предписанія воздавать кесарево кесареви, а Божія — Богу, и при томъ нарушеніе двойное, такъ какъ въ немъ не только кесарю, но и Богу не воздается должнаго и въ отношеніи къ обоимъ вводится ложь".

„Само собою разумѣется, что нельзя предусматривать никакого противорѣчія между требованіями религіи, терпимой въ государствѣ и требованіями государственныхъ законовъ, такъ какъ религія, противорѣчащая государственнымъ законамъ, была бы противозаконна и потому не могла бы быть терпимою. Но отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобы всѣ дѣйствія, основанныя будто бы на канонахъ и уставахъ этой религіи, должны быть также терпимы даже въ томъ случаѣ, если они противорѣчатъ государственнымъ узаконеніямъ и пользѣ государства".

„Ясно, что хотя законодатель и не допускаетъ возможности противорѣчія между канонами и уставами церкви и

гражданскими законами, однако онъ предвидѣлъ и возможность противорѣчія между *толкованіемъ* этихъ законовъ и уставовъ и требованіями государства. Ясно также, что въ случаѣ пререканій между церковными и государственными органами, рѣшеніе принадлежитъ власти правительственной, управляющей государствомъ и отвѣчающей за его порядокъ и безопасность, а не власти той церкви, которая терпима въ немъ наравнѣ съ другими вѣроисповѣданіями".

По поводу новаго столкновенія съ генералъ-губернаторомъ епископа Гриневецкаго изъ за изданія справочной книги „Рубрицелла", послѣдствіемъ чего было совершенное устраненіе его отъ должности, гр Лелива восклицаетъ: „право уступило силѣ".

Очень уже своеобразное пониманіе права у гр. Леливы. Епископъ дѣлаетъ измѣненія въ книгѣ послѣ пропуска ея цензоромъ и генералъ-губернаторъ даетъ приказаніе конфисковать изданіе. Какъ же поступаетъ епископъ въ отвѣтъ на законное требованіе гражданской власти? Онъ начинаетъ съ того, что сообщаетъ ей ложныя свѣдѣнія, утверждая, что книга уже разослана; а когда генералъ-губернаторъ, вполнѣ основательно не довѣряя такому сообщенію, посылаетъ для ея конфискованія полиціймейстера съ чинами полиціи, епископъ Гриневецкій совершаетъ новый гражданскій подвигъ (по гр. Леливѣ), т. е. оказываетъ сопротивленіе полиціи.

„Очевидно, что если бы епископу не только терпимаго, но и господствующаго въ Россіи вѣроисповѣданія пришло въ голову обманывать генералъ-губернатора и оказывать сопротивленіе законнымъ его требованіямъ, правительство было бы вынуждено принять такія же мѣры".

„Если признать, что епископъ Гриневецкій и гр. Лелива правильно понимаютъ и примѣняютъ уставы и законы р.-католической церкви, то это доказывало бы только, что церковь эта не можетъ быть терпима въ предѣлахъ Россійской имперіи, такъ какъ нельзя допустить безпрепятственнаго существованія въ предѣлахъ государства общества, хотя бы и религіознаго, которое не только требуетъ отъ своихъ сочленовъ неповиновенія государственной власти, но и предписываетъ обманывать ее и явно ей сопротивляться".

„Если бы представители р.-католической церкви въ Польшѣ и въ западно-русскихъ губерніяхъ дѣйствительно слѣдовали Евангельскому предписанію—воздавать кесарево кесареви и Божія Богови, государство не имѣло бы никакихъ основаній предпринимать относительно ихъ какія бы то ни было ограничительныя мѣры. Но образъ дѣйствій польскаго духовенства во время возстанія 1863 года достаточно ясно доказалъ, что оно не можетъ или не хочетъ отличать политику отъ религіи и что эти де двѣ области для него неразрывно связаны“ [1]).

Отъ того печальнаго времени осталось у насъ замѣчательное „Внушеніе польскому духовенству“ Виленскаго генералъ-губернатора гр. Муравьева въ письмѣ на имя виленскаго епископа Красинскаго, отъ 26 Мая 1863 года.

„При личномъ объясненіи моемъ съ Вами, писалъ гр. Муравьевъ, я сообщилъ Вашему Преосвященству указанія на участіе, какое принимаетъ р.-католическое духовенство въ настоящихъ смутахъ и мятежническихъ дѣйствіяхъ, происходящихъ во ввѣренномъ моему управленію краѣ, при чемъ В. Пр-у угодно было засвидѣтельствовать мнѣ, что *подчиненное паствѣ Вашей духовенство пребываетъ вѣрнымъ своему долгу*“ [2]).

„Между тѣмъ изъ дѣлъ, представляемыхъ ко мнѣ слѣдственными коммиссіями, я усматриваю, что по донесеніямъ начальниковъ отрядовъ, а также по показаніямъ плѣнныхъ, самое живое и дѣятельное участіе въ возбужденіи народа къ мятежу принимаетъ здѣшнее р.-католическое духовенство, объявляя въ костелахъ революціонные манифесты, приводя къ присягѣ вербуемыхъ мятежниками сообщниковъ, присоединенныхъ къ шайкамъ, въ которыхъ не разъ встрѣчались они съ нашими войсками при перестрѣлкахъ, и, наконецъ предводительствуя нѣкоторыми изъ шаекъ“.

---

[1]) Моск. Вѣдомости 1896 г. № 99

[2]) И это заявлялось въ виду различныхъ уликъ въ участіи духовенства въ мятежническихъ дѣйствіяхъ; точно также еп. Гриневецкій заявлялъ генералъ-губернатору, что требуемая книга (Рубрицелла) сполна разослана, когда она лежала у него въ складѣ—въ Консисторіи.

„Всѣ эти обстоятельства поставили меня въ прискорбную необходимость, какъ уже извѣстно Вашему Пр-ству, подвергнуть, по приговору военнаго суда, смертной казни двухъ ксендзовъ, обвиненныхъ въ нарушеніи долга вѣрноподданнической присяги и содѣйствіе къ мятежу, многіе другіе преданы также военному суду и съ ними поступлено будетъ со всею строгостію законовъ.

„Желая искренно имѣть возможность не прибѣгать къ подобнымъ строгимъ мѣрамъ, въ особенности въ отношеніи лицъ духовнаго званія, я считаю долгомъ вновь обратиться къ В. Пр-у съ убѣдительнѣйшею просьбою употребить Ваше Архипастырское содѣйствіе ко внушенію подвѣдомственному Вамъ духовенству, чтобы оно, помня призваніе свое, возложенное на него духовнымъ саномъ, и святость вѣрноподданнической присяги, оставило свои преступныя дѣйствія и чтобы служители алтаря, которые обязаны не страшась угрозъ, ни самой смерти, пребывать вѣрными своему долгу, старались проповѣдью и примѣромъ своимъ, вмѣсто возбужденія народа къ преступнымъ дѣйствіямъ, вразумлять тѣхъ, которые забывъ долгъ чести, совѣсти и присягу, увлечены въ мятежъ или сдѣлались его руководителями“.

„Ваше Пр-о, понимая, какъ христіанинъ, сколь сильно и убѣдительно слово мира и любви въ устахъ священнослужителя, надѣюсь, не откажете, какъ архипастырь, на которомъ лежитъ прямая обязанность руководить духовенство и отвѣтственность за его поступки, въ содѣйствіи Вашемъ къ обращенію духовенства на путь прямаго долга, имѣя въ виду, что въ его рукахъ заключается главное орудіе къ прекращенію пролитія крови и къ устраненію несчастныхъ обстоятельствъ, такъ давно уже волнующихъ весь край„.

„Полагая, что В. Пр-о не преминете исполнить обязанность, возложенную на Васъ присягою и Архипастырскимъ саномъ и обратитесь къ подвѣдомственному Вамъ духовенству съ соотвѣтственнымъ настоящимъ обстоятельствамъ внушеніемъ, я покорнѣйше прошу Васъ сообщить мнѣ въ возможно непродолжительномъ времени копію тѣхъ распоряженій, какія будутъ сдѣланы Вами по сему предмету“.

При семъ... почитаю долгомъ присовокупить, что законъ, карая измѣну и нарушеніе вѣрноподданнической присяги,

не менѣе строгъ и къ тѣмъ, которые, будучи поставлены въ возможность предупредить преступленія, дѣлаются по причинѣ своего бездѣйствія соучастниками онаго".

И епископъ Красинскій, подобно еп. Гриневецкому, продолжалъ оказывать противодѣйствіе распоряженіямъ высшей мѣстной власти, почему и былъ удаленъ изъ Вильны [1])

И нѣтъ, къ сожалѣнію, никаихъ серьезныхъ основаній предполагать, скажемъ словами Моск. Вѣдомостей, [2]) чтобы съ тѣхъ поръ (съ 1863 г.) положеніе успѣло существенно измѣниться. Въ виду этого вполнѣ понятно недовѣріе, внушаемое Правительству р.-католическимъ духовенствомъ въ Привислинскихъ и Западно-русскихъ губерніяхъ [3])

Въ силу такого недовѣрія, созданнаго и упорно поддерживаемаго самимъ латинствомъ, и являются тѣ ограниченія въ практикѣ р.-католической церкви, которыя неопытному взгляду кажутся преслѣдованіемъ самой церкви, въ дѣйствительности же служатъ ея охранѣ. Къ этой категоріи необходимо отнести правительственное распоряженіе о крестныхъ ходахъ, о постановкѣ крестовъ внѣ костеловъ, объ отлучкахъ ксендзовъ, о порядкѣ ихъ назначенія, о законоучителяхъ въ школахъ и т. под. Гр. Лелива говоритъ: „въ предѣлахъ Западнаго края, въ какомъ нибудь захолустномъ селеніи, крестный ходъ не можетъ быть совершенъ латинянами безъ особаго разрѣшенія генералъ-губернатора, въ городахъ же онъ и вовсе не допускается, точно какой либо безпорядокъ или безчинство...; чрезъ это латинское населеніе Западнаго края лишено религіознаго ободренія и утѣшенія."

Гр. Леливѣ вѣроятно извѣстно, что именно латинскіе крестные ходы были однимъ изъ средствъ, съ помощію которыхъ развивалась революціонная пропаганда, гдѣ раздавались и разбрасывались печатные листки революціоннаго содержанія, гдѣ разжигались страсти народной массы про-

---

[1]) Сборн. распоряж. гр. М. Н. Муравьева—сост. Цыловъ.—Вильна 1866 г. Стр. 31—33.

[2]) А заявленіе гр. Леливы о необычайной *сдержсти* отвѣта еп. Гриневецкаго Виленскому генералъ-губернатору (выше) положительно убѣждаетъ въ этомъ.

[3]) Москов. Вѣдом. 1896 г. № 99.

тивъ законныхъ властей. Не религіозное ободреніе, духовное утѣшеніе и успокоеніе народной массѣ приносили подобныя сходбища, прикрывавшіяся знаменемъ религіи, а смущеніе совѣсти. Продолженіе ихъ въ такомъ видѣ становилось невозможнымъ, и власть, для блага человѣчества, взяла на себя тяжелую заботу упорядочить ихъ до извѣстной степени и возвратить имъ ихъ религіозное назначеніе.

Не можемъ не списать слѣдующую картину, нарисованную гр. Леливою, избравшимъ темою для этой картины преслѣдованіе русскими латинскаго креста. „Чуть появится на поляхъ или при дорогахъ, говоритъ онъ, новый латинскій деревянный крестъ, тотчасъ-же экстренное и секретное донесеніе летитъ въ уѣздный городъ, изъ уѣзднаго— въ губернскій, изъ губернскаго въ мѣстопребываніе генералъ-губернатора, точно совершилось какое-нибудь необыкновенное событіе, какъ напр.: наводненіе, вторженіе непріятеля, бунтъ, возстаніе и т. под. Священный символъ христіанской религіи, вызывающій враждебную тревогу среди властей— можетъ ли быть большее поруганіе христіанства?“ заключаетъ гр. Лелива (стр. 78).

Но, при своемъ паѳосѣ и увлеченіи, гр. Лелива опять забываетъ, что преслѣдовался не крестъ Спасителя, символъ христіанства, которому мы всегда и теперь поклоняемся, а крестъ—символъ страданій латино-полонизма, который дерзнулъ поставить себя на одинъ уровень съ страданіями Спасителя. Такіе кресты съ демонстративными эмблемами появлялись нерѣдко въ извѣстной мѣстности за одну ночь, неизвѣстно кѣмъ были поставлены, кому принадлежали; самая форма креста употреблялась въ данномъ случаѣ съ тою цѣлію, чтобы подъ религіозными предлогами дѣйствовать смѣлѣе и безнаказаннѣе. И въ подобномъ случаѣ, можно повторить слова гр. Леливы, дѣйствительно не можетъ быть со стороны р.-католиковъ большаго поруганія христіанства.

Да и самое злоупотребленіе въ постановкѣ крестовъ вышло изъ среды р.-католическаго духовенства. „Доходитъ до моего свѣдѣнія, писалъ 8 Августа 1864 г. гр. Муравьевъ, что въ нѣкоторыхъ приходахъ *р.-католическое духовенство* подъ предлогомъ распоряженія, сдѣланнаго на основаніи указа Коллегіи отъ 16 Мая о недозволеніи своевольно вы-

ставлять на поляхъ, дорогахъ и вообще внѣ костеловъ какія бы то ни было священныя изображенія, *воспрещаетъ ставить кресты на кладбищахъ надъ могилами умершихъ* и вообще старается распускать по этому поводу неблагонамѣренные слухи и неблагопріятные толки въ народѣ", а потому генералъ-губернаторъ предлагаетъ подлежащимъ властямъ строго наблюдать за подобными неблагонамѣренными ксендзами, чтобы они, исполняя въ точности указъ Коллегіи, отнюдь не осмѣливались давать превратное толкованіе правительственнымъ распоряженіямъ и не препятствовали бы народу ставить кресты на кладбищѣ; всѣхъ же тѣхъ ксендзовъ и иныхъ лицъ, которые дозволятъ себѣ вышеобъясненныя дѣйствія подвергать немедленно отвѣтственности. [1])

Выходитъ, что „варваръ", съ „каменнымъ сердцемъ", гр. Муравьевъ долженъ былъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости, чтобы только остановить р.-католическое духовенство въ его зломъ намѣреніи воспрещенія народу ставить кресты на кладбищахъ.

А вотъ и другой циркуляръ гр. Муравьева о незаконномъ вмѣшательствѣ полиціи въ нѣкоторые религіозные обычаи. „До свѣдѣнія моего доходитъ, писалъ гр. Муравьевъ 23 Сентября 1864 г., что нѣкоторые полицейскіе чины, пользуясь сдѣланными распоряженіями относительно воспрещенія, безъ разрѣшенія начальства, постановленія на поляхъ, дорогахъ и вообще внѣ костеловъ крестовъ и другихъ священныхъ изображеній, которые воздвигались р.-католическимъ духовенствомъ въ видахъ польской пропаганды, стѣсняютъ крестьянъ въ такихъ религіозныхъ обычаяхъ, которые не заключаютъ въ себѣ ничего политическаго,—и даже воспрещаютъ ставить кресты на кладбищахъ". (На послѣдній пунктъ особенно налегается). Вслѣдствіе сего подтверждается подлежащимъ властямъ, чтобы они отнюдь не дозволяли себѣ неумѣстнаго вмѣшательства по вышеозначенному предмету, и доводили бы до свѣдѣнія начальства о тѣхъ только крестахъ и изображеніяхъ, которые воздви-

---

[1]) **Сборн. распор. гр. М. Н. Муравьева—196—197. Такъ *содѣйствовало* р.-католическое духовенство умиротворенію края, спустя годъ слишкомъ послѣ обращенія къ нему по этому поводу гр. Муравьева.**

гаются р. католическимъ духовенствомъ внѣ кладбищъ *и при томъ съ политическою цѣлію.* [1])

Такова историческая справка о постановкѣ крестовъ, и клевещетъ гр. Лелива съ комп., когда утверждаетъ, что русскіе преслѣдуютъ крестъ—священный символъ христіанской религіи. Въ настоящее время этотъ вопросъ окончательно разрѣшенъ Высочайшимъ повелѣніемъ.

Уясняя это правительственное распоряженіе, „Церковный Вѣстникъ" (1896 г. № 18) замѣчаетъ: „Изъ исторіи мятежа 1863 г. извѣстно, что кресты были однимъ изъ средствъ фанатизировать народъ и давать мятежу религіозное освѣщеніе: у крестовъ назначались сборные пункты повстанцевъ, здѣсь происходили предварительныя совѣщанія, здѣсь распѣвались зажигательныя пѣсни и канты. Такимъ образомъ произошло совершенное превращеніе первоначальнаго смысла и назначенія придорожныхъ крестовъ. Мы знаемъ, что они ведутъ свое начало отъ феодальнаго времени, когда въ р.-католическихъ странахъ западной Европы царили анархія, грабежи и разбои, когда не возможно было мирному путнику и торговцу проѣхать по дорогѣ безъ того, чтобы не подвергнуться нападенію и насилію со стороны какого нибудь полуголоднаго рыцаря. Церковь взяла подъ свое покровительство и защиту мирныхъ обывателей и тружениковъ и въ видѣ придорожныхъ крестовъ вездѣ устроила для нихъ мѣста убѣжища; у подножія крестовъ всякій пользовался безопасностью; относительно пріютившихся у креста путниковъ самый необузданный феодалъ принужденъ былъ сдерживать хищническіе инстинкты изъ опасенія подпасть церковной анаѳемѣ. Кресты были, такимъ образомъ, источникомъ мира. А въ западной Россіи буйная шляхта и политиканствующіе ксендзы обратили ихъ въ разсадникъ войны: у крестовъ страсти мятежниковъ не укрощались, а напротивъ еще болѣе возбуждались... Польско-католическая пропаганда въ западномъ краѣ, не смотря на кажущуюся тишь и гладь, отнюдь не дремлетъ, а усердно ведется на почвѣ литературной и религіозной. Въ то время, какъ разные графы Леливы стараются сбить съ толку даже

---

[1]) Ibid. 197.

русскую интеллигенцію, ксендзы усиливаются внушить, что западъ и югъ Россіи отъ моря и до моря — край искони польско-католическій. Для нагляднаго удостовѣренія такой фальши, именно, и служитъ латинскій обычай постановки на перекресткахъ крестовъ съ рельефными латинскими изображеніями. Та или другая мѣстность сплошь занята православнымъ населеніемъ; но врѣзавшійся въ нее гдѣ нибудь панскій фольварокъ даетъ пріютъ горсти р.-католиковъ, которые, по указанію ксендзовъ, принимаютъ на себя „офяру" (обѣтъ) ставить кресты и по дорогамъ, пролегающимъ между православными деревнями. Мѣстность оказывается усѣянною латинскими крестами и, вслѣдствіе этого, сама выглядитъ какъ бы испоконъ вѣка р.-католическою. Ксендзы смѣло указываютъ на этотъ признакъ, а невѣжественный народъ имъ вѣритъ".

„Отсюда ясно, заключаетъ „Церковный Вѣстникъ", какую цѣль преслѣдуетъ правительственное распоряженіе, неодобрительно встрѣченное „Гражданиномъ", (по недоразумѣнію). Здѣсь вопросъ идетъ не о гоненіи, не о какомъ нибудь стѣсненіи религіозной совѣсти, а исключительно — о польско-католической пропагандѣ, избравшей обычай постановки крестовъ оружіемъ своихъ замысловъ. Можно было бы смущаться въ томъ случаѣ, еслибы приказано было убрать стоящіе уже на дорогахъ латинскіе кресты; но объ этомъ совсѣмъ нѣтъ рѣчи; воспрещено только ставить кресты вновь безъ разрѣшенія начальства. И воспрещеніе какъ нельзя болѣе благовременно: не будь его — воспрянувшая теперь польско-католическая пропаганда водрузила бы свое знамя на всемъ протяженіи русскаго православнаго края".

Въ виду политической неблагонадежности многихъ ксендзовъ или кандитатовъ на священство, каждый разъ, при новомъ назначеніи, требуется согласіе губернской власти. Циркуляромъ от 24 Іюня 1864 г., гр. Муравьевъ, сообщая подлежащимъ властямъ о Высочайшемъ повелѣніи, чтобы опредѣленіе ксендзовъ въ приходы Сѣверо-западнаго края отнюдь не было допускаемо безъ предварительнаго согласія на то начальниковъ губерній, предлагаетъ послѣднимъ о настоящемъ распоряженіи объявить епархіальному начальству для должнаго исполненія. „Отнынѣ, продолжаетъ цир-

куляръ, подъ строжайшею отвѣтственностію епархіальнаго начальства. ни одинъ изъ ксендзовъ губерніи не долженъ быть опредѣляемъ духовнымъ начальствомъ на должности декановъ, настоятелей приходовъ, викаріевъ, капеллановъ и на другія какія либо мѣста безъ придварительнаго испрошенія епархіальнымъ духовнымъ начальствомъ согласія начальниковъ губерній на такое опредѣленіе, при чемъ, епархіальное начальство обязано цредставлять (губернатору) положительное удостовѣреніе о совершенной благонадежности опредѣляемаго лица; изъявленіе же согласія на такое опредѣленіе со стороны начальника губерніи должно быть даваемо не иначе, какъ по надлежащей справкѣ и точномъ удостовѣреніи. *что назначаемое въ приходъ духовное лицо вполнѣ благонадежно въ политическомъ отношеніи*". Дальнѣйшее затѣмъ неусыпное наблюденіе какъ за вновь опредѣленными ксендзами, такъ и вообще за всѣмъ католическимъ духовенствомъ въ приходѣ возлагалось на обязанность уѣздныхъ начальниковъ, при чемъ требовалось обращать особенное вниманіе на то, чтобы въ приходахъ не было ксендзовъ и подобныхъ имъ лицъ (священо-служителей) болѣе того числа, какое положено по штату, и о таковыхъ лицахъ доносить по начальству для дальнѣйшихъ распоряженій. [1])

Латинское духовенство много скомпрометировало себя дѣятельнымъ участіемъ въ революціонной агитаціи, а потому правительство для возстановленія общественнаго спокойствія и порядка, требуетъ отъ р.-католическаго епископа большой осторожности при новомъ назначеніи кандитатовъ на священство и *рекомендуетъ ихъ въ политическомъ отношеніи*. Что тутъ обиднаго? „Нѣтъ, кричитъ гр. Лелива, это прямое упраздненіе основныхъ и краеугольныхъ преимуществъ епископа"... Слишкомъ исключительны и оригинальны были бы преимущества разрѣшать сѣять крамолу и коварство! А что говорятъ бывшія до послѣдняго времени такъ называемыя презентаціи помѣщиковъ при назначеніи къ костеламъ въ ихъ имѣніяхъ священно-служителей.? Это тоже варварство и угнетеніе.?

---

[1]) Сборн. распор. гр. Муравьева—198.

Въ силу якобы стѣсненій, насилій и давленія со стороны администраціи, приходскій ксендзъ въ западномъ краѣ представляетъ изъ себя, по словамъ гр. Леливы, зрѣлище столь жалкое и грустное, какого мы напрасно стали бы искать на континентѣ Европы въ продолженіи всего XIX вѣка (стр. 109). Въ доказательство такого отчаяннаго положенія ксендзовъ гр. Лелива приводитъ съ передержками краткое указаніе (всего 13 строкъ) въ дѣйствительности очень подробнаго разслѣдованія дѣла по взаимнымъ навѣтамъ нѣсколькихъ ксендзовъ въ неисполненіи ими правительственныхъ распоряженій, о высылкѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ административнымъ порядкомъ и оштрафованіи одного 25 рублями.

Гр. Лелива очень недоволенъ подобною самостоятельностію дѣйствій русскаго Правительства и „для прочности и устойчивости проводимыхъ мѣропріятій требуетъ непремѣннаго соглашенія съ папою, какъ съ главою римской церкви или съ епископами западнаго края и царства польскаго“ (стр. 110).

Мы уже твердо и ясно установили то положеніе, что во всѣхъ проявленіяхъ своей жизни въ отношеніи къ русскому государству р.-католическая церковь должна строго и неуклонно сообразоваться съ русскими государственными постановленіями; глава римской церкви, а тѣмъ болѣе ея епископъ, не могутъ имѣть въ данномъ случаѣ въ Россіи, при Самодержавной власти, никакого рѣшающаго голоса.

Что, во всякомъ случаѣ, и папа, и епископы латинскіе въ Россіи поставляются въ извѣстность, при рѣшеніи вопросовъ, касающихся римской церкви въ Имперіи, это доказываетъ, странно сказать, нескончаемый вопросъ о введеніи русскаго языка въ дополнительное богослуженіе, который почему то такъ ненавистенъ латинянамъ и о которомъ спрашивали и митрополита Гинтовта и епископа Гриневецкаго. Этимъ представителямъ слѣдовало бы посодѣйствовать правительству въ его разумныхъ задачахъ и цѣляхъ, похлопотать въ Римѣ объ исполненіи необходимыхъ формальностей; но они, не желая сближенія съ роднымъ государствомъ, оказали видамъ правительства полное противодѣйствіе и, странное дѣло, въ то время, когда всѣмъ дозволено славить

Бога на родомъ языкѣ, одни *русскіе* латиняне въ западно-русскихъ губерніяхъ лишены этого права. Это тѣмъ прискорбнѣе, что гр. Лелива почему то считаетъ этотъ вопросъ *безповоротно осужденнымъ и навсегда отвергнутымъ.* Utinam falsus essest.!

По этому поводу неможемъ не порекомендовать вниманію гр. Леливы и его поклонниковъ слѣдующаго любопытнаго письма, напечатаннаго въ „Новомъ Времени (№ 7230).

„Въ статьѣ, напечатанной въ вашей газетѣ, подъ заглавіемъ: *Русско-польскія отношенія*, пишетъ корреспондентъ, авторъ вступается за Жмудиновъ и Литовцевъ. Пора было бы вступиться и за русское населеніе римско-католическаго исповѣданія западныхъ и южно-русскихъ губерній, именно: Волыни и Подоліи, которое безпощадно передѣлывается римско-католическими ксендзами (этими убитыми, загнанными по гр. Леливѣ существами) въ поляковъ. Мнѣ, какъ иностранцу, случалось не разъ бывать въ этихъ губерніяхъ и присматриваться къ мѣстнымъ отношеніямъ. Часть населенія въ этихъ губерніяхъ, особенно по городамъ и мѣстечкамъ, римско-католическаго исповѣданія; но и эта часть коренная русская и говоръ ея русскій; только помѣщики римско-католическаго исповѣданія употребляютъ польскій языкъ. Между тѣмъ *ксендзы проповѣдуютъ въ римско католическихъ церквахъ этому русскому населенію на польскомъ языкѣ*, убѣждая его тѣмъ, что оно *не русское*, а только польское. И неудивительно, что такого рода ложное воззрѣніе распространяется между простонародіемъ. Слѣдуетъ только зайти въ праздники и воскресеніе въ римско-католическую церковь, напр., въ городѣ Острогѣ. Тамъ толпится народъ и помѣщики, и всегда можно встрѣтить тамъ и православныхъ чиновниковъ; между тѣмъ православныя церкви во время богослуженія почти пусты. Простой народъ считаетъ по этому римско-католическую вѣру не только высшею, но также вѣрою образованнаго сословія. Ксендзамъ же это на руку въ ихъ стремленіи передѣлывать русскихъ въ поляковъ. Пора бы добиться, чтобы въ этихъ губерніяхъ проповѣди и дополнительное богослуженіе римско-католическаго исповѣданія производились на русскомъ языкѣ".

Даже иностранца поражаетъ смѣлая, незаконная анти-русская пропаганда ксендзовъ въ Россіи; а гр. Лелива вопитъ о притѣсненіи ихъ за вѣру, о преслѣдованіи римскаго католичества.

Въ письмѣ изъ сѣверозападнаго края, которое легло въ основаніе статьи о русско-польскихъ отношеніяхъ, упоминаемой иностранцемъ, разоблачаются отчасти махинаціи, употребляемыя польско-клерикальною партіей для ополяченія русско-литовскаго народа въ нынѣшней Ковенской губерніи. „*Притѣсненіе* польской народности въ этомъ русскомъ, отчасти литовскомъ, но всего менѣе польскомъ краѣ, состоитъ въ томъ, говоритъ „Новое Время“, что бѣлоруссы, литовцы и жмудины настойчиво и систематически передѣлываются въ поляковъ—сперва формально-юридически, посредствомъ надѣленія ихъ польскими фамиліями, при записи въ метрикахъ, а потомъ и духовно—черезъ ксендзовъ, ревностныхъ (хотя и не всегда добровольныхъ) агентовъ полонизма, черезъ отправленіе дополнительнаго богослуженія въ костелѣ и молитвословій на польскомъ языкѣ, черезъ духовную школу, гдѣ фактически происходитъ обученіе на польскомъ языкѣ, а русскій языкъ числится въ программѣ, оставаясь номинальнымъ предметомъ преподаванія. Вотъ что такое *притѣсненіе* польской народности въ сѣверо-западномъ краѣ“.

„При всемъ желаніи, въ любой губерніи края нельзя найти поляковъ больше, говоритъ корреспондентъ „Новаго Времени“, чѣмъ въ каждой изъ русскихъ губерній. Но если никому не придетъ въ голову хлопотать за угнетенный польскій народъ въ Московской губерніи, то отчего же объ этомъ хлопочутъ въ сѣверо-западномъ краѣ?“.

„Польскаго народа въ краѣ не существуетъ, но есть польскіе паны и есть ксендзы, которые на ряду съ католической религіей проповѣдуютъ несчастнымъ и совершенно сбитымъ съ толку жмудякамъ и другимъ литовскимъ, а частью русскимъ (бѣлоруссы) жителямъ края религію на польскомъ языкѣ, т. е. заставляютъ ихъ быть поляками. Задача правительства и администраціи заключается въ томъ, чтобы, разрѣшая здѣсь, какъ и вездѣ въ Россіи, молиться Богу по какому угодно обряду, не дозволять ксендзамъ передѣлывать

жмудь и литву съ бѣлоруссами въ поляковъ, дать возможность этому вѣками сбиваемому съ толку народу успокоиться, жить и развиваться, не теряя своей народности. Чтобы сильнѣе и, такъ сказать, на вѣчныя времена, документально превратить жмудина въ поляка, ксендзы придумали очень остроумный способъ. Много лѣтъ. при крещеніи младенцевъ и записываніи ихъ въ метрическія костельныя книги, вмѣсто настоящей фамиліи крещаемаго вписываютъ польскую фамилію, напр. Шукисъ, а по метрикѣ Шукевичъ, Миколайтисъ—по метрикѣ Палардъ, Гибужисъ—по метрикѣ Рацевичъ, Кузулисъ—по метрикѣ Буткевичъ, Кипчинъ—по метрикѣ Крижевичъ, Буткусъ—по метрикѣ Раковскій, Пикусъ—по метрикѣ Невядинскій и т. д., или приписываютъ къ настоящей фамиліи другую фамилію, ту же, но съ польскимъ окончаніемъ, или совершенно польскую, напр. Галисъ или Гранскій, Радносъ или Радзевичъ, Наркусъ или Наркевичъ, Девмосъ или Девольскій, Каркутисъ или Каршанскій, Ручинисъ или Ручинскій, Левкасъ или Леоновичъ, Тильтинисъ или Лавлевичъ, Винцсонасъ или Криницкій, Рудисъ или Пецкевичъ и т. д. Отецъ ребенка ничего объ этомъ не знаетъ, но когда ребенокъ превращается въ варослаго человѣка, его заносятъ въ призывные списки для отбыванія воинской повинности и онъ отправляется на военную службу или получаетъ свидѣтельство объ отбываніи воинской повинности, то въ первомъ случаѣ въ формулярѣ, а во второмъ въ свидѣтельствѣ отмѣчается воинскимъ присутствіемъ фамилія призываемаго по призывному списку и по метрикѣ, такъ что получается, какъ сказано выше: Рудисъ, а по метрикѣ Рутковскій, или Тальтинисъ, а по метрикѣ Лавлевичъ и т. д. такимъ образомъ польская фамилія за нимъ узаконяется, а при дѣтяхъ его останется уже только одна польская фамилія; въ будущемъ образуется цѣлое поколѣніе жмудиновъ съ польскими фамиліями и считающихъ себя за настоящихъ поляковъ“.

„Самая католическая и, слѣдовательно, самая близкая польскому сердцу это Ковенская губернія. Но и тамъ польскій языкъ среди сельскаго населенія совершенно неизвѣстенъ: говорятъ по-жмудски, русски, латышски и нѣмецки (евреи). По-польски говорятъ только поляки-помѣщики и тѣ

изъ жмудиновъ и литвиновъ, которые долго служили у помѣщиковъ-поляковъ. или у ксендзовъ, или при костелахъ и тамъ усвоили себѣ польскую рѣчь. Также точно жмудяки, служащіе у русскихъ, скоро выучиваются по-русски, но за это бываютъ лишаемы ксендзами причастія".

„Католическое духовенство здѣсь, какъ подтверждаетъ и самъ Леливa, состоитъ исключительно изъ тѣхъ же жмудиновъ—мѣстныхъ уроженцевъ, но они говорятъ только попольски и по необходимости по-жмудски, а съ русскими чиновниками, которыхъ почему-либо опасаются, говорятъ по-русски, со всѣми же остальными русскими и даже священниками, на русскую рѣчь отвѣчаютъ по польски".

„Въ губернскихъ католическихъ семинаріяхъ преподаютъ языки польскій и русскій, который существуетъ только въ программѣ. Весьма понятно, что въ этомъ краѣ слѣдуетъ ксендзамъ знать по-русски, потому что край этотъ составляетъ часть Россіи, а государственный языкъ необходимъ каждому; было бы понятно, еслибъ въ семинаріяхъ изучали языки жмудскій, литовскій и бѣлорусскій, такъ какъ это языки массы, массы католическаго населенія края; но для чего здѣсь изучать польскій языкъ, становится совершенно непонятнымъ. Мало того, само преподаваніе въ семинаріяхъ, противозаконно, ведется на польскомъ языкѣ,—конечно, это тщательно скрывается. Выходитъ, будто само правительство въ жмудскомъ и бѣлорусскомъ краѣ поощряетъ введеніе польскаго языка и обобщаетъ его съ католичествомъ".

„Привожу примѣръ, говоритъ корреспондентъ „Новаго Времени", лично провѣренный. Жмудинъ Бактисъ, говорящій только по-жмудски,... волости.... уѣзда, поступилъ въ церковно-приходскую школу, окончилъ ее изъ первыхъ, выучился отлично русской грамотѣ и бѣгло говоритъ по-русски, пробылъ послѣ того пять лѣтъ въ солдатахъ, а потомъ поступилъ въ католическую семинарію въ... По выходѣ изъ семинаріи былъ посвященъ въ ксендзы въ... уѣздъ и недавно встрѣтившись съ своимъ бывшимъ учителемъ по церковноприходской школѣ, уважаемымъ священникомъ, отцомъ... по-русски говорить отказался, говоритъ забылъ, а можетъ зато говоритъ по-польски. Такихъ примѣровъ можно при-

вести тысячи. Живутъ ксендзы очень хорошо, у каждаго найдете отличный столъ и вина, что далеко нельзя сказать про наше, въ большинствѣ случаевъ, бѣдное православное духовенство".

„Нетерпимы ксендзы по отношенію православныхъ до крайности, особенно молодые, окончившіе образованіе послѣ назначенія епископовъ въ краѣ. Вообще съ назначеніемъ епископовъ католическое духовенство стало гораздо энергичнѣе распространять польскую вѣру. Неоднократно случалось наблюдать, что самъ ксендзъ, по натурѣ простой добрый жмудинъ, радъ бы душой бросить политику и жить тихо, мирно, занимаясь своими обязанностями, но онъ не смѣетъ, потому что епископъ, гроза и главный факторъ введенія польской вѣры, зорко слѣдитъ за малѣйшими отступленіями отъ общаго плана и за сближеніемъ съ православными". *(Новое Время 1896 г. № 7205).*

Противодѣйствіе русской власти такимъ насиліямъ и является въ глазахъ польско-клерикальной партіи гоненіемъ за вѣру, преслѣдованіемъ.

Графа Леливу особенно возмущаютъ штрафы, налагаемые на ксендзовъ за нарушеніе различныхъ административныхъ распоряженій; но тутъ же гр. Лелива находитъ и утѣшеніе, что „весьма нерѣдко эти штрафы уплачиваются прихожанами оштрафованныхъ".

Избавиться отъ штрафовъ очень легко: необходимо только исполнять установленныя распоряженія администраціи. Тогда, будемъ говорить остроумнымъ слогомъ гр. Леливы, изчезнутъ „неокладные сборы съ латинскаго исповѣданія въ западномъ краѣ". Виноваты ксендзы, если они допускаютъ эти „своеобразные, косвенные, государственные налоги": за свой проступукъ заставляютъ платить ни въ чемъ не повинныхъ своихъ прихожанъ.

Но римско-католическое духовенство, подъ видомъ необходимаго сбора на возобновленіе и починку костеловъ, монастырей и плебаній, самовольно возвышало обыкновенные сборы съ крестьянъ въ свою пользу и на другія секретныя личныя надобности. Противъ такого вопіющаго стремленія римско-католическаго духовенства мѣстныя власти прини-

мали свои мѣры [1]). Но и это должно считаться, по мнѣнію гр. Леливы, ограниченіемъ правъ и угнетеніемъ римско-католической церкви. Намъ говорятъ: „вы закрываете костелы, изгоняете ксендзовъ“...! Да! Но какіе закрываются костелы, и какіе ксендзы подвергаются наказаніямъ — вотъ вопросъ.

Есть костелы и монастыри совершенно излишніе за недостаткомъ прихожанъ или оскудѣніемъ монашествующихъ: ихъ закрываютъ. Есть костелы и монастыри, гдѣ исключительно занимались совращеніемъ православныхъ; не смотря на неоднократныя предостереженія виновныхъ со стороны властей о противозаконности подобной дѣятельности, она все таки продолжалась; для ея прекращенія потребовалось закрыть убѣжища государственныхъ преступленій. Есть, наконецъ, костелы и монастыри, которые объявили себя мѣстомъ для склада оружія, въ которыхъ созидалась государственная измѣна, писались революціонныя воззванія, говорились зажигательныя проповѣди, находили пріютъ мятежники, пѣлись революціонные гимны: такіе костелы и монастыри, ipso facto, отказались отъ своего назначенія, уклонились на путь неправды и подлежали закрытію. Смѣемъ увѣрить гр. Леливу, что и на будущее время подобные костелы и монастыри будутъ закрываться.

И Господь изъ храма Іерусалимскаго изгонялъ торгующихъ и купующихъ; и Онъ—Всемилостивый—обѣщалъ отнять у недостойныхъ дѣлателей виноградникъ и отдать его инымъ, болѣе достойнымъ. Чѣмъ же лучше этой беззаконной купли и продажи та шутовская комедія, съ барабаннымъ боемъ, карауломъ изъ двадцати человѣкъ и хоромъ музыки, которая была устроена, напр., 17 Апрѣля 1894 г. въ Гирдышскомъ приходскомъ костелѣ (Ковенской губ., Россіен. уѣзда) у плащаницы? Всѣ участвующіе въ комедіи были въ „мундирахъ“ или „пиджакахъ“, имѣли бѣлые штаны, на головахъ бумажныя шапки, на подобіе военныхъ, (въ нихъ стояли и въ костелѣ), черезъ плечо бумажныя ленты, на спинѣ что то въ родѣ военной аммуниціи, на плечахъ бумажные эполеты, а въ рукахъ, вмѣсто сабель,

[1]) Сборн. распор. гр. Муравьева—292.

окрашенныя деревянныя палки, перевязанныя ленточками [1]). Въ одно время тоже продѣлывалось и въ Бейсагольскомъ костелѣ [2]). Не лучше и то, когда ксендзъ для увеличенія недозволенныхъ денежныхъ сборовъ приглашаетъ своихъ прихожанъ съ церковной каѳедры усиленно брать билеты на лоттерею, въ которой онъ, якобы ad majorem Dei gloriam, разыгрываетъ лошадь [3]). Еще хуже, когда ксендзъ пускаетъ въ народъ завѣдомо сенсаціонныя свѣдѣнія, убѣждая, напр., своихъ прихожанъ не ходить въ православную церковь 6-го Декабря (1889 г.), такъ какъ въ этотъ день русскіе будто бы намѣрены обратить ихъ въ свою вѣру, а латинскія книги — кантычки, алтарики — сжечь [4]). Ксендзъ Задорожскаго костела (Дисн. у. Вилен. губ.) распространялъ между сосѣдними латинскими приходами, что правительство (русское) въ настоящее время (1893 г.) само сознаетъ преимущество латинской религіи передъ православною, что скоро настанутъ еще лучшія времена, что онъ ксендзъ лично знакомъ съ Государемъ Императоромъ, и даже обѣдалъ вдвоемъ съ Его Величествомъ [5]). Въ 1893 году въ Кѣлецкой латинской семинаріи обнаруженъ актъ, подписанный восемью ксендзами [6]), обязавшимися съѣзжаться ежегодно для цѣлей, которыя будутъ опредѣлены на первомъ съѣздѣ. Въ томъ же актѣ записано постановленіе, возлагающее на всѣхъ участниковъ съѣзда обязательство давать по 40 руб. тому изъ членовъ съѣзда, который волею судебъ будетъ заключенъ въ монастырь или сосланъ [7]). Кромѣ того, тутъ же у одного изъ подписавшихся обнаружена программа воззванія, въ которой въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ порицаются распоряженія правительства и совѣтуется вести въ семина-

---

[1]) Донес. Ковен. Губернат. отъ 8-го Ноября 1891 г. № 15105.

[2]) Ковен. губ. Шавельск. уѣзда; донес. отъ 8 Нобря 1894 г. № 15076.

[3]) А передъ тѣмъ разыгралъ сапоги и гармонику. Донес. Ковенск. Губерн. 22 Ноября 1894 г. № 15632.

[4]) Донес. Ковен. Губерн. отъ 27 Марта 1890 г. № 2805.

[5]) Донес. Вилен. губерн. отъ 29 Іюля 1893 г. № 1818.

[6]) Въ томъ числѣ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ епископа Паллюліона.

[7]) Мудрая предусмотрительность: чувствовали ксендзы, что дѣло затѣваютъ они, очевидно, недоброе и по головкѣ за него ихъ не погладятъ.

ріяхъ воспитаніе въ антиправительственномъ духѣ съ тѣмъ, чтобы со временемъ избавить народъ отъ яда привязанности къ русскому правительству [1].

Подлежащія начальства требуютъ отъ всѣхъ учащихся, чтобы въ высокоторжественные дни они посѣщали православные храмы и тамъ возносили бы молитвы о здравіи Августѣйшаго Монарха, всего царствующаго дома и процвѣтаніи общаго отечества Россіи; а латинскій епископъ даетъ ксендзамъ-законоучителямъ и духовникамъ учениковъ прямое приказаніе внушать учащимся не ходить въ православные храмы, разъяснить имъ, что посѣщающіе православную службу совершаютъ тяжкій грѣхъ, что исполнившій распоряженіе начальства и дерзнувшій итти въ церковь не будетъ въ слѣдующій разъ разрѣшенъ отъ грѣховъ, и какъ тяжкій грѣшникъ будетъ лишенъ причастія. Даже въ школьной молитвѣ за Государя нѣкоторые ксендзы подѣлали сокращенія, исключивъ слова: „укрѣпляй Его (Государя) своею премудростію и силою, чтобы Онъ царствовалъ во славу нашего отечества – Россіи, и направляй нашу жизнь такъ, чтобы мы, служа Ему вѣрно, постоянно стремились ко благу нашего русскаго государства". (Дѣло канц Вилен. Генералъ-Губерн. № 98, стр. 175). Исключенныя прибавки относятся, по мнѣнію нѣкоторыхъ ксендзовъ, единственно къ православнымъ и евреямъ: латиняне повинуются папскому престолу.

Много еще можно было бы указать подобныхъ явленій изъ жизни римско-католическаго духовенства и всѣ они многосторонне разслѣдованы и завѣрены на мѣстѣ.

Окончательно убѣждаешься въ одномъ, что преступность многихъ ксендзовъ слишкомъ велика и что безспорно, они никакъ не должны быть терпимы: рѣшительно необходимо или штрафовать ихъ или и совершенно удалять съ приходовъ. Въ данномъ случаѣ наказуется, преслѣдуется, изгоняется преступность, а не религія, не національность.

Графъ Лелива съ компаніей въ фактахъ подобной „нетерпимости" со стороны русскаго правительства видитъ угрозу лишить римско-католическое населеніе „духовной жизни,

---

[1]) Донес. Ковен. Губерн. отъ 26 Августа 1893 г. № 10671.

религіознаго ободренія, утѣшенія". Съ польско-революціонной точки зрѣнія—да, и было бы дерзостью защищать чиновниковъ, врывающихся въ святая святыхъ души „иновѣрческаго вѣрноподданнаго населенія".

„Но дѣло, къ сожалѣнію, обстоитъ не такъ просто, говоритъ по этому поводу „Свѣтъ". Римскій католицизмъ, являясь вездѣ религіею воинствующею и преслѣдующею очень часто исключительно политическія цѣли, въ глазахъ русской власти никогда не теряетъ этихъ своихъ особенностей. Отсюда ясно, что многія изъ заявленныхъ ими претензій и желаній проистекаютъ не только изъ религіознаго чувства, но также изъ соображеній, ничего общаго съ нимъ не имѣющихъ. Трудность задачи, преслѣдуемой русскою администраціею въ Сѣверо-Западномъ краѣ, въ томъ то и заключается, что съ одной стороны она не должна насиловать совѣсть и стѣснять римско-католическое населеніе во всемъ, касающемся религіознаго чувства, съ другой же—обязана слѣдить, чтобы религіей и ея высокими требованіями не прикрывались вожделѣнія противогосударственнаго характера".

„Было бы недостойно русской печати проповѣдывать племенную и религіозную нетерпимость; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что нужно цѣликомъ брать подъ защиту революціонныя польскія домагательства (какъ дѣлаютъ это нѣкоторые русскіе органы печати), и тратить пламенное краснорѣчіе, не справившись даже съ подлиннымъ значеніемъ того или иного, съ виду „возмутительнаго факта".

„Не желая напрасныхъ утѣсненій римско-католиковъ, мы не должны желать и явнаго ущерба себѣ. Интересы обитающихъ въ Россіи инороднеЕвъ заслуживаютъ удовлетворенія въ той мѣрѣ, въ какой не противорѣчатъ интересамъ общегосударственнымъ. Кажется эта истина простая и безспорная". *(Свѣтъ 1896 г., № 114).*

Необходимость провозглашенія этого принципа: „Россія для русскихъ", вызвана всею нашею предшествовавшею исторіею. Въ иностранной политикѣ мы прежде всего думали только о другихъ. Примѣненіе формулы: „Россія для русскихъ", говоритъ „Новое Время" (№ 7302), въ международныхъ нашихъ отношеніяхъ въ короткое время подняло значеніе Россіи на высоту небывалую и дало ей силу и разумъ,

при сравнительно малыхъ усиліяхъ достигнуть того, что составляетъ славу царствованія Императора Александра III".

И во внутреннихъ дѣлахъ мы слишкомъ много думали объ инородцахъ, надѣляя ихъ правами и привиллегіями въ ущербъ государственному центру. „Завершивъ многовѣковую упорную и страшно трудную борьбу на сѣверѣ и на западѣ Россіи, мы начинаемъ съ того, что на облитыхъ русскою кровью окраинныхъ территоріяхъ учреждаемъ почти независимыя Великое Княжество Финляндское и Царство Польское, даемъ этимъ государствамъ либеральныя конституціи, при господствѣ у самихъ крѣпостнаго права, даемъ имъ представительныя учрежденія, содержимыя не безъ пособій нашей казны, на свой счетъ устраиваемъ имъ высшія и низшія школы, имѣя у себя таковыхъ самое ничтожное количество, и почти приказываемъ, чтобы въ этихъ школахъ и не пахло русскимъ духомъ". Въ Западныхъ искони русскихъ областяхъ дошло даже до того, что „полонизмъ, который не имѣлъ тамъ никакого успѣха при нахожденіи ихъ подъ владычествомъ Рѣчи Посполитой, сдѣлалъ весьма значительные успѣхи именно въ нынѣшнемъ столѣтіи". „Формула „Россія для русскихъ", заключаетъ „Новое Время", явилась какъ отвѣтъ на формулы, провозглашенныя намъ съ окраинъ: Кавказъ не для русскихъ, Финляндія не для русскихъ, Прибалтійскій край не для русскихъ (Западно-русскій край не для русскихъ) и т. п. И пока существуютъ эти формулы, формула: *Россія для русскихъ*, должна сохранять для насъ полную свою жизненность". *(Ср. Варш. Дн. 1896 г. №№ 166 и 168, Записка Императора Николая о польскомъ вопросѣ, Р. Вѣстн. 1896 г. и Варш. Дн. 1896 г. № 165).*

Борьба, которую выдерживаетъ русское государство на своей западной окраинѣ съ революціоннымъ теченіемъ, исходящимъ изъ нѣдръ римско-католическихъ сферъ совершенно понятна Европѣ.

„Обратите вниманіе на положеніе римскаго католицизма въ католическихъ государствахъ, какъ Франція и Италія и сравните его съ нашимъ. Римско-католическія государства дѣйствительно гонятъ римскій католицизмъ, закрываютъ церкви и монастыри, изгоняютъ монаховъ, отбираютъ у

церквей имущество и всякій, кто бывалъ во Франціи и Италіи, знаетъ, съ какою грубостью все это дѣлается. А дѣлается это потому, что всюду римскій католицизмъ дѣйствуетъ враждебно противъ государства и это его отличительная черта. Въ Россіи же римскій католицизмъ не только не гонится (какъ мы уже говорили), но такъ сказать разжирѣлъ на государственныхъ харчахъ".

(„Свѣтъ"—1896 г., № 157).

Оттого и кричитъ онъ, что ему тѣсно и, не желая подчиниться требованіямъ государственной власти, учитъ и другихъ неповиновенію. Такія печальныя явленія имѣли мѣсто въ Ковенской гимназіи, Поневѣжскомъ реальномъ училищѣ и нѣкоторыхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ ксендзы, во имя какихъ то необязательныхъ для русской администраціи каноновъ своей церкви, внушали ученикамъ и просто требовали отъ нихъ прямаго ослушанія обязательнымъ для всѣхъ учащихъ и учащихся распоряженіямъ учебной власти. Терпимы ли подобные законоучители въ учебныхъ заведеніяхъ? А необходимое ихъ устраненіе отъ должности для возстановленія законнаго порядка въ теченіи жизни учебнаго заведенія снова вызываетъ крики и вопли объ „угнетеніи", „насилованіи совѣсти", „о систематическомъ устраненіи римско-католическаго духовенства отъ преподаванія въ школахъ закона Божія".

Послѣднее обвиненіе спеціально направлено на Привислинскій край, почему и поспѣшилъ ему отвѣтомъ „Варшавскій Дневникъ" *(1896 г. № 114).*

„Постановленіемъ Комитета Министровъ, утвержденнымъ 16 Марта 1892 года предоставлено сельскимъ обществамъ право ходатайствовать о замѣщеніи должности законоучителей въ гминныхъ и сельскихъ начальныхъ училищахъ мѣстными приходскими священниками; но таковыхъ ходатайствъ съ Марта 1892 г. по настоящее время (Май 1896 г.) поступило всего 94, а слѣдовательно либо сельскія общества довольствуются преподаваніемъ закона Божія учителями, либо сами ксендзы не желаютъ быть преподавателями закона Божія въ начальныхъ училищахъ. Это второе предположеніе имѣетъ въ себѣ много основаній и подтверждается фактами

и наблюденіями. Дѣло въ томъ, что ксендзы предпочитаютъ преподавать законъ Божій частнымъ образомъ (въ костелахъ, или у себя на дому), а не оффиціально въ училищахъ. Дома или въ костелѣ они чувствуютъ себя менѣе стѣсненными, чѣмъ въ училищѣ. „Можно ли, стало быть, заключаетъ „Варшавскій Дневникъ“, говорить о систематическомъ устраненіи въ здѣшнемъ (Привислинскомъ) краѣ учебнымъ начальствомъ ксендзовъ отъ преподаванія закона Божія въ начальныхъ училищахъ“?

Съ тѣмъ вмѣстѣ „Петербургскія Вѣдомости“ поставили въ укоръ администраціи Привислинскаго края лишеніе якобы учениковъ римско-католиковъ возможности проводить праздники Рождества Христова и Св. Пасхи въ своихъ семьяхъ вслѣдствіе того, что въ „1881 году попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа Апухтинымъ была сдѣлана попытка ввести въ учебныхъ заведеніяхъ края старый стиль. „Варшавскій Дневникъ“ представляетъ данныя, что старый стиль введенъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ и учебныхъ заведеніяхъ Привислинскаго края ранѣе 1881 года и притомъ задолго до назначенія А. А. Апухтина попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа. Въ 1881 году, на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 15 Мая 1881 года послѣдовало упорядоченіе вопроса о неприсутственныхъ и неучебныхъ дняхъ въ Привислиньѣ. Высочайшее повелѣніе отъ 15 Мая 1881 года, освободивъ служащихъ въ присутственныхъ мѣстахъ Привислинскихъ губерній отъ занятій въ извѣстные праздники, по новому стилю, предоставило Министру народнаго просвѣщенія примѣнить эту мѣру къ учебнымъ заведеніямъ Привислинскаго края. Вслѣдствіе этого, министерствомъ народнаго просвѣщенія было предложено попечителю Варшавскаго учебнаго округа составить перечень неучебныхъ дней и установить сроки для рождественскихъ и пасхальныхъ каникулъ. Въ Декабрѣ того же 1881 года, министръ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ Варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, утвердилъ представленіе по этому предмету попечителя Варшавскаго учебнаго округа, и съ этого времени въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Привислинскаго края, въ которыхъ большинство учениковъ составляютъ римско-католики, всѣ учащіеся освобождаются отъ

занятій въ слѣдующіе дни по новому стилю: въ день Новаго года, Срѣтенія Господня, свв. Ап. Петра и Павла, Успенія Пр. Богородицы, Благовѣщенія, Вознесенія, въ Духовъ день, день Божьяго тѣла, Рождества Пр. Богородицы, Всѣхъ Святыхъ и Непорочнаго Зачатія. Затѣмъ въ 1882 году установленъ порядокъ посѣщенія учащимися богослуженія въ день св. Станислава, въ первый день великаго поста (попелецъ) и въ день поминовенія усопшихъ 21 Октября. На Рождество учащіеся распускаются 11 Декабря по старому стилю и являются на уроки 2 Января, на Пасху—въ среду на пасхальной недѣлѣ; кромѣ того, для говѣнія (реколлекцій) всегда назначаются послѣдніе дни шестой недѣли и первые страстной, при чемъ учащимся, родители коихъ живутъ не въ мѣстахъ ученія, разрѣшается уѣзжать къ родителямъ и говѣть вмѣстѣ съ ними. Ученики римско-католики тѣхъ сравнительно немногихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преобладаютъ православные, освобождаются отъ уроковъ наравнѣ съ учениками — римско - католиками учебныхъ заведеній съ преобладающимъ католическимъ составомъ учащихся. И такъ, заключаетъ Варшавскій Дневникъ, въ чемъ же выражается насилованіе религіознаго чувства учениковъ римско-католиковъ? Ужъ не въ томъ ли, что они освобождаются отъ уроковъ въ двунадесятые праздники и по календарю стараго стиля? Гдѣ же основаніе утверждать, что ученики римско-католики лишены возможности проводить въ своихъ семьяхъ праздники Рождества Христова и св. Пасхи, если на рождественскія каникулы они распускаются болѣе чѣмъ на три недѣли, а на пасхальныя на двѣ, включая время для говѣнія?“ *(Варш. Дневн. 1896 г. № 114)*.

С.-Петербургскія Вѣдомости (1896 г., № 149) сказали и другую неправду по адресу учебной администраціи Привислинскаго края, по поводу якобы стѣсненія польской молодежи относительно изученія польскаго языка. Они заявляютъ:

1) „Сдѣлано распоряженіе, чтобы польскій языкъ, начиная съ элементарныхъ школъ, преподаваемъ былъ на русскомъ языкѣ, съ воспрещеніемъ употребленія съ преподавательской каѳедры языка, составляющаго самый предметъ преподаванія... Въ виду подобнаго распоряженія положеніе уча-

щихся и особенно учащихъ просто безвыходно, и нѣкоторые преподаватели польскаго языка лишались (будто бы) мѣста за самое ничтожное, вынужденное необходимостью уклоненіе отъ этого невозможнаго и противоестественнаго требованія. Нужно замѣтить, что требованіе это не было предписано формально, хотя на практикѣ исполнялось неукоснительно. Шагъ этотъ сдѣланъ былъ наконецъ инспекторомъ училищъ г. Варшавы, который 22 октября 1883 года циркуляромъ своимъ за № 1803 прямо уже предписалъ всѣмъ подвѣдомственнымъ ему учебнымъ заведеніямъ, чтобы преподаваніе языковъ французскаго, нѣмецкаго и польскаго происходило непремѣнно на русскомъ языкѣ".

2) „Воспрещено при преподаваніи исторіи польской литературы употреблять какое бы то ни было руководство или учебникъ. Временно разрѣшено было пользоваться только христоматіей Вержбовскаго (проф. Варш. Унив.), которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить собою учебника исторіи литературы, но и это учебное пособіе изъято теперь изъ употребленія въ классахъ, будто бы вслѣдствіе помѣщеннаго въ немъ какого-то сомнительнаго стихотворенія. Безъ учебника преподаваніе не мыслимо, составлять же записки преподавателямъ строжайше воспрещено: что же остается дѣлать учащимъ и учащимся"?

3) Вопросъ этотъ рѣшенъ очень просто. Приказано преподаваніе польскаго языка ограничить исключительно переводами по христоматіи Дубровскаго съ польскаго языка на русскій".

„Такимъ образомъ, заключаютъ „С.-Петербургскія Вѣдомости", польскій языкъ и исторія польской литературы, какъ предметы преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа административными мѣрами упразднены, вопреки Высочайшей волѣ и прямому смыслу правительственныхъ распоряженій".

„Слушайте и читайте, кричитъ по этому поводу заграничная польская печать, какъ притѣсняется въ Россіи польская народность"!... *(Варш. Дневн. 1896 г. № 147).*

А все притѣсненіе и заключается только въ неосновательныхъ, а то и просто выдуманныхъ заявленіяхъ „Петербургскихъ Вѣдомостей". Это разоблачаетъ намъ „Варшавскій Дневникъ" съ документами въ рукахъ. Онъ прямо называетъ

выдумкой то заявленіе, не соотвѣтствующее дѣйствительности, будто по распоряженію Варшавскаго попечителя „польскій языкъ, начиная съ *элементарныхъ* школъ долженъ быть преподаваемъ на русскомъ языкѣ".

„Ни г. Апухтинъ, ни одинъ изъ начальниковъ учебной дирекціи не могли бы осуществить подобную мѣру, такъ какъ существуетъ вполнѣ точное и опредѣленное узаконеніе, регулирующее данный вопросъ. Въ Высочайше утвержденномъ 5 Марта 1885 года мнѣніи Государственнаго Совѣта о начальныхъ училищахъ сказано слѣдующее: „во всѣхъ *народныхъ* училищахъ преподаваніе ведется на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ закона Божія иностранныхъ исповѣданій и природнаго языка учащихся, которые *могутъ быть* преподаваемы также и на семъ послѣднемъ языкѣ". Оказывается, что положеніе учащихъ и учащихся далеко не безвыходно. „До какой степени авторъ („Петерб. Вѣдом.") не стѣсняется въ подборѣ доказательствъ, можно судить по слѣдующему примѣру. Для вящшаго убѣжденія читателей въ достовѣрности своихъ выводовъ, онъ, между прочимъ, ссылается на 3-й пунктъ циркуляра г. попечителя округа отъ 12 марта 1882 года за № 2570. По сдѣланнымъ нами справкамъ оказывается, продолжаетъ „Варшавскій Дневникъ", что въ циркулярѣ попечителя по округу за Мартъ мѣсяцъ 1882 года опубликовано одно только Высочайшее повелѣніе 3 Февраля 1882 года, касающееся польскаго языка, именно: объ отпускѣ 3160 руб., на счетъ коихъ должны быть добавлены въ одиннадцати гимназіяхъ округа, въ которыхъ преподается польскій языкъ, по пяти уроковъ этого языка, и въ трехъ реальныхъ училищахъ по 8 уроковъ этого предмета, и что въ этомъ циркулярѣ нѣтъ даже третьяго пункта, а въ первыхъ двухъ говорится со всѣмъ не о томъ, о чемъ пишетъ авторъ". „Какъ вамъ нравится этотъ пріемъ, къ сожалѣнію, съ такимъ успѣхомъ уже примѣненный гр. Леливою. Читавшіе его брошюру, между прочимъ, говорили: „Помилуйте, онъ ссылается не только на числа, но и на номера бумагъ". Но давалъ ли кто себѣ трудъ провѣрить достовѣрность этихъ ссылокъ?"

Относительно воспрещенія якобы употреблять съ преподавательской каѳедры польскій языкъ, составляющій самый

предметъ преподаванія, „Варшавскій Дневникъ“ приводитъ слѣдующую справку.

„Въ Высочайшемъ повелѣніи 1 Мая 1869 года сказано: „Во всѣхъ гимназіяхъ мужскихъ и женскихъ, въ коихъ, по Высочайшему повелѣнію 10 Февраля 1868 года, введено преподаваніе физико-математическихъ и историческихъ предметовъ на русскомъ языкѣ, ввести съ начала 1869—70 учебнаго года преподаваніе на русскомъ же языкѣ и прочихъ, входящихъ въ курсъ сихъ заведеній предметовъ, кромѣ закона Божія, преподаваніе коего продолжать на тѣхъ языкахъ, на коихъ преподается сей предметъ въ настоящее время“. Но кромѣ указанныхъ въ этомъ повелѣніи предметовъ,—какіе-же остались въ оныхъ предметы преподаванія? Только языки, стало быть и польскій.

Въ § 6 Высочайше утвержденнаго 8-го Іюня 1869 года устава Варшавскаго университета сказано: „Въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ, какъ въ преподаваніи, такъ и во всѣхъ вообще испытаніяхъ, сочиненіяхъ, на публичныхъ актахъ и въ дѣлопроизводствѣ употребляется русскій языкъ“. „Кажется ясно и опредѣленно. Высочайшее повелѣніе отъ 27 Февраля 1881 года не заключало въ себѣ отмѣны закона 1869 года о преподаваніи на русскомъ языкѣ. При чемъ же тутъ противодѣйствіе учебнаго начальства? Какія же это административныя мѣры?

Неужели авторъ („С.-Петерб. Вѣдом“.) въ своей наивности полагаетъ, что лица, входившія въ составъ комитета по дѣламъ Царства Польскаго, выработавшія проэктъ объ учрежденіи каѳедры польской словесности въ Варшавскомъ университетѣ, не знали и не подозрѣвали, что все преподаваніе ведется въ этомъ учебномъ заведеніи на русскомъ языкѣ“?

Относительно христоматіи Дубровскаго оказывается, что она введена въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго округа еще въ 1873 году, по опредѣленію состоящаго при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія ученаго комитета и, слѣдовательно, задолго до назначенія попечителемъ г. Апухтина, которому исключительно приписывается ея введеніе. Въ свою очередь христоматія Вержбовскаго изъята изъ употребленія по распоряженію того же Министерства Народ-

наго Просвѣщенія, усмотрѣвшаго въ названной христоматіи отрывки, не вполнѣ пригодные для образованія юношества.

Такова въ дѣйствительности картина „преслѣдованія мѣстною администраціею польскаго языка и народности“.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ Варшавѣ число періодическихъ изданій (на польскомъ языкѣ) превышаетъ число таковыхъ же въ Москвѣ (на русскомъ языкѣ) и немногимъ уступаетъ количеству Петербургскихъ изданій. А въ „Указателѣ по дѣламъ печати“ (публикуется въ Правительственномъ Вѣстникѣ) для желающаго легко видѣть и убѣдиться, какое количество польскихъ книжекъ печатается ежегодно во всѣхъ типографіяхъ Привислинскаго края. А польскіе театры, субсидируемые въ Варшавѣ правительствомъ? А масса частныхъ драматическихъ товариществъ, дающихъ представленія во всѣхъ городахъ Привислинскаго края? А публичныя чтенія, публичныя популярныя и спеціальныя лекціи? А разрѣшеніе гминнымъ судамъ судоговоренія на польскомъ языкѣ?

Неужели же все это мѣры, спрашиваетъ „Варш. Дневн.“, направленныя къ искорененію языка (и народности)?

И „Свѣтъ“ съ обычною основательностію и широкимъ кругозоромъ поспѣшилъ отозваться на *недоумѣнныя* заявленія (приведены выше) „Петербургскихъ Вѣдомостей“.

„Никогда не повѣримъ, читаемъ въ „Свѣтѣ“ (1896 г. № 153), чтобы такія строки вышли изъ подъ пера русскаго человѣка, искренно проникнутаго только одними соображеніями „терпимости и гуманности“. „Петербургскія Вѣдомости“ едва-ли не умышленно вращаются въ заколдованномъ кругѣ подробностей интересующаго ихъ вопроса. Онѣ подсчитываютъ количество годовъ и часовъ, посвященныхъ преподаванію польскаго языка, касаются техническихъ особенностей преподаванія, обсуждаютъ достоинства и недостатки учебниковъ, но имъ и въ голову не приходитъ, что рѣчь идетъ о русской правительственной гимназіи, что наряду съ частными требованіями, предъявляемыми со стороны поляковъ, существуютъ еще требованія общегосударственныхъ интересовъ, представителемъ которыхъ является русское правительство“. „Ставъ на эту, устраняемую „Петербургскими Вѣдомостями“ точку зрѣнія, легко понять

сущность вопроса. Типъ гимназіи выработанъ не для какой нибудь (одной) опредѣленной мѣстности Россіи. Повсюду— на сѣверѣ и югѣ, востокѣ и западѣ нашего отечества—онъ одинаковъ. Преслѣдуя цѣли общеобразовательныя, гимназія въ то же время должна служить и умственному и нравственному объединенію ея питомцевъ, будущихъ русскихъ гражданъ,—*русскихъ, а не польскихъ, армянскихъ или нѣмецкихъ*. Поэтому, сама гимназія также должна быть *русскимъ* учебнымъ заведеніемъ, а не польскимъ, армянскимъ или нѣмецкимъ. Инородецъ, попадающій въ гимназію, а черезъ нее въ университетъ, пріобрѣтаетъ всѣ права, даваемыя этими учебными заведеніями кореннымъ русскимъ. Очевидно, такое уравненіе инородца съ русскимъ имѣетъ логическое основаніе въ воспитательномъ и образовательномъ значеніи гимназіи".

„Воспитательное и образовательное значеніе русской гимназіи уничтожалось бы въ корнѣ, если бы на каждой окраинѣ существовали свои учебныя программы и порядки. Вѣдь даже „Петербургскія Вѣдомости" не рискнутъ отрицать, что польскій юноша, учась въ гимназіи, несравненно болѣе нуждается въ пріобрѣтеніи дальнѣйшихъ и дальнѣйшихъ свѣдѣній по русскому языку и русской литературѣ, нежели по языку и литературѣ польскимъ. Дома онъ слышитъ только польскую рѣчь, дома его знакомятъ только съ польскими писателями, и если еще гимназія пойдетъ рука объ руку съ „домашнимъ направленіемъ", то смѣшно и мечтать о перевоплощеніи поляка (хотя бы и внѣшнемъ только) въ русскаго гражданина. „Петербургскія Вѣдомости" разумѣется, противъ обрусительной политики, осуществляемой *грубыми полицейскими мѣрами*. Противники *грубыхъ полицейскихъ мѣръ* обыкновенно увѣряютъ, что они лишь противъ этихъ мѣръ, но вовсе не противъ обрусительной политики. Но вотъ передъ нами иныя мѣры, безусловно культурнаго воздѣйствія. И что же? онѣ вызываютъ ни чуть не меньшіе протесты, нежели *обрусительство по рецепту „Держиморды"*. „Но есть въ данномъ случаѣ и другая поучительная сторона. Систематическимъ заступничествомъ за поляковъ занимается русская газета, не имѣющая, повидимому, тѣсныхъ связей съ лжелиберализмомъ. Какъ же ей не стыдно

поддерживать завѣдомую ложь? какъ не стыдно ей прикидываться не понимающею, въ чемъ дѣло, и приглашать русскія гимназіи въ Привислинскомъ краѣ ополячиться и стать проводниками польскаго вліянія въ краѣ, вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать ему вполнѣ мирными культурными средствами? какъ не стыдно ей, наконецъ, затягивать тревожный періодъ, поощрять безпокойные элементы, плодить несбыточныя надежды, между тѣмъ какъ въ интересахъ обѣихъ сторонъ поддерживать существующее по отношенію къ полякамъ настроеніе русскаго правительства".

И для кого и для чего пишутся и печатаются статьи подобныя напечатаннымъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" (№№ 64, 115, 149, 151)? Пропагандируя польское дѣло, внося совершенно напрасно и совершенно несвоевременно смущеніе умовъ, онѣ оставляютъ послѣ себя одно зло и недоразумѣніе. Въ нихъ мы встрѣчаемъ старыя, избитыя либеральныя фразы, повтореніе того, что уже осуждено за свою неосновательность и незрѣлость и что способно только питать вредныя настроенія противъ своего народа и противъ своего государства.

„Чтобы браться за рѣшеніе такихъ сложныхъ задачъ, какъ разъясненіе русско-польскихъ отношеній, нужно прежде всего быть человѣкомъ знающимъ и подготовленнымъ, совершенно справедливо заявляетъ „Свѣтъ". Судить же вкривь и вкось, при явномъ невѣжествѣ и явной неподготовкѣ, да еще прикрываться при этомъ оффиціальностью, которой на дѣлѣ нѣтъ, и намекать между строками, что рѣчь ведется отъ имени высшихъ сферъ,—чего также нѣтъ, это уже что то совсѣмъ неудобное".

„Что такое русско-польскія отношенія, что такое польскій вопросъ? И при томъ не такъ, какъ этотъ вопросъ стоялъ въ прошломъ вѣкѣ, а такъ, какъ онъ стоитъ теперь?!!"

„Вотъ уже минуло сто лѣтъ, какъ мы русскіе и большая часть польскаго народа составляемъ одно государство, служимъ одному государю, дѣйствуемъ общими силами на одной общей территоріи, свободно живя на ней, поселяясь, разрабатывая землю, путешествуя и пользуясь ею всячески. Поляки бывшаго царства польскаго живутъ теперь повсемѣстно въ Россіи. На Кавказѣ, на Волгѣ, въ Крыму, (въ

Туркестанскомъ краѣ), вездѣ въ Россіи можно встрѣтить поляковъ, живущихъ какъ дома. Въ Петербургѣ и Москвѣ они живутъ десятками тысячъ; нѣтъ ни одного губернскаго и ни одного уѣзднаго города, гдѣ бы ихъ не было. И всюду они живутъ, какъ добрые жители, живутъ подъ покровительствомъ законовъ, общихъ для всѣхъ. Тутъ слѣдовательно нѣтъ никакого польскаго вопроса".

„На государственной службѣ, какъ на военной, такъ и на гражданской, поляки служатъ въ такомъ множествѣ, что установленіемъ процентнаго отношенія для поляковъ, состоящихъ на государственной службѣ, пришлось охранять самыхъ русскихъ отъ черезмѣрнаго подавленія ихъ поляками. Установить это процентное отношеніе государство было не только вправѣ, но даже обязано, ибо нельзя на государственной службѣ отодвинуть на задній планъ именно тотъ народъ, который вынесъ на своихъ плечахъ самое государство. Это изобиліе поляковъ на государственной службѣ, уже одно само по себѣ, показываетъ полную примиренность поляковъ съ русскимъ государствомъ. И въ общемъ, мы должны признать, что поляки несутъ государственную службу и дѣлаютъ свое дѣло, какъ слѣдуетъ. И при завоеваніи Кавказа и Туркестана и въ освободительную войну въ Турціи, поляки въ рядахъ нашихъ войскъ дѣлали тоже, что дѣлали и русскіе. Слѣдовательно, тутъ также нѣтъ никакого польскаго вопроса".

„На всемъ пространствѣ бывшихъ польскихъ областей народъ повинуется властямъ, трудится, платитъ всѣ подати и повинности исправно, безропотно несетъ воинскую и всѣ другія повинности, и вездѣ доволенъ своимъ положеніемъ, вездѣ преданъ и благодаренъ русской власти и за надѣлъ землею и за освобожденіе отъ худшаго изъ всѣхъ игъ,—панскаго ига. Рѣшительно всѣ функціи государственной жизни во всей западной Россіи и Привислинскомъ краѣ отправляются правильно, а потому и здѣсь, надо сказать, что нѣтъ никакого польскаго вопроса".

„Бывшее польское королевство слилось съ Россіей на вѣки и слилось совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ слилась Малороссія съ Великою Россіею, какъ слились Новгородъ, Рязань, Тверь и Владиміръ съ Москвою".

„Великая равнина, ограниченная на западѣ р. Одеромъ; населенная родственными народами,—не можетъ составлять двухъ государствъ. Одна россійская корона можетъ вѣнчать эту землю и только въ ней одной можно видѣть выраженіе общей власти“.

„Съ этимъ послѣднимъ не согласны—старопольское дворянство, выраженіемъ котораго служили, а отчасти и до сихъ поръ служатъ, польская эмиграція и воинствующій римскій католицизмъ. Вотъ два врага русскаго государства и въ тоже время вотъ два истинныхъ врага польскаго народа, которые мѣшаютъ ему жить и развиваться союзно и братски съ народомъ русскимъ“. „Ошибка всѣхъ русскихъ *примирителей* состояла въ томъ, что слушая басни и росказни польской эмиграціи и воинствующаго римско-католицизма, они думали, что съ ними можно достигнуть какихъ либо соглашеній. Но развѣ можно примирить идею революціи и разрушенія съ идеей государства и порядка? демократію съ аристократіей? Это тоже, что согласить воду съ огнемъ. Тутъ можетъ быть только борьба. Но въ примѣненіи къ разсматриваемому нами вопросу, это вовсе не есть борьба съ народомъ польскимъ, который вовсе не борется, а борьба съ вредными антигосударственными элементами, съ которыми государство должно бороться по самому существу своему изъ чувства самосохраненія. Удивляться, что во время борьбы борящіеся наносятъ другъ другу удары, болѣе, чѣмъ странно. — Эти удары естественны, но они не выражаютъ собою общаго положенія дѣлъ, но только исключеніе. Партія польскаго государства прямо враждебна коронѣ русской. Эту партію надо преслѣдовать, ибо съ ней нѣтъ и быть не можетъ примиренія. Пусть князь Ухтомскій, плохо знающій русскую исторію, прочтетъ знаменитое письмо Н. М. Карамзина къ Императору Александру I, и онъ будетъ знать, чего ему держаться въ польскомъ вопросѣ; пусть кн. Ухтомскій вспомнитъ и мѣсто въ рѣчи К. П. Побѣдоносцева, произнесенной въ Высочайшемъ присутствіи, въ собраніи Императорскаго русскаго историческаго общества, (6 Апрѣля 1895 года), въ которой почтенный ораторъ сказалъ, что Императоръ Александръ I мечталъ о возстановленіи Польши, не зная исторіи, которая сказала бы ему,

что Царство Польское означаетъ рабство и угнетеніе для всего русскаго народа. Пусть кн. Ухтомскій внимательнѣе прочтетъ записки такого величайшаго патріота и царскаго слуги, какимъ былъ митрополитъ Іосифъ (Сѣмашко), говорившій: сохрани, Господи, различать интересы царскаго дома отъ интересовъ Россіи... Не отдѣляя русскаго Царя отъ русскаго царства, нужно сообразить, на сколько имъ полезно или вредно возрожденіе или подавленіе польскаго (революціоннаго) элемента".

„Такимъ образомъ, мы имѣемъ предъ собою двѣ картины: одну представляющую большую массу потомковъ бывшаго населенія Царства Польскаго, спокойную, трудолюбивую, мирно живущую въ обще-русскомъ государствѣ и вошедшую въ составъ его въ неразрывномъ единеніи съ русскимъ народомъ; другую, весьма небольшую по размѣрамъ, представляющую собою озлобленную партію польскихъ агитаторовъ и революціонеровъ, отпрыскъ польской эмиграціи, орудователей мятежей [1]). Противъ этой партіи должны одинаково дѣйствовать и поляки и русскіе, силы правительственныя и общественныя. Въ общихъ интересахъ—уничтоженіе этой вреднѣйшей агитаціи, съ которой нѣтъ и быть не можетъ примиренія".

„Эта революціонная польская партія тѣмъ болѣе вредна, что она опирается на иноземную интригу. Въ былое время эта партія была орудіемъ Наполеона I и Наполеона III. Затѣмъ, при папѣ Піѣ IX она питалась Римомъ. Теперь уже достовѣрно извѣстны письменные совѣты папы Пія IX польскимъ епископамъ принимать участіе въ возмущеніи поляковъ противъ Россіи въ 1863 г. и послѣдующихъ".

„Нынѣ эта партія питается агитаціей, поддерживаемой Австріей. Эта революціонная партія, проповѣдуя вездѣ о при-

---

[1]) Съ помощію римско католическаго духовенства. Необходимо вспомнить вышеприведенные циркуляры гр. Н. М. Муравьева, которыми разъясняется, что римско-католическое духовенство незаконными поборами съ крестьянъ въ свою пользу и умышленно неправильнымъ толкованіемъ мѣропріятій русскаго правительства, старалось возстановить противъ него простой народъ. Можно указать и на письмо маркиза С. Велепольскаго, помѣщенное въ „Kraj'ѣ" и переведенное въ „Варшав. Дневн." 1896 г. № 170.

Примѣч. составителя.

тѣсненіяхъ въ Россіи польской народности и римско-католической церкви, возбуждая поляковъ къ неповиновенію русской власти и терроризуя скромную часть польскаго населенія во имя созданія какого-то польскаго крулевства,—приноситъ полякамъ ужасающее зло. Она есть главная причина вражды и недовѣрія, существующаго между русскими и поляками, она—главная причина, почему поляки до сихъ поръ не могутъ пользоваться общерусскими государственными учрежденіями; она—главная причина административнаго давленія, которое до сихъ поръ признается необходимымъ и дѣйствительно необходимо въ Западномъ краѣ. Эта партія практикуетъ по отношенію къ Россіи ложь, клевету, инсинуацію, распространяетъ по всему міру величайшую о Россіи неправду. Передъ этою партіею нечего оправдываться и нечего становиться ея слугою, какъ это дѣлаетъ кн. Ухтомскій, а напрямикъ—эту партію надо преслѣдовать, а клеветы ея разоблачать".

„Нѣтъ больше лжи, какъ распускаемое этою партіей увѣреніе, будто Россія преслѣдуетъ римско-католицизмъ". (Мы видѣли факты, говорящіе совершенно противное).

„Папа Левъ XIII дѣлаетъ съ своей стороны все возможное, чтобы не допустить римско-католицизмъ становиться на сторону политической и противогосударственной агитаціи, но корни были пущены такъ глубоко, что римско-католицизму въ Россіи уже трудно отказаться отъ дурныхъ замашекъ. Разумные поляки давно поняли ошибку, которую дѣлали ихъ отцы, становясь въ ряды клерикальнаго лагеря. Они сознаютъ теперь, что римско-католицизмъ былъ камнемъ на шеѣ у бывшаго крулевства польскаго и когда Польшѣ пришлось погибать, этотъ камень содѣйствовалъ ея дальнѣйшей гибели, какъ камень на шеѣ утопающаго. Истиннымъ другомъ поляковъ былъ бы тотъ, кто помогъ бы имъ освободиться отъ римско-католическаго гнета и сообщества, а не разжигалъ бы неправильныя притязанія польскихъ клерикаловъ, захватившихъ церковную организацію лишь какъ орудіе, пригодное для мятежей" [1]).

---

[1]) Свѣтъ 1896 г., № 157.

III.

Не римскій католицизмъ терпитъ въ Россіи гоненія и преслѣдованія, а на оборотъ: онъ самъ, въ союзѣ съ польско-революціонною партіею и въ Россіи, и въ другихъ странахъ является, гдѣ только можетъ, вызывающимъ, нападающимъ. Можно заявлять, сколько угодно, „что во время проповѣди устами ксендза говоритъ самъ Богъ", „что распоряженія свѣтской власти на столько обязательны для костела, на сколько признаетъ это ксендзъ"; можно награждать презрѣніемъ господствующую православную вѣру и называть православныхъ схизматиками, еретиками, съ которыми даже преступно быть погребеннымъ на одномъ кладбищѣ или присутствовать въ ихъ церкви: но развѣ это не фанатически - вызывающій образъ дѣйствій со стороны р.-католицизма? А какъ назвать поступокъ луцко - житомирскаго епископа Козловскаго, который подвергъ отлученію Коростышевскаго ксендза Мировича за то, что онъ позволилъ покойному митрополиту кіевскому Платону войти въ костелъ и сказать нѣсколько прекрасныхъ словъ въ духѣ примиренія и любви между православными и р.-католиками. Позволяли же себѣ ксендзы нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній такую дерзость даже въ присутствіи начальства, что заставляли учениковъ р.-католиковъ становиться для молитвы спиною къ православной иконѣ. А упорные отказы посѣщать въ высокоторжественные дни православные храмы! Вѣдь въ Привислинскомъ краѣ, въ городахъ, въ которыхъ не имѣется православныхъ храмовъ, русскія власти обязательно присутствуютъ въ царскіе дни на богослуженіи въ костелахъ. Напомнимъ и тѣ факты, когда ксендзы доводятъ свою паству, особенно

женщинъ, до такой степени изувѣрства, что, напр., во время пожара въ городѣ Тельшахъ (Ковенской губ.) одна женщина-католичка, захваченная огнемъ, отбивалась отъ „москаля", желавшаго вынести ее изъ пламени; и когда все таки бравый солдатъ съ опасностію собственной жизни извлекъ ее, то, (какъ разсказываетъ Краковскій „Часъ") „отъ одного прикосновенія къ ней москаля она кончила тихимъ помѣшательствомъ" [1]).

А вотъ примѣръ изъ жизни р.-католическо-польской высшей интеллигенціи. Дѣло происходило въ пограничномъ мѣстечкѣ нашемъ Полангенѣ, гдѣ въ числѣ жителей много православныхъ, не имѣвшихъ однако до послѣдняго времени своего храма и принужденныхъ потому посѣщать р.-католическій костелъ. Въ мѣстечкѣ есть между прочимъ прогимназія съ значительнымъ процентомъ русскихъ учащихся. Начальство ея, по соглашенію съ епархіальною властію, рѣшило въ 1895 гтду устроить въ прогимназіи домовую церковь. Когда объ этомъ узналъ владѣлецъ мѣстечка, гр. Тышкевичъ, отецъ котораго предоставилъ прогимназіи занимаемое ею зданіе на вѣчныя времена, то онъ извѣстилъ начальство прогимназіи, что находитъ *неудобнымъ* устройство православной церкви въ зданіи прогимназіи. Такъ какъ зданіе навсегда предоставлено прогимназіи, то начальство совершенно законно не обратило вниманія на заявленіе гр. Тышкевича и приступило къ приспособленію актовой залы для церкви, въ которую назначены священникъ и причтъ. Но такъ какъ гр. Тышкевичъ со всею мѣстною польскою братіею упорно не желали, чтобы въ Полангенѣ возникла православная церковь, то всѣ, по сговору, отказывали въ отдачѣ помѣщенія для вновь назначеннаго священника, который еле подыскалъ себѣ квартиру у нѣмца-лютеранина. Тогда гр. Тышкевичъ прямо заявилъ начальству прогимназіи, что онъ не можетъ допустить устройства православной церкви въ принадлежащемъ ему зданіи, и, если она будетъ устроена, предложитъ прогимназіи совсѣмъ убраться изъ этого зданія... Таково отношеніе къ русскимъ клерикально-польской партіи!

---

[1]) Церковн. Вѣстн. 1896 г. № 20.

Къ этому разсказу можемъ только прибавить, замѣчаетъ „Церковный Вѣстникъ“ (№ 20), что польскій магнатъ своею угрозою никого не запугалъ. Рѣзкое проявленіе нетерпимости вызвало единодушный протестъ со стороны духовнаго и учебнаго вѣдомства; храмъ былъ оконченъ и освященъ..

Клерикально-польская революціонная партія положительно цѣлыми массами распространяетъ по Ковенской губерніи [1]) слѣдующія возмутительныя изданія на литовскомъ языкѣ: „Кальварія“, „Парспицимасъ“, „Гивеннимай“, „Швентую Дѣва“, „Бролей Католикай“, „Виргай Бажничасъ Католику“ „Праявтимасъ“, „Ишъ Тальсибасъ“ и другія. Отъ латино-польской пропаганды не свободны всѣ пункты сѣверозападнаго края, не исключая даже губерній Могилевской и Витебской. Повсюду стараются распространять „кантычки“, „литаніи“, „злотэ олтаржики“, „іезуитскіе молитвенники“, „литовскіе календари“, львовскія различныя воззванія, „Дробязги“, „Сборникъ Познанскій“, „Польскій орелъ“, „Меморандумъ святѣйшему отцу“..., различные политическаго содержанія эстампы, картины, стихотворенія, пѣсни. И во всѣхъ этихъ изданіяхъ съ самой невыгодной стороны представляется дѣятельность высшей церковной и свѣтской власти, мѣстной администраціи, позорится жизнь и дѣятельность священниковъ, народныхъ учителей, съ негодованіемъ указывается на тѣ мѣры, которыя были приняты нашимъ правительствомъ относительно печатанія литовско-жмудскихъ книгъ русскимъ алфавитомъ, для введенія русскаго языка въ дополнительное богослуженіе; въ названныхъ брошюрахъ требуется возстановленіе употребленія польскаго языка, воспитанія юношества въ польскомъ духѣ и направленіи [2]). Въ этихъ видахъ молодежь приглашается, кто чѣмъ можетъ, противодѣйствовать требованіямъ закона и правительства, противодѣйствовать русскому вліянію школы, вліянію русскихъ воспитателей.

Въ „Галичанинѣ“, органѣ галицко-русской такъ называемой „исторической партіи“, газетѣ зорко слѣдящей за

---

[1]) По народной молвѣ, преимущественно этимъ занимается гр. Лелива.

[2]) Послѣднее, какъ мы видѣли, проповѣдуется и „С.-Петербургскими Вѣдомостями“.

всѣми подкопами поляковъ подъ Россію, читаемъ, говорятъ „С.-Петерб. Вѣдом.“: „Въ Львовскомъ еженедѣльникѣ „Monitor“ (органъ польской соціалистической и революціонной партіи) помѣщенъ слѣдующій отзывъ, изданный недавно въ Варшавѣ какимъ то „комитетомъ народной защиты“ и распространенный въ большомъ количествѣ экземпляровъ въ Привислинскомъ краѣ. Отзывъ начинается такъ: „Съ будущею весною, а можетъ быть и раньше, всѣ ожидаютъ великой войны. Намъ, полякамъ, нельзя во время этой войны сидѣтъ со сложенными руками. Намъ нечего ждать, пока намъ дадутъ что нибудь изъ милости, мы должны сами брать то, что намъ надлежитъ, мы должны отомстить врагамъ за наши кривды“. Указавъ на Россію, какъ на исключительнаго своего врага, комитетъ распоряжается, какъ поступать польскому населенію не только привислинскихъ губерній, но и Западно-русскаго и Южнаго края до объявленія, при первыхъ случаяхъ и во время этой войны, которая де должна вернуть „золотую свободу“ польскому народу. Въ основаніи этихъ распоряженій положенъ такъ называемый принципъ „малой войны“, т. е. способъ борьбы, къ которому такъ часто прибѣгаютъ современные повстанцы во всѣхъ частяхъ свѣта.

Кромѣ отказа платить подати и скрытія запасовъ, полякамъ приказано, при первомъ извѣстіи о войнѣ, опрокидывать сигнальные и телеграфные столбы, перерѣзать проволоки, повреждать желѣзныя дороги, портить мосты и вообще портить всѣ пути сообщенія, животныхъ прятать, чтобы не попались врагу, такъ какъ они понадобятся самимъ, а за то, что останется, австрійскія и прусскія войска заплатятъ лучше, чѣмъ „москали“. Уже теперь въ городскія и сельскія должности поляки должны избирать лицъ, преданныхъ не русскому правительству, а втайнѣ служащихъ польскому дѣлу. Во время же слуховъ о войнѣ всѣ подозрительныя лица должны быть частью задержаны, частью убиты. Затѣмъ слѣдуетъ распоряженіе на счетъ сельскихъ движимостей, кассъ, на счетъ церквей и духовенства, изъ которыхъ первыя должны быть опечатаны, второе же оставаться подъ надзоромъ. Въ заключеніе говорится, что сейчасъ же послѣ объявленія войны, явно выступять, гдѣ только бу-

детъ возможно, чиновники польскаго правительства, которымъ всѣ жители обязаны безусловно повиноваться [1]).

Хотя подобныя бредни не могутъ, конечно, пользоваться сочувствіемъ *всего* польскаго народа, тѣмъ менѣе, однако, они могутъ внести примиряющихъ началъ въ русско-польскія отношенія; объ устраненіи ихъ для блага поляковъ болѣе всего и слѣдовало бы хлопотать гр. Леливѣ съ комп. Запугиванія не страшны Россіи. Она знакома съ ними. Въ 1863 году изъ за польскаго вопроса ей угрожалъ папа Пій IX чуть не крестовымъ походомъ всего міра; тогда же и по тому же вопросу ей угрожали Англія, Франція и Австрія. Но Россія, путемъ правды и справедливости, твердо и мужественно отстояла свою государственную честь и мирно продолжаетъ стремиться итти впередъ въ области развитія общаго народнаго благодѣйствія. Къ чему же поляки допускаютъ развиваться въ своей средѣ роямъ различныхъ назойливыхъ букашекъ и таракашекъ, мѣшающихъ этому развитію. А вѣдь эти рои шумятъ и все таки производятъ извѣстное безпокойство... И уже ли въ такомъ положеніи они расчитываютъ еще на наши за ними ухаживанія!...

„Съ тѣхъ поръ, какъ Франція отказалась отъ неблагодарной роли покровительницы польскихъ политическихъ вожделѣній и роль эта перешла по наслѣдству къ Австріи, (надѣявшейся такимъ путемъ создать для русскаго правительства новыя затрудненія на западно-русской окраинѣ), съ тѣхъ поръ пограничная съ нами область Галичина пріобрѣла въ глазахъ многихъ поляковъ значеніе носительницы польской идеи и польскаго народнаго духа, а взоры ихъ обращены, какъ къ двумъ политическимъ центрамъ—Львову и Кракову. Безъ преувеличенія можно сказать, замѣчаютъ „С.-Петерб. Вѣдомости", что Галичина съ ея польскимъ сеймомъ, польскими автономными и административными учрежденіями, съ польскою академіею наукъ, польскою школою и воинственно настроенною печатью даетъ тонъ всѣмъ остальнымъ „дѣльницамъ" бывшей Польши, не исключая и Привислинскаго края, стоящаго собственно въ культурномъ отношеніи неизмѣримо выше ея. Политическія

[1]) С.-Петерб. Вѣдомости 1896 г. № 157.

партіи и теченія съ болѣе или менѣе опредѣленными программами и девизами, типы политическихъ дѣятелей, зародившіеся на галицкой почвѣ, находятъ себѣ подражателей и послѣдователей въ средѣ польской интеллигенціи, живущей въ Россіи. Въ Галичинѣ же находится и очагъ политической и религіозной пропаганды, распространяемой на наши западно-русскія окраины" [1]).

Здѣсь, въ Галичинѣ, устраиваются демонстративныя политическія празднества и торжества, чтобы съ одной стороны будить національно-польскія чувства, съ другой—доказать *всему* міру, что „еще Польска не згинела", что живъ ея народный польскій духъ. Демонстраціи исключительно направляются противъ Россіи. Въ такихъ видахъ въ послѣднее время во Львовѣ и Краковѣ происходили торжества— въ память 300-лѣтія введенія Брестской церковной уніи и въ память 100-лѣтняго юбилея принесенія Костюшкою присяги въ томъ, что онъ возстановитъ Польшу отъ моря до моря.

Въ воспоминаніе послѣдняго событія въ театрахъ давались представленія, въ которыхъ русскіе изображаются варварами, на которыхъ одно приближеніе Костюшки наводитъ страхъ и ужасъ. Юношеству, для воспитанія его въ патріотическомъ духѣ, массами раздавались печатныя революціонныя брошюры. Вышедшіе номера польскихъ газетъ твердили, что священный долгъ поляковъ быть вѣрными завѣтамъ Костюшки. Была издана политико-географическая карта б. польскаго королевства, увѣнчанная напечатанными на ней аксессуарами папской власти и сочиненною для настоящаго случая (кардиналомъ Дунаевскимъ съ благословенія папы) молитвою о погибели враговъ (русскихъ), возвращеніи ихъ на путь истины и возстановленіи отчизны.

Въ Варшавѣ устроилось торжество въ честь сапожника Килинскаго за его *подвигъ*, которымъ началось возстаніе Костюшки. Подвигъ Килинскаго состоялъ въ избіеніи сонныхъ беззащитныхъ русскихъ въ Варшавѣ въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресеніе (на 5-е Апрѣля 1794 г.). По Килин-

---

[1]) С.-Пет. Вѣдом. 1896 г. № 67.

скомъ въ Варшавѣ въ костелѣ св. Яна была отслужена панихида, по окончаніи которой вся процессія изъ костела направилась къ дому, гдѣ жилъ Килинскій, и прошла мимо его, снявъ фуражки. Въ одной краковской брошюрѣ, изданной для народа къ 100-лѣтней годовщинѣ возстанія Костюшки, подвигъ Килинскаго превозносится слѣдующими выраженіями: „не помогутъ москалямъ молитвы; ихъ начали рѣзать сапожники, продолжали портные, кузнецы добивали, а мясники вытягивали изъ нихъ жилы—такъ энергично принялся народъ за работу въ великій четвергъ и къ великой субботѣ окончилъ волю Господню".

Къ демонстраціи въ память Костюшки примкнула и выставка во Львовѣ. Ея цѣль, по указанію „Газеты Народовой" состояла въ томъ, чтобы „по ту сторону границы (т. е. въ Россіи) вызвать громкій откликъ". Цѣль была достигнута—варшавскіе поляки отпраздновали *подвигъ* Килинскаго. На выставку Костюшки въ русскомъ городѣ Львовѣ цѣлыми толпами приводили русскихъ крестьянъ съ ихъ дѣтьми и показывали имъ панораму Рацлавицкой битвы. При этомъ вкось и вкривь толковали о прошломъ Польши, о варварствѣ москалей и о томъ, что подъ знаменемъ Костюшки русины (галичане) сражались рука объ руку съ поляками противъ москалей.

Приводимыхъ на выставку русскихъ крестьянскихъ дѣтей заставляли, по свидѣтельству очевидцевъ, пѣть заученныя ими ранѣе пѣсни, прославляющія Костюшку и проклинающія москалей. „Въ церкви-павильонѣ все было устроено, какъ въ настоящей церкви: клиросы, иконостасъ, въ алтарѣ престолъ съ семисвѣщникомъ и повѣшены двѣ картины: на одной Іисусъ Христосъ изображенъ въ костюмѣ галицко-русскаго крестьянина, на другой—Матерь Божія—въ костюмѣ галицко-русской крестьянки". При входѣ въ церковь, посѣтители не снимали шляпъ. Въ выставкѣ принимали участіе болѣе ста лицъ однихъ русскихъ поляковъ.

На различныхъ при этомъ устрояемыхъ съѣздахъ говорились рѣчи о возстановленіи Польши, обсуждались необходимыя для этого средства и мѣры. На литературномъ съѣздѣ подъ предсѣдательствомъ революціонера Ежа—Милковскаго постановлено было принять мѣры, чтобы въ евро-

пейскую печать и въ частности русскую проникали только желательныя съ польской точки зрѣнія извѣстія о полякахъ и польскихъ дѣлахъ.

Празднество въ память 300-лѣтняго юбилея въ память введенія Брестской церковной уніи опять таки имѣетъ въ виду демонстрацію польско-клерикальной партіи противъ Россіи. Въ изданной въ 1894 году къ этому юбилею книгѣ кс. Слотвинскаго „О подляшско-холмской уніи", уніаты называются поляками, а край, который они населяли, этотъ искони русскій край, именуется Польшею. Переходъ уніатовъ въ схизму польско-клерикальная партія считаетъ тяжелымъ пораженіемъ, нанесеннымъ Польшѣ и польскому дѣлу. Давая русскому правительству поводъ преслѣдовать политическихъ агитаторовъ, эта партія придаетъ преслѣдованіямъ значеніе гоненія р.-католической вѣры. По сигналу изъ Кракова, вновь волнуется политическій муравейникъ и вновь смущаются умы слабыхъ. Вербуется псевдо-уніатская депутація [1]) и закордонное гнѣздо латино-польской пропаганды употребляетъ новыя усилія для возбужденія уніатскаго вопроса, давно уже безповоротно рѣшеннаго русскимъ правительствомъ и сдѣлавшагося только достояніемъ исторіи.

Главнымъ вожакомъ въ этомъ дѣлѣ является уніатскій митрополитъ Сембратовичъ. Въ 1893 году на польско-католическомъ съѣздѣ въ Краковѣ онъ произнесъ рѣчь, которая, при политической окраскѣ, отличалась крайне возмутительнымъ отношеніемъ къ Россіи и произвела во враждебномъ намъ лагерѣ сильную сенсацію. Она доставила Сембратовичу такую популярность въ средѣ польскихъ шовинистовъ, какою не пользовался ни одинъ изъ его предшественниковъ. Она же доставила Сембратовичу и кардинальскую шапку, отличіе, которое совершенно не соотвѣтствуетъ духу православной и уніатской церкви. За то возвратившійся изъ Рима кардиналъ Сембратовичъ былъ встрѣченъ своимъ галицкорусскимъ народомъ съ негодованіемъ и презрѣніемъ къ новому его сану.

---

[1]) Одна подобная депутація ѣздила уже въ Римъ въ 1895 г. для представленія своихъ жалобъ папѣ Льву XIII, который оказалъ ей холодный пріемъ. Спб. Вѣдом. 1896 г. № 87.

Повторяемъ: не уніаты жаждутъ, чтобы продлили ихъ жалкое существованіе въ Австро-венгерской монархіи, въ какомъ-то обезображенномъ видѣ, среди духовнаго голода и жажды, среди физическихъ бѣдъ, напастей и угнетенія; а клерикально-польская партія изъ силъ выбивается какимъ бы то ни было образомъ поддержать унію, заставить ее влачить жалкое существованіе, все-таки расчитывая создать для Россіи кой какіе „инциденты."

Существующія и вновь нарождающіяся различныя общества и товарищества въ Привислинскомъ краѣ и въ Галичинѣ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ изъ спеціальной области своего назначенія постоянно переходятъ въ область дѣйствій и гаданій политическаго характера; они силятся поддерживать и разносить всюду политическія *мечтанія* клерикально-революціонной польской партіи.

Извѣстно, какую выдающуюся политическую роль передъ началомъ послѣдняго польскаго мятежа играло знаменитое земледѣльческое общество, основанное въ Варшавѣ съ разрѣшенія правительства, по мысли гр. Андрея Замойскаго, руководителя партіи бѣлыхъ [1]). Другія общества — не чужды того же грѣха; они преслѣдуютъ цѣли, совершенно не входящія въ программу ихъ дѣятельности. Варшавское, напр. гребное общество [2]), не ограничиваясь своимъ уставомъ гласнымъ, самовольно составило уставъ негласный, сдѣлавъ его обязательнымъ для всѣхъ многочисленныхъ членовъ. Русскій элементъ въ этомъ обществѣ совершенно отсутство-

---

[1]) Хотя и было заявлено въ текущей журналистикѣ, что земледѣльческое общество въ Варшавѣ не носило политическаго характера, но именно объ этой его политической окраскѣ свидѣтельствуютъ сами польскіе писатели Козмянъ и другіе. Кромѣ того, самъ гр. Андрей Замойскій, хотя и проповѣдывалъ принципъ *легальности по отношенію къ правительству*, но это значило только, по его же заявленію, чтобы ждать, пока „созрѣвшіе плоды собственною тяжестію оторвутся отъ древа россійскаго". „Границы Польши 1772 года были однимъ изъ членовъ его символа вѣры и Польши въ иномъ видѣ онъ не признавалъ и признать не могъ". Уже при самомъ основаніи общества раздавались голоса, утверждавшіе, что земледѣльческое общество непремѣнно должно преобразиться въ тѣло политическое"... что и случилось. Historya dwuch lat. 1861—1862 г. 139, 140, 150. т. 1.

[2]) Обо всѣхъ подобныхъ обществахъ будемъ говорить на основаніи фактовъ, сообщаемыхъ въ „С.-Петерб. Вѣдом." № 95.

валъ, и оно подчинилось вліянію небольшаго кружка лицъ изъ Галичины. Глава этого кружка, нѣкто М—ій (мѣстный обыватель), отличавшійся краснорѣчіемъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, любилъ произносить рѣчи, съ весьма прозрачными намеками на возможность невозможнаго и произносилъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не попалъ въ цитадель. Обществу предложено руководствоваться только уставомъ, утвержденнымъ правительствомъ и уничтожить всѣ остальныя дополнительныя нелегальныя правила.

Необходимо указать и на вольныя пожарныя общества, существующія во многихъ городахъ и мѣстечкахъ привислинскаго края. Они, безспорно, приносятъ большую пользу, особенно тамъ, гдѣ нѣтъ правильно организованныхъ городскихъ пожарныхъ командъ. Но сколько усилій пришлось употребить мѣстнымъ властямъ, чтобы лишить эти общества ихъ воинственнаго характера, направить на истинный путь и понудить заниматься не маршировкою и военнымъ артикуломъ, а спеціальными упражненіями, нужными при тушеніи пожаровъ.

Въ Варшавѣ изготовляются ходатайства о разрѣшеніи учредить польское гимнастическое общество. Мысль прекрасная, говоритъ „Наблюдатель" надъ общественною жизнію въ привислинскихъ губерніяхъ; въ здоровомъ тѣлѣ и здоровый умъ, и за границею гимнастическія общества въ большомъ ходу. Несомнѣнно, что вслѣдъ за разрѣшеніемъ общества въ Варшавѣ, весь край покроется сѣтью такихъ же обществъ, которыя войдутъ въ самую тѣсную связь съ польскими „Соколиными" обществами въ Галичинѣ (тоже—гимнастическія—по уставу). А эти общества имѣютъ политическое значеніе и на „Соколовъ" возлагаются въ будущемъ большія надежды.

Вотъ данныя для такого утвержденія. „27 Марта 1892 г. во Львовѣ праздновался 25-лѣтній юбилей тамошняго „Сокола"... Празднество происходило въ залѣ Сокола, изукрашенной гербами, флагами, вѣнками и бюстомъ..., но не австрійскаго императора, какъ бы слѣдовало ожидать, а бюстомъ народнаго героя—Костюшки. Послѣ рѣчи, произнесенной при огромномъ стеченіи публики однимъ изъ влія-

тельныхъ членовъ общества, наступилъ патетическій моментъ празднества. Дружина „Соколовъ“ выстроилась на возвышеніи въ своихъ живописныхъ костюмахъ; затѣмъ черезъ боковыя двери въ залу вошла группа молодыхъ дамъ и дѣвицъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья и несшихъ великолѣпный штандартъ, работу прекрасныхъ патріотокъ, подносимую въ даръ „Соколамъ“. Оркестръ общества „Гармонія“ заигралъ польскій гимнъ (Еще Польска не згинела...), при чемъ всѣ присутствующіе встали съ мѣстъ и Соколы забросали патріотокъ цвѣтами. Дѣвица Ядвига Маршалковичъ, выступившая въ настоящемъ случаѣ въ роли „политической женщины Альдоны“, вручая штандартъ представителю Соколовъ, продекламировала стихотвореніе, сочиненное для этого случая Платономъ Костецкимъ. Упоминается въ немъ о соколѣ, который своимъ полетомъ прокладываетъ дорогу орлу (бѣлому, конечно), затѣмъ выражается надежда, что подносимое знамя *будетъ скоро развѣваться въ Варшавѣ и склонится передъ освобожденною матерью.* Наконецъ было прочитано письмо отсутствовавшаго президента общества, который выражалъ желаніе, чтобы новое знамя впервые склонилось передъ изображеніемъ Костюшки въ знакъ того, что „Соколъ преслѣдуетъ ту же цѣль, къ которой стремился и великій гетманъ въ сермягѣ“.

Простому человѣческому смыслу трудно понять общность интересовъ гимнастики съ задачами, которыя преслѣдовалъ Костюшко...

„Политическое значеніе польскихъ соколиныхъ обществъ съ подобною же откровенностію было подчеркнуто и на другомъ празднествѣ. Въ Январѣ 1892 года, въ Черновцѣ, главномъ городѣ Буковины, гдѣ поляки составляютъ не многочисленный пришлый элементъ, праздновалась первая годовщина основанія польскаго Сокола, совпавшая съ тридцатою годовщиною январьскаго возстанія. На вечернемъ собраніи, состоявшемся по этому случаю въ залѣ „польской Читальни“, прибывшій изъ Кракова „другъ“ (такъ именуютъ себя члены соколиныхъ обществъ) Эрнестъ Адамъ, сдѣлалъ сообщеніе о значеніи польскихъ революціонныхъ движеній вообще и о результатахъ послѣдняго польскаго возстанія въ частности. Указавъ на нынѣшнее политическое положеніе польскаго

народа, лекторъ назвалъ общество „Соколовъ" и „Народной Школы" *двумя мощными столбами, въ которыхъ, дастъ Богъ, найдетъ опору свободная и независимая отчизна.* Это выраженіе было встрѣчено горячимъ одобреніемъ многочисленной публики" [1]).

Въ Пруссіи, въ Познани, тоже существуютъ польскія соколиныя общества и въ текущемъ году въ Августѣ мѣсяцѣ предполагается „слетъ" соколовъ въ Познани. Но прусское правительство, убѣдившись въ томъ, что эти общества главнымъ образомъ стремятся играть политическую роль, приняло мѣры къ ограниченію числа гостей, ожидаемыхъ изъ Галичины на предполагаемый „слетъ". Директоръ познанской полиціи разрѣшилъ галицкимъ соколамъ пріѣздъ въ Познань, но въ числѣ *не болѣе пяти человѣкъ, имена которыхъ должны быть сообщены полиціи за двѣ недѣли до начала съѣзда.* При этомъ полиція предупреждаетъ, что тѣ изъ пріѣхавшихъ членовъ галицкаго „Сокола", которые почему либо будутъ признаны неудобными, немедленно вышлются изъ предѣловъ Пруссіи. Кромѣ того, польскимъ соколамъ воспрещено торжественное шествіе по городу на площадь, гдѣ предполагаются упражненія.

Противъ такихъ распоряженій познанской полиціи сейчасъ, конечно, возстали польскія газеты и пустились въ широко-вѣщательныя заявленія съ угрожающимъ тономъ.

„Этимъ вопросомъ немедленно должны заняться наши депутаты, говоритъ „Новая Реформа", и объяснить Европѣ, какъ уважаютъ въ цивилизованной Пруссіи предоставленныя полякамъ права и гражданскую свободу (какъ будто полякамъ предоставилъ кто нибудь право дѣйствовать революціонно!) Министръ долженъ объяснить, на какомъ основаніи въ Пруссіи ограничивается численность иностранныхъ гостей, приглашаемыхъ на съѣзды; на основаніи чего требуются отъ нихъ особыя удостовѣренія и грозятъ этимъ гостямъ высылкою"...

„Игра, которую начинаетъ прусское правительство, можетъ имѣть худшія послѣдствія, чѣмъ оно предполагаетъ. Поляковъ оно не вычеркнетъ изъ ряда живущихъ народовъ;

[1]) С.-Петерб. Вѣдом. 1896 г. № 95.

для этого слаба даже и рука, вооруженная исполнительною властью. Но за то посѣвъ народной вражды, такъ усердно бросаемый на ниву польско-нѣмецкихъ отношеній, принесетъ сторичный плодъ, который своею громадностью можетъ превзойти надежды самихъ сѣятелей и принести пользу подавляемой нынѣ народности. Мы же здѣсь—въ Галиціи—обязаны серьезно подумать о томъ, чтобы ни одинъ нашъ талеръ не попадалъ въ карманы прусскихъ нѣмцевъ. Въ Австро-Венгріи, а также въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ, промышленность находится на такой степени развитія, что мы совершенно безопасно можемъ прервать въ промышленныхъ и торговыхъ дѣлахъ всякія сношенія съ прусскими нѣмцами".

Газета настаиваетъ, чтобы галицкіе делегаты, не смотря на предостереженія, ѣхали въ Познань на „слетъ." „Если полиція принудитъ ихъ выѣхать, то приказъ слѣдуетъ исполнить (еще бы!); но тогда мы будемъ знать, какъ слѣдуетъ оцѣнить этотъ образъ дѣйствій прусскаго правительства. „Соколъ польскій" „долженъ имѣть отвагу посмотрѣть пруссакамъ въ глаза и подать братскую руку своимъ собратьямъ именно въ то время, когда ихъ угнетаетъ врагъ."

„Пустыя фразы, совершенно основательно замѣчаетъ „Варшавскій Дневникъ" по поводу разглагольствованій „Новой Реформы". Всякому понятно, что делегаты галицко-польскихъ соколиныхъ обществъ намѣреваются пріѣхать въ предѣлы Пруссіи не для того, чтобы показать свое гимнастическое искусство. Идея польскихъ соколовъ заключаетъ въ себѣ много общаго съ идеей всепольскою. Пруссія не имѣетъ никакого основанія допустить и никогда не допуститъ свободно пропагандировать эту идею въ предѣлахъ своего государства. Она не постѣснится выслать непрошеныхъ галицкихъ гостей, если бы эти послѣдніе, повинуясь неосновательнымъ совѣтамъ „Новой Реформы," вздумали испробовать стойкость ея власти. Попытки галицкихъ поляковъ подавать руку своимъ познанскимъ собратьямъ, „угнетеннымъ врагомъ" (наивное признаніе! а вѣдь серьезно заявлялось о гимнастическихъ упражненіяхъ!) могутъ потерпѣть полное фіаско. Прусское правительство имѣетъ полную возможность сильно шлепнуть по этой рукѣ и отбить всякую охоту впредь ее про-

тягивать. Кромѣ того, оно можетъ потребовать отъ Австріи укрощенія ея безпокойныхъ подданныхъ, нарушающихъ мирное теченіе жизни въ сопредѣльныхъ государствахъ." [1])

Желая доказать міру, что *весь* польскій народъ заинтересованъ въ возстановленіи Польши, „съ польскою шляхтою — польскій людъ," польско-революціонная партія стремилась всегда къ тому, чтобы къ каждомъ юбилейномъ торжествѣ демонстративнаго характера [2]) какъ бы по наряду принимали участіе и толпы галицкихъ, польскихъ и русскихъ крестьянъ, одѣтыхъ въ свои народные костюмы и игравшихъ, главнымъ образомъ, декоративную роль. „Хлопы мерзли на морозѣ, мокли на дождѣ, носили штандарты съ изображеніемъ бѣлаго одноглаваго орла и революціонными надписями, возлагали, гдѣ слѣдовало по церемоніалу, вѣнки, стояли съ факелами и кричали *виватъ*, по знаку, данному распорядителями торжества, словомъ терпѣливо и довольно усердно исполняли, по приказанію пановъ, свою политическую „панщизну" (барщину). Нѣкоторые изъ такихъ крестьянъ говорили даже въ собраніяхъ рѣчи, составленныя, конечно, другими на тему о единеніи простаго народа со шляхтою „для отбудованія отчизны."

Но между крестьянами-депутатами появились и такіе, которые стали говорить крестьянамъ же болѣе правдивыя и простыя рѣчи о положеніи галицкаго хлопа и о кривдахъ, претерпѣваемыхъ польскими крестьянами въ Галиціи отъ шляхты. „Первое, что каждому бросается въ глаза (въ Галичинѣ), говоритъ „истинный полякъ W. У. X," что можно найти чуть ли не въ каждомъ номерѣ періодическихъ изданій, ежедневныхъ и не ежедневныхъ, столичныхъ, и провинціальныхъ, польскихъ и русскихъ, это жалоба на безгра-

---

[1]) Варш. Днев.—1896 г. № 139.

[2]) Извѣстно, что послѣ мятежа 1863 года польскіе вожаки, послѣдователи программы „непрерывности возстанія", для пробужденія якобы народнаго духа, придумали въ Галичинѣ систему политическихъ манифестацій и демонстрацій, прицѣпляемыхъ къ празднованіямъ годовщинъ и юбилеевъ разныхъ событій и лицъ, имѣвшихъ значеніе въ польской исторіи. Такъ праздновались 200-лѣтній юбилей обороны Вѣны Иваномъ Собѣсскимъ (1683—1883), перенесеніе останковъ Ад. Мицкевича изъ Монморанси въ Краковъ.

ничное, доходящее до тираніи господство одной касты и одной горсточки людей, извѣстныхъ подъ именемъ „станчиковъ."

„Станчики—это возродившаяся и переселившаяся изъ прежней Варшавы въ Львовъ и Краковъ „олигархическая фамилія и республика", которая свое личное, частное благо подводитъ подъ шумную кличку „блага народнаго, народнаго развитія, свободы и независимости."

„Все, что обезпечиваетъ власть этой малой горсточки людей, что приноситъ ей матеріальныя выгоды—все это въ ея органахъ провозглашается благомъ народа, все это одобряется сеймомъ, лелѣется и бережется органами правительственной и автономной власти; все же прочее, что хотя бы въ отдаленной степени могло ослабить вліяніе и выгоды этой партіи,—все это не только устраняется, но и подвергается безпощадному уничтоженію."

„Удерживая за членами своей партіи два важнѣйшихъ поста въ имперіи: намѣстника и краеваго маршала, партія станчиковъ черезъ ихъ посредство можетъ править всѣмъ краемъ и легко достигать извѣстныхъ цѣлей въ свою пользу. За то тяжело, очень тяжело приходится всему, что сколько нибудь противно или не по мысли *правящей фамиліи*. До недавнихъ поръ такая участь постигала преимущественно русскихъ, которые старались освободиться отъ польскаго ига. Но съ того времени, какъ и польскій народъ началъ шевелиться и устраивать народные союзы и товарищества, чтобы свергнуть съ себя шляхетское иго, то же выноситъ и онъ [1])".

Движеніемъ среди крестьянъ, направленнымъ къ тому, чтобы свергнуть шляхетское иго и пріобрѣсти политическія права, и пользуются различные демократы, радикалы и соціалъ-демократы, свившіе себѣ гнѣздо въ Галичинѣ, подъ покровительствомъ австрійской конституціи. Руководимые ими рабочіе устраиваютъ соціалистическія собранія и зачитываются издаваемыми для нихъ соціалистическими газетками. „Крестьяне, въ свою очередь, основываютъ политическія партіи „Звіонзекъ Хлопски" (хлопскій союзъ) и „Строн-

[1]) Варш. Дневн. 1896 г. № 152.

ництво Людовэ“ (народная партія), изъ коихъ каждая имѣетъ свой печатный органъ и вообще правильную партійную организацію. „Хлопскій Союзъ“ отличается болѣе консервативнымъ характеромъ, не отрицаетъ религіи и не прочь войти въ компромиссъ съ панами, чего нельзя сказать о „партіи народной“, чтущей память крестьянина Шеля, извѣстнаго предводителя галицкихъ крестьянъ, во время памятной для шляхты галиційской рѣзни въ 1846 году. При выборахъ въ галицкій сеймъ, эти общества успѣли провести туда и нѣкоторыхъ изъ своихъ сочленовъ, хлоповъ-депутатовъ, чѣмъ испортили не мало крови у властвующей тамъ партіи олигарховъ. Одинъ изъ такихъ избранныхъ обратился къ своимъ избирателямъ съ печатнымъ воззваніемъ, въ которомъ благодарилъ за оказанную ему честь и обѣщалъ не забывать крестьянскихъ интересовъ. Свое воззваніе онъ подписалъ такъ: крестьянинъ „Яковъ Бойко, *Божіею милостію и волею народа депутатъ сейма*“.

Этотъ же Бойко появляется теперь въ различныхъ собраніяхъ, „обходахъ“, торжествахъ и демонстраціяхъ, которымъ революціонно-польская партія старается будить польскій народный духъ. Эти празднества обыкновенно оканчиваются пиромъ, представляющимъ широкое поле для застольныхъ ораторовъ, щеголяющихъ обыкновенно цвѣтами своего польско-патріотическаго краснорѣчія. Въ текущемъ году 33-я годовщина январьскаго возстанія 1863 года во многихъ мѣстностяхъ Галиціи праздновалась съ особою торжественностію, а во Львовѣ, въ программѣ празднованія, заранѣе объявленной, главный интересъ представляла рѣчь крестьянина Бойко.

Выйдя на эстраду, въ бѣлой полотняной чамаркѣ, опоясанной, по обычаю галицкихъ крестьянъ, простымъ ремнёмъ, Бойко произнесъ длинную рѣчь, прерываемую громомъ рукоплесканій польской интеллигенціи, наполнявшей огромную залу „Сокола“.

„Граждане, сказалъ онъ между прочимъ, съ тѣхъ поръ, какъ Львовъ устраиваетъ подобныя собранія въ память январьскаго возстанія, не было еще случая, чтобы деревенскій холопъ открывалъ ихъ рѣчью. Если на мою долю

сегодня выпала эта честь, то это доказываетъ, что львовскіе граждане уважаютъ и любятъ деревенскій людъ, не стыдятся сермяги".

Указавъ, что всѣ попытки шляхты и магнатовъ передать отечественное знамя изъ своихъ рукъ въ руки люда имѣли благодѣтельные результаты, ораторъ обратился къ виновникамъ торжества, участникамъ возстанія 1863 года съ вопросомъ: не забыли-ли они идеи, за которую сражались.

„Думаю, братья, что каждый изъ васъ смѣло можетъ положить руку на свое польское сердце и сказать съ чистою совѣстью: будь спокоенъ, дорогой товарищъ! польскій людъ, благодаря нашему труду, думаетъ и дѣйствуетъ такъ, какъ требуетъ пользо отчизны, и пока живы, не измѣнимъ своему знамени 1863 года... Невѣжество люда погубило Польшу; его просвѣщеніе воздвигнетъ Польшу. Несите народу это просвѣщеніе, будьте сердечно преданы этому люду и тогда спокойно умрете въ томъ убѣжденіи, что народъ, принявъ отъ васъ незапятнанное знамя, водрузитъ его тамъ, гдѣ вамъ не удалось его водрузить вслѣдствіе превосходства непріятельскихъ силъ. Но это возможно только при помощи просвѣщенія, а потому, оканчивая рѣчь, говорю вамъ словами поэта: „но заклинаю, пусть живые не теряютъ надежды и несутъ предъ народомъ факелъ просвѣщенія".

Въ музыкальную часть программы входили между прочимъ пѣсни: „Слава польской земли", „Пѣснь свободы", „Послѣднее прощаніе повстанцевъ" и т. под... На пиршествѣ въ заключеніе торжества первый тостъ былъ провозглашенъ въ честь „независимой Польши"; за нимъ слѣдовали и другіе въ такомъ же духѣ, и, особенно, за будущность простаго люда: „при помощи люда - къ свободѣ".

Но героемъ вечера опять таки оказался хлопъ-депутатъ Бойко, который, между прочимъ, сказалъ: „Мы находимся среди людей, которыхъ мужики называли повстанцами, предъ которыми трусили, которыхъ боялись. Мы, однако же, не боимся васъ, мы также повстанцы, но такіе, которые хотятъ возстать противъ невѣжества, противъ нужды и противъ того, что насъ угнетаетъ. Прежде, чѣмъ настанетъ повстаніе, нужно быть во всеоружіи разума и просвѣщенія, дабы мы могли подготовиться къ борьбѣ".

Рѣчь вызвала такой энтузіазмъ, что слушатели интеллигенты подхватили хлопа-оратора на руки и долго носили съ кликами: виватъ! [1])

На одномъ народномъ собраніи въ Галичинѣ, въ половинѣ Апрѣля текущаго года, крестьянинъ Вацыра открылъ собраніе такою „патріотическою рѣчью":

„Народъ движется въ цѣломъ краѣ, просвѣщеніе разогрѣваетъ истрадавшіяся въ неволѣ сердца. Мы же здѣсь у пограничныхъ столбовъ (на границѣ съ Россіею) обязаны еще настойчивѣе трудиться, имѣя постоянно предъ глазами несчастливый раздѣлъ нашей отчизны. Какъ пѣтухъ на костелѣ чутко призываетъ насъ трудиться для спасенія души, такъ московскій солдатъ, ходящій вдали за Вислой, пусть напоминаетъ намъ объ обязанностяхъ по отношенію къ отечеству. Просвѣщеніе возвратитъ намъ отчизну, и потому будемъ собираться и просвѣщаться, не обращая вниманія на непріятности, получаемыя отъ тѣхъ людей, которые уже со всѣмъ примирились".

Старикъ—крестьянинъ Бенцъ съ видимымъ волненіемъ благодарилъ въ собраніи крестьянскую молодежь за ея усиленные труды для блага простаго народа. „Когда посмотрю, сказалъ онъ, что дѣлается теперь, то сердце мое радуется, и я начинаю вѣрить, что когда нибудь настанетъ минута освобожденія польскаго люда отъ всякой недоли, что дѣти мои увидятъ свободную Польшу и безъ пановъ". Другой крестьянинъ, убѣждая своихъ собратій читать народныя газеты, не обращая вниманія на то, запрещены онѣ съ амвоновъ или нѣтъ, разсказалъ случай встрѣчи его съ однимъ ксендзомъ въ русскихъ владѣніяхъ, который не только не укорялъ его за распространеніе газеты, („Другъ Народа"— соціалистическое изданіе), но обнялъ его и сердечно благодарилъ [2])".

Въ такомъ настроеніи пограничнаго съ нами сосѣдства польско-революціонная печать видитъ опасныя для насъ у границы надъ Вислою передовые посты народной партіи и своего рода зарождающіяся крѣпости польской народности.

---

[1]) С.-Петерб. Вѣд. 1896 г. № 78.

[2]) С.-Петерб. Вѣд. 1896 г. № 134.

Тутъ же на самой границѣ образуются тайные и явные комитеты, производятся усиленные сборы на покупку оружія и боевыхъ припасовъ, составляются кадры будущихъ легіоновъ, покупаются даже лошади для сформированія конныхъ полковъ. Молодежь въ Галиціи привлекается къ военнымъ упражненіямъ, образуетъ стрѣлковыя общества, главамъ бывшихъ мятежническихъ шаекъ поручается инструкторская часть, [1]) а главное руководство ввѣряется извѣстнымъ генераламъ отъ революціи—Боссакъ-Гауке и Мѣрославскому [2]).

Въ то же время галицко-польская печать, съ своимъ сатирическимъ „Дьябль" свободно-открыто помѣщаетъ столь безобразныя каррикатуры на Россію и ея представителей, что онѣ мыслимы развѣ въ подпольныхъ листкахъ. Въ послѣднее же время на Краковской сценѣ поставлена чрезвычайно зажигательная пьеса „Край" (ея авторомъ признается редакторъ одной изъ варшавскихъ газетъ). По своему цинически-враждебному характеру пьеса эта до такой степени превзошла всѣ ей подобныя, что намѣстникъ Галиціи первоначально даже запретилъ ея постановку во Львовѣ, сказавъ, будто бы, что разрѣшитъ ее лишь въ день объявленія войны Россіи. Галицйскіе вожаки вынудили у него однако согласіе ранѣе назначеннаго срока [3]).

Польско-революціонная партія, создавая въ Галичинѣ различныя соціалистическія и демократическія общества, разсчитываетъ воспользоваться ими въ будущемъ въ дѣйствіяхъ противъ Россіи для усиленнаго народнаго движенія: она видитъ предохранительный клапанъ въ направленіи его противъ русскаго государства. Но болѣе дальновидные и теперь

---

[1]) Невольно вѣрится, говорится въ „Очеркахъ Привислинья", въ справедливость слуховъ, утверждающихъ, что въ 1887 г. австрійское правительство вызвало изъ Турціи проживавшаго тамъ Лангевича, извѣстнаго диктатора возстанія 1863 г. и предложило ему, вслѣдствіе его бывшей популярности въ Привислиньи, главное начальство надъ польскими легіонами въ случаѣ войны съ Россіей. Еще болѣе правдоподобны увѣренія, что Австріей уже нынѣ заготовлены печатныя прокламаціи съ польскими орлами, а равно польскія знамена, вокругъ которыхъ она соединитъ безпокойные элементы Привислинья. „Русское Обозрѣніе" 1896 г. Іюль. 249.

[2]) Русское Обозрѣніе. 1896 г. Іюль. 237,

[3]) Р. Обозрѣніе. 1896 г. Іюль. 249.

замѣчаютъ, что усиленное народное движеніе можетъ направить свою дѣятельность и противъ польской же шляхты. Въ Вѣнскомъ рейхстагѣ было уже заявлено, что „когда свободно разовьется политика радикальныхъ партій, для васъ, гг. шляхтичи, настанутъ тяжелыя времена, а если будете и дальше такъ хозяйничать, придетъ страшная минута, когда пожары и убійства охватятъ весь край. Дрожите, гг. шляхтичи, бойтесь, ибо пробуждается польскій народъ, не представителями, а угнетателями котораго вы состоите“ [1]).

Встрѣчаемъ уже и такія явленія, когда польскія партіи взаимно готовы напасть одна на другую. Очень недавно случилось подобное обстоятельство, когда „патріоты“ устроили въ Краковѣ вечеръ въ годовщину возстанія Костюшки. Согласно съ заранѣе составленною программою, ораторы говорили рѣчи „патріотическаго“ содержанія, оркестръ исполнялъ пьесы польскихъ композиторовъ, подходящія къ данному случаю, декламировались стихи и т. п... Но въ самый патетическій моментъ, когда поставленный на эстрадѣ крестьянскій оркестръ заигралъ пѣсню: „Еще Польска не згинела“ (считающуюся польскимъ народнымъ гимномъ), нѣсколько сотъ рабочихъ, крестьянъ и учащейся молодежи затянули пѣснь польскихъ соціалистовъ „Червоный штандартъ“, совершенно заглушивъ звуки гимна. Раздались свистки, поднялся шумъ, распорядители поторопились потушить газъ, и толпа разбрелась. „Патріотическая“ демонстрація была разбита демонстраціею космополитическаго характера, примѣръ небывалый даже въ Галиціи. Печать умѣренныхъ оттѣнковъ вооружилась противъ соціалистовъ, „нанесшихъ оскорбленіе народному гимну“. При обсужденіи общественнаго положенія въ Галиціи, въ общемъ тонѣ статей слышится нескрываемая тревога [2]).

Во всякомъ случаѣ, польско-революціонная партія слишкомъ наэлектризована разнаго рода „патріотическими“ демонстраціями, празднествами; въ нихъ она почерпаетъ свою мощь и силу, и каждый разъ, когда только къ тому представится возможность, спѣшитъ повѣдать міру, что она не

---

[1]) С.-Петерб. Вѣд. 1896 г. № 134.

[2]) С.-Петерб. Вѣдом. 1896 г. № 95.

забыла своего долга, не хочетъ какъ бы допустить давности. Съ 1894 года, со времени знаменитой Костюшковской выставки во Львовѣ, эта партія дѣйствуетъ особенно открыто, вызывающимъ образомъ. Тогда выставку посѣтилъ самъ маститый глава дома Габсбурговъ, при чемъ любовался и пресловутою панорамой Рацлавицкой битвы. Этого было достаточно для поляковъ, чтобы считать свое дѣло выиграннымъ и торжествовать начало возстановленія Польши. На это указываютъ бывшіе дебаты въ прусскомъ рейхстагѣ, относящіеся къ польскому вопросу въ Пруссіи, или къ вопросу объ учебномъ языкѣ и преподаваніи р.-католической религіи въ провинціяхъ съ польскимъ населеніемъ. Подобные дебаты никогда еще не имѣли никакихъ практическихъ результатовъ и весь интересъ ихъ—въ личности оратора.

„Депутатъ, возбуждающій вопросъ на трибунѣ, ничего новаго сказать не можетъ; въ его власти только раскрашивать стереотипное клише. Такъ и поступилъ депутатъ Мотти въ засѣданіи, о которомъ идетъ рѣчь".

„Возбуждать жалобы, сказалъ онъ, на недопущенія преподаванія наукъ на нашемъ родномъ польскомъ языкѣ, значитъ толочь воду въ ступѣ; но мы это будемъ дѣлать до тѣхъ поръ, пока не добьемся нашего права. Цѣль, съ которой стремятся сдѣлать изъ польскихъ дѣтей нѣмцевъ, достигнута не будетъ. Настоящая школа создаетъ только безсмысленныхъ куколъ съ нѣмецкимъ акцентомъ". Ораторъ приводитъ даже мнѣніе Песталоцци въ подтвержденіе истины, что въ народной школѣ ученіе можетъ идти успѣшно только на отечественномъ языкѣ. „Даже преподаваніемъ религіи злоупотребляютъ для цѣлей организаціи, къ великому злу для религіознаго образованія молодаго поколѣнія, такъ какъ оно должно не только слышать, но и сознавать истины вѣры".

„Для отвѣта поднялся прусскій министръ народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій—Боссе. Министръ согласенъ, что опровергать доводами жалобы, безпрестанно заявляемыя польскими депутатами на мнимыя притѣсненія, претерпѣваемыя польскимъ населеніемъ отъ прусскаго правительства, значило бы толочь воду въ ступѣ. Многократно было дока-

зано въ этой палатѣ, что польскія жалобы неосновательны; остается только повторить сегодня то же самое. Отвѣтивъ мимоходомъ на четыре конкретныя причины неудовольствія, упомянутыя предшествующимъ ораторомъ, министръ слѣдующимъ образомъ охарактеризовалъ задачи правительства."

„Защита германизма составляетъ нашу обязанность; мы должны выступить противъ всѣхъ агитацій и стремленій, преслѣдующихъ національно-польскія тенденціи, потому что эти агитаціи и стремленія, принявшія въ послѣдніе два года огромные размѣры и большею частію порождаемыя заграничнымъ вліяніемъ, въ сущности обращены противъ интересовъ нашего отечества. Мы—государство національное; Пруссія ни по основѣ, ни по развитію не есть федеративное государство, состоящее изъ германскихъ, датскихъ и другихъ элементовъ. Она только нѣмецкое государство. Духъ, создавшій всю нашу государственную жизнь, есть нѣмецкій духъ; этотъ духъ находитъ себѣ выраженіе въ нѣмецкомъ языкѣ, въ арміи, въ нѣмецкихъ властяхъ и нѣмецкомъ правительствѣ. Ни одно національное государство не можетъ само воспитывать антинаціональнаго населенія; враждебнымъ элементамъ оно само давало бы оружіе въ руки. Полезно и даже небходимо, чтобы поляки и нѣмцы въ Пруссіи знали, чего имъ въ этомъ отношеніи ожидать отъ правительства. Мы обязаны держать поляковъ въ рукахъ, чтобы не они насъ держали. Мы не имѣемъ возможности дѣлать полонизму какія бы то ни было уступки. Такова наша справедливая, открытая политика. Она вполнѣ ясна, и поляки должны съ нею помириться, хотятъ ли они или нѣтъ. Пусть же они прекратятъ національно-польскую агитацію; только на этомъ пути имъ можно помочь". [1])

Въ другой рѣчи отвѣчая на нападки польскаго депутата кс. Яджевскаго, министръ еще болѣе рѣшительно и опредѣленно осуждалъ польскую „дикую" агитацію, замѣченную въ Верхней Силезіи, идущую извнѣ и вносящую въ среду силезскаго люда „чуждыя ему идеи принадлежности къ будущему великому польскому государству, которое вернетъ золотыя времена".

---

[1]) С.-Петерб. Вѣд. 1896 г. № 52.

Слова г. Боссе задѣли польскихъ политиковъ за самое больное мѣсто. Галицко-польская и познанская печать обозвали его фанатикомъ, стремящимся поглотить поляковъ, передѣлать ихъ въ нѣмцевъ.

„Новая Реформа" съ пафосомъ восклицаетъ: „что сдѣлалъ г. Боссе изъ своей цивилизаторской миссіи, которая ввѣрена ему, какъ министру народнаго просвѣщенія! Онъ затаскалъ ее въ политической грязи и этими лохмотьями махалъ по направленію къ польскимъ скамьямъ". „Польское населеніе должно сосредоточить всѣ свои народныя силы въ семейныхъ кружкахъ и обществахъ; это необходимо сдѣлать, имѣя такое правительство. Семья должна замѣнить дѣтямъ школу, а общество—соединить то, что воспитано польскою семьею". Газета затѣмъ призываетъ къ борьбѣ все польское общество, живущее въ прусскомъ „заборѣ", обѣщая притти къ нему на помощь по первому же зову. (Какова эта помощь, вопросъ остается открытымъ; или слѣпой слѣпаго поведетъ...).

„Польскій Дневникъ" выразилъ пожеланіе, чтобы познанскіе поляки, „поднявъ перчатку, брошенную имъ надменнымъ тевтономъ, не прекращали неравной, правда, но почетной для поляковъ борьбы".

„Новая Реформа" въ новомъ номерѣ выражаетъ удивленіе, какъ могъ прусскій министръ такъ грубо отозваться о полякахъ въ то именно время, когда австро-венгерскій министръ польской національности пріѣзжалъ въ Берлинъ, въ качествѣ посредника между Австро-Венгріей и Германіей, чтобы скрѣпить узы, связывающія эти державы, въ виду усиленія русской гегемоніи въ Европѣ. Газетѣ кажется страннымъ, что въ то время, какъ Австрія ищетъ помощи и совѣтовъ въ польской средѣ, въ сосѣдней и даже союзной державѣ воздвигаютъ гоненіе на поляковъ, въ которыхъ Австрія ищетъ точки опоры. Значитъ—какое нибудь изъ этихъ двухъ государствъ ошибается во взглядѣ на основы польскаго вопроса. Въ общемъ тонѣ статьи слышится угроза по адресу Германіи: ты дорожишь де австрійской дружбой; но знай, что въ Австріи правятъ поляки, которыхъ ты такъ угнетаешь у себя и что отъ нихъ зависитъ судьба этой дружбы.

Ближайшимъ результатомъ этой перепалки межау г. Боссе и польскимъ клубомъ сейма былъ многочисленный польскій митингъ въ Берлинѣ. Политическія рѣчи на этомъ митингѣ доказали безошибочность обвиненій, высказанныхъ г. Боссе.

„Предсѣдавшій въ собраніи, депутатъ прусскаго сейма, Вавржинякъ, между прочимъ, сказалъ: „Мы должны сознаться, что мѣсто наше не здѣсь, въ чуждой странѣ; мы жаждемъ польской отчизны". Другой ораторъ настаивалъ на необходимости охранять дѣтей отъ онѣмеченія. „Польское дитя, говорилъ онъ, не должно никогда слышать ни одного слова нѣмецкаго изъ устъ своихъ родителей. Оно не должно даже знать, что его родители владѣютъ нѣмецкимъ языкомъ. Въ нашихъ домахъ не должно быть ни одной нѣмецкой книги, ни одной нѣмецкой газеты. Ничто не должно напоминать намъ, что живемъ въ Берлинѣ (какая болтовня! придется ходить съ закрытыми глазами и ушами!) Слѣдуетъ охранять нашихъ дѣтей не только отъ нѣмецкаго языка, но и отъ нѣмецкихъ привычекъ. Они всегда должны помнить, что отчизна ихъ—Польша".

Ораторъ Янишевскій говорилъ, что будетъ еще время, когда Польша сдѣлается для своихъ сыновъ „настоящею матерью", и потому убѣждалъ слушателей заботиться, чтобы польскія дѣти не пропали „для будущей единой отчизны, въ воскресеніе которой долженъ вѣрить и вѣритъ каждый истинный полякъ".

Въ подобномъ же возбудительномъ духѣ ораторствовали и ксендзы, бывшіе въ собраніи. Когда Вавржинякъ объявилъ собравшимся, что въ будущемъ году въ Берлинѣ состоится большое польско-католическое вѣче, то одинъ изъ присутствовавшихъ ксендзовъ добавилъ: „пока въ средѣ сыновъ Польши господствуетъ такой хорошій духъ (революціонный!..), до тѣхъ поръ не пропадетъ польскій народъ, не смотря ни на какія махинаціи!" [1]).

Такъ воинствуютъ „бѣдные", „загнанные", „угнетаемые", „притѣсняемые" поляки. Въ дѣйствительности, по ихъ суетному признанію, они оказались даже очень сильными: многимъ обѣщаютъ какую-то помощь, служатъ опорою и совѣт-

[1]) С.-Петерб. Вѣд. 1896 г. № 67.

никомъ Австріи, угрожаютъ Пруссіи лишеніемъ своей дружбы, а относительно Россіи давно уже порѣшили перебросить ее... ну хотя бы за Волгу и освободившееся пространство занять для будущаго польскаго королевства. Польско-революціонная партія, какъ мы видѣли, дерзко продолжаетъ предъявлять требованія независимой Польши, и при томъ не иначе, какъ въ границахъ 1772 года. Литва и Русь, т. е. Сѣверо-западный и Юго-западный наши края должны составлять, по ея мнѣнію, неотъемлемую собственность Польши и стремиться къ возсоединенію съ своею прежнею матерью. Православное русское населеніе Забужья—это молъ р.-католики, въ средѣ которыхъ необходимо вести дѣятельную тайную религіозную и политическую пропаганду для поддержанія ревности къ р.-католицизму и преданности польскому владычеству, которое снова тамъ распространится. Польскіе крестьяне въ глазахъ этой партіи ни болѣе, ни менѣе какъ будущіе возстановители Польши; они живо возмутся за оружіе, какъ только народное самосознаніе проникнетъ въ ихъ среду.

Эта партія, въ свою очередь, при посредствѣ правительства и ксендзовъ, вездѣ въ Австро-Венгріи стѣсняетъ русскій элементъ, обращаетъ православныхъ въ уніатовъ, а этихъ послѣднихъ—въ р.-католиковъ, налагаетъ на православныхъ особые налоги (извѣстное дѣло о процессіи изъ села Кутъ въ Галиціи въ день св. Ап. Петра и Павла), рѣшительно противодѣйствуетъ выбору православныхъ депутатовъ въ вѣнскую палату и отдѣльные ландтаги, содѣйствуетъ изъятію изъ православнаго богослуженія славянскаго языка и замѣнѣ его другимъ, хотя бы мадьярскимъ, затрудняетъ, запрещаетъ и конфискуетъ изданія на русскомъ языкѣ и многое другое [1]). При достиженіи своихъ цѣлей она не стѣсняется никакими средствами. Терроръ—вотъ на чемъ до сихъ поръ зиждется вся сила польскихъ революціонеровъ.

„Требуемъ отъ всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности: дѣятельнаго патріотизма, безпредѣльнаго послушанія и непоколебимой вѣрности. Хорошіе люди будутъ выполнять эти

---

[1]) См. статьи: профессора Филевича „У свѣжей русской могилы“—„Новое Время“ 1896 г., № 7313; доктора Живнаго: „Р.-католическая пропаганда у Словаковъ, Хорватовъ“... „С.-Петерб. Вѣдом.“ и др.

добродѣтели, дурные—должны будутъ исправиться или понести надлежащее наказаніе. Начальники округовъ будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи жандармовъ, при помощи которыхъ будутъ чинить расправу надъ отступниками и измѣнниками народному дѣлу“ [1]).

Такъ оканчивается одно изъ многихъ польско-революціонныхъ воззваній, которыя изъ за границы черезъ Привислинье контрабанднымъ путемъ проникаютъ въ западно-русскія окраины.

Таковы отношенія къ Россіи польско-революціонной партіи [2]). Гдѣ только можно, она старается создать для Россіи затрудненія, очернить ея лучшія намѣренія, истолковать въ ложномъ свѣтѣ ея распоряженія, приписать ей невозможныя затѣи; въ то же время для прикрытія своихъ тайныхъ замысловъ она клевещетъ на русское правительство, будто

[1]) Русск. Обозрѣніе 1896 г. Іюль, 251.

[2]) Въ видимой многолюдности революціонныхъ митинговъ, собраній не слѣдуетъ видѣть сочувствіе всего польскаго народа революціонерамъ. Эти собранія устрояются искусственно и большинство присутствующихъ на нихъ или просто любопытные зрители, или даже не знаютъ, что творятъ, и зачѣмъ сюда попали. Вѣдь были же цѣлыя депутаціи къ папѣ крестьянъ изъ русскихъ якобы уніатовъ, между которыми въ дѣйствительности добрую половину составляла переодѣтая польская шляхта и паны. Не удивительно, если подобная депутація могла просить замѣны славянскаго языка въ богослуженіи другимъ какимъ-нибудь на томъ основаніи, что славянскій де языкъ имъ непонятенъ. А вотъ какъ описываетъ Юрій Мошинскій устройство подобныхъ собраній и вербовку на нихъ *дѣятелей*. Самъ авторъ былъ всего въ 3 классѣ гимназіи въ Краковѣ одиннадцати-лѣтнимъ мальчикомъ. Дѣло шло о выборѣ депутата къ Австрійскому Императору въ 1860 году для представленія адреса отъ имени Галиціи и Кракова о содѣйствіи полякамъ въ отбудованіи отчизны. „Поляки, говорилось въ адресѣ между прочимъ, никогда не откажутся отъ своихъ вѣчныхъ, неподлежащихъ давности историческихъ народныхъ правъ; для насъ эта на трое раздѣленная Польша всегда остается одною и тою самою особой давней нашей матери; а съ братьями при рр. Вартѣ и Вислѣ у насъ бьется одно и тоже сердце и въ общихъ жилахъ течетъ одна и таже кровь“. Когда гимназисты около 11 ч. утра во время перемѣны массами толпились во дворѣ гимназіи, вдругъ появился между ними нѣкій панъ Станиславъ Бѣсядецкій, въ чемаркѣ, кон-

оно силится уничтожить польскую національность, будто оно гнететъ р.-католическую вѣру, при чемъ пускаетъ въ ходъ разсужденія „объ уваженіи совѣсти", „о свободѣ убѣжденій", „о разумномъ отношеніи къ окраинамъ", „о вѣротерпимости" и т. под. Мы видѣли уже всю неправду этихъ навѣтовъ на Россію, которые рѣшительно противорѣчатъ духу и складу россійскаго государства, его историческому прошлому и его законодательству. Опровергать эти навѣты— это, по справедливому замѣчанію министра Боссе, „толочь воду въ ступѣ". Самимъ революціонерамъ дѣло не въ той или другой мѣрѣ относительно обученія польскому языку или р.-католической религіи; это только пути (по ихъ признанію), которыми они хотятъ идти къ созданію будущей отчизны и, владѣя которыми, они надѣются подготовить для нея согражданъ (рѣчи на митингѣ въ Берлинѣ). Эту закулисную сторону всегда нужно имѣть въ виду, при обсужденіи заявленій со стороны поляковъ.

Правы, потому, были „Московскія Вѣдомости", когда по вопросу о „Русско-польскихъ отношеніяхъ" приглашали [1])

федераткѣ и непремѣнно съ польскимъ орломъ на брюхѣ и по командѣ, „господа! всѣ за мною въ залъ засѣданій", повелъ съ собою этихъ 11 и 12-тилѣтнихъ господъ. Они, конечно, не понимали, въ чемъ дѣло, говоритъ авторъ, но подозрѣвали, что имъ предстоитъ сдѣлать что то важное для отчизны и толпою двинулись за своимъ предводителемъ, котораго видѣли впервые въ жизни". Въ залѣ Бѣсядецкій уставилъ ребятъ возлѣ печи и приказалъ имъ, чтобы они, по данному знаку, такъ долго и такъ громко выкрикивали имя „Смолки", какъ единственнаго депутата для отправленія въ Вѣну съ адресомъ, пока не перекричатъ сторонниковъ другой партіи, желавшей отправить депутацію изъ трехъ лицъ: князя Адама Сапѣги, Александра Дзедушицкаго и Францишка Смолки. „Приказаніе, говоритъ Мошинскій, мы исполнили вполнѣ добросовѣстно: такъ громко кричали: Смолка, Смолка! что заглушили звонокъ предсѣдателя и неистовствовали (wrzeszczeliśmy) до той поры, пока наконецъ не охрипли, такъ что отецъ мой (былъ предсѣдателемъ) въ высшей степени возмущенный этимъ, приказалъ вытолкать насъ за дверь". (Myśl polityczna—Jerzy Moszynski—Krakow. 1895 г. t. II 168—169). Съ такими же цѣлями эту молодежь водили въ костелы, на военныя прогулки за городъ, гдѣ давались примѣрныя сраженія и т. под. И каждый разъ между дѣтьми появлялись какіе-то. неизвѣстные господа, при чемъ постоянно напоминали, что не задолго поведутъ ихъ въ бой за независимость отчизны (Ibid. 131—132).

[1]) 1896 г. № 150.

русскую печать стоять на высотѣ своего призванія, быть осторожною какъ въ печатаніи извѣстныхъ фактовъ, такъ и въ ихъ освѣщеніи, а, главное, стараться „знать все, что происходитъ въ краѣ. Надо имѣть на мѣстѣ людей надежныхъ, чисто русскихъ и вполнѣ безпристрастныхъ. Тогда обсуждая мѣропріятія, указывая даже на промахи (кто застрахованъ отъ нихъ), но сопоставляя все предшествовавшее, все вызвавшее эти мѣры, а также положеніе разныхъ вѣроисповѣданій, разныхъ общественныхъ группъ, и всѣ улучшенія, сдѣланныя въ краѣ, всѣ жертвы, принесенныя для этой окраины какъ правительствомъ, такъ и вообще русскими людьми, — печать будетъ въ состояніи высказать сужденіе безпристрастное, съ полнымъ сознаніемъ той серіозной отвѣтственности, какая лежитъ на ней передъ Богомъ и людьми".

Польскаго вопроса для Россіи нѣтъ: онъ рѣшенъ въ ней безповоротно. Но до тѣхъ поръ, пока польскіе патріоты будутъ мечтать о возстановленіи свободной отчизны отъ моря до моря, о воплощеніи идеи „представительнаго шляхетско-республиканскаго государства" (по гр. Леливѣ), пока школу, религію и племенныя различія будутъ превращать въ орудіе для достиженія этой фантастической цѣли, до тѣхъ поръ невозможно прочное сближеніе русской и польской національностей".

„Но стоитъ только полякамъ отказаться не на словахъ, а на дѣлѣ отъ подобныхъ стремленій и они могутъ сдѣлаться полезнымъ и дѣятельнымъ элементомъ въ государственной жизни... Никакой вражды и никакого предубѣжденія противъ поляковъ въ Россіи не существуетъ; но было бы странно предполагать, что русское правительство и русское общество могутъ сочувствовать полонизму и поддерживать его (какъ элементъ антиправительственный, революціонный" [1]).

Никто не проповѣдуетъ въ Россіи насильственнаго обрусенія и оправославленія нѣмцевъ, поляковъ, армянъ, евреевъ. „И нѣмцы, и евреи, и поляки, и армяне могутъ оставаться

[1]) Моск. Вѣдом. 1896 г. № 100.

при своей религіи и при своемъ языкѣ, но подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ,—условіемъ полнаго усвоенія русской государственной идеи, подъ условіемъ полнаго политическаго сліянія съ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Иными словами это выражается такъ: въ интимной жизни оставайся иновѣрцемъ и инородцемъ, но будь всегда, вездѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ русскимъ гражданиномъ".

„Мы требуемъ отъ инородцевъ одного, чтобы они были истыми, вѣрными, преданными русскими гражданами. Если религія и племенныя особенности мѣшаютъ осуществленію этого идеала, мы поднимаемъ противъ нихъ голосъ, но не во имя религіозной или племенной нетерпимости, а въ защиту единства и цѣлости государства. (Это наша прямая обязанность, священный долгъ). Не очевидно-ли, что тутъ начинается борьба не противъ инородца или иновѣрца, но противъ измѣнника-гражданина".

„Глубоко вѣримъ, заключаетъ „Свѣтъ", что новая антирусская и антигосударственная интрига (Писанія гр. Леливы съ комп.), затѣянная, повидимому, не слишкомъ мудрыми людьми, не будетъ имѣть ни малѣйшаго успѣха въ обществѣ. Что касается правительства, то ему хорошо должны быть памятны подобныя же примирительныя рѣчи (и дѣйствія) за которыми вспыхивали смуты и возстанія" [1]).

И какою горькою, обидною для насъ ироніею звучатъ отзывы самихъ поляковъ объ этой политикѣ примиренія!

Извѣстно, что въ 1855 году Литовскій митрополитъ Іосифъ представилъ Оберъ - Прокурору Святѣйшаго Синода обширную записку, въ которой, на основаніи статистическихъ данныхъ, доказывалъ грозящую краю опасность отъ занятія въ немъ поляками почти всѣхъ служебныхъ чиновничьихъ мѣстъ. Благодаря главнымъ образомъ содѣйствію митрополита Московскаго Филарета, которому тоже была сообщена записка, въ томъ же году послѣдовало правительственное распоряженіе, чтобы на чиновничьи мѣста въ Сѣверо-западномъ краѣ назначались лица исключительно русскаго происхожденія.

---

[1]) Свѣтъ, 1896 г. № 180.

Къ счастію, по заявленію поляковъ, взгляды митрополита Іосифа далеко не находили себѣ сочувствія въ генералъ-губернаторѣ Назимовѣ, котораго поддерживали какъ Кіевскій генералъ-губернаторъ, такъ и общественное мнѣніе въ Россіи. „Всѣ громко стали заявлять, что пора наконецъ покончить съ политикою ненависти относительно поляковъ, что такая политика производитъ горькіе и ядовитые плоды, что было бы гораздо лучше обратиться къ другимъ средствамъ, средствамъ ласкъ, милостей, уступокъ, заживленія ранъ, стать на либеральный путь одинаковыхъ для всѣхъ правъ и установленій. Изъ Кіева сдѣлано было даже представленіе, что переводъ должностныхъ лицъ (поляковъ) съ одного мѣста на другое очень затруднителенъ, что, при назначеніи на мѣста, русскимъ людямъ можно предоставить преимущественное, но не исключительное право, что поляковъ-чиновниковъ слѣдуетъ удалять съ мѣстъ въ случаѣ ихъ нелойальности или нерадѣнія. Генералъ-губернаторъ Назимовъ твердилъ всѣмъ, что удаленіе поляковъ съ занимаемыхъ ими мѣстъ „можетъ быть очень вреднымъ.“

Въ силу этого правительственное распоряженіе 1855 года было отмѣнено Высочайшимъ указомъ 1856 года, которымъ полякамъ наравнѣ съ русскими людьми предоставлялись служебныя права въ западной Россіи, за исключеніемъ должности учителя исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ, каковая должность предоставлялась исключительно лицамъ русскаго происхожденія. Но и это ограниченіе было уничтожено распоряженіемъ отъ 2-го Марта 1857 года, при чемъ, по заявленію автора „Исторіи двухъ лѣтъ 1861—1862 гг.,“ правительство наивно-откровенно признавалось, что дѣлаетъ это потому, что между русскими не можетъ найти способныхъ кандидатовъ для занятія этихъ мѣстъ, почему эти должности можно поручить и живущимъ въ западныхъ губерніяхъ.“

Не удовольствовались поляки этою уступкою и отъ новаго молодаго Государя (въ 1856 году Александра II) ежеминутно стали ожидать цѣлаго потока ласкъ, милостей, новыхъ уступокъ, а главное—признанія польскою землею Литвы и Бѣлоруссіи. Въ такихъ видахъ гр. Евстафій Тышкевичъ пожертвовалъ 25,000 руб. на раненыхъ въ Крымскую кампанію. Государь приказалъ его благодарить. Пользуясь этимъ, Тыш-

кевичъ выхлопоталъ разрѣшеніе на устройство въ Вильнѣ археологическаго Музея и для его основанія пожертвовалъ собственныя значительныя собранія и пригласилъ къ пожертвованіямъ другихъ. Государь съ своей стороны приказалъ давать 1000 руб. на содержаніе администраціи. „Между тѣмъ, говоритъ авторъ „Исторіи двухъ лѣтъ“, этотъ музей имѣлъ исключительно польскій характеръ, чтобы ясно и очевидно доказать (всѣмъ), что Литва и Бѣлоруссія—это Польша“. Такъ уступки одной стороны усиливали политическіе аппетиты другой.

Еще годъ, и у Государя потребовали возврата Польшѣ Литвы, Бѣлоруссіи и Подоліи. Когда въ 1858 году въ Сентябрѣ Государь прибылъ въ Минскъ, гдѣ было собрано бѣлорусское дворянство (изъ Витебской, Могилевской и Минской губ.), Ему представленъ былъ дворянами адресъ, въ которомъ послѣдніе просили увеличенія р.-католическихъ костеловъ, введенія въ школьное преподаваніе польскаго языка и учрежденія въ Полоцкѣ университета. На адресъ суровымъ, порицающимъ тономъ Государь отвѣтилъ, что „въ поданной просьбѣ пробивается какое то стремленіе къ сохраненію мнимой польской народности, стремленіе тѣмъ болѣе безосновательное и легкомысленное, что не имѣетъ за собою никакого даже историческаго основанія. Извѣстно, что край этотъ—(Бѣлоруссія—) никогда не былъ самостоятельнымъ и никогда не считался за вновь пріобрѣтенный; онъ только былъ отобранъ отъ Польши, какъ исконная собственность Россіи.

Въ слѣдующемъ 1859 году почти тоже было сказано въ Каменецъ-Подольскѣ, когда тамошнее дворянство хотѣло подать Государю адресъ о притѣсненіи р.-католицизма, о польскомъ языкѣ [1]), о выборномъ правѣ шляхты. Государь, предувѣдомленный объ этомъ, когда вышелъ къ собравшимся дворянамъ, спросилъ: а когда у васъ выборы? На отвѣтъ: завтра, Государь замѣтилъ: „знаю, что у васъ есть намѣреніе

[1]) На этотъ предметъ даже попечитель Виленскаго учебнаго округа кн. А. Чарторыйскій смотрѣлъ въ свое время иначе. Когда въ 1804 г. разрѣшено было открыть въ г. Кіевѣ гимназію, визитаторъ Чацкій доносилъ кн. Чарторыйскому, „что онъ находитъ нужнѣйшимъ обучать въ Кіевѣ на польскомъ языкѣ, на томъ основаніи, что 1-е, въ сей губерніи находится шляхты 43597, а мѣщанъ 15427...; 2-е, что тамошнее дворянство въ мѣстахъ судеб-

подать мнѣ адресъ; но ваши совѣщанія незаконны. Это—замашки! Не забывайте, что этотъ край русскій, а не польскій и помните, что для меня во сто разъ пріятнѣе хвалить и благодарить, чѣмь дѣлать напоминанія.“

Такихъ громадныхъ жертвъ „неосновательно и легкомысленно“ требуетъ отъ насъ противная сторона на пути уступокъ и примирительнаго направленія. И гдѣ ихъ предѣлъ и будетъ ли онъ?... Едва ли, отвѣтимъ на основаніи мнѣнія Н. М. Карамзина.

„Слишкомъ многаго за разъ потребовали, наивно замѣчаетъ авторъ „Исторіи двухъ лѣтъ“ по поводу адресовъ дворянства, и потому ничего не получили.“ (Historya dwóch lat 1861—1862. Z. L. S t. 1 211—217 и 308.)

ныхъ употребляетъ природный свой языкъ польскій: 3-е, что юношество одного округа наставляемо будучи не на одномъ своемъ языкѣ, оказало бы не равные успѣхи; 4-е, что вклады на содержаніе училищъ и по Кіевской губерніи наипаче составляются изъ приношеній польскаго дворянства“. Сообщая о такомъ мнѣніи Министру Нар. Просвѣщенія, князь Чарторыйскій прибавляетъ, что при всей *видимой* основательности мнѣнія Чацкаго, онъ—попечитель, не можетъ оставить безъ уваженія, съ одной стороны той надобности, которую имѣетъ въ усовершенствованіи себя въ Россійскомъ языкѣ сіе самое польское юношество, приготовляясь къ службѣ своему новому Отечеству, а съ другой стороны, такъ сказать, необходимости въ Россійскомъ же языкѣ для юношества малороссійскихъ вообще, а наипаче за-Днѣпровскихъ жителей, которые изъ давнихъ временъ привыкли посылать дѣтей своихъ въ Кіевъ преимущественно предъ прочими городами, такъ что, не взирая на раздѣленіе округовъ и принадлежность ихъ теперь къ части, подвѣдомой будущему Харьковскому университету, нельзя надѣяться, чтобы они скоро обратили дѣтей своихъ въ другія училища, гдѣ будутъ обучать по Россійски и коихъ даже точное время открытія еще не извѣстно. Сверхъ же того, не обошлось бы безъ неудовольствія и отъ самыхъ Кіевлянъ, если бы они черезъ введеніе въ училища ихъ *неупотребляемаго ими польскаго языка* принуждены были изъ своего губернскаго города посылать въ другую губернію дѣтей, *обыкновенно до сего времени воспитываемыхъ по Россійски*... (Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи—т. 2 стр. 1083—1084). Но Чацкій не обращалъ на это вниманія, продолжалъ свою разрушительную работу и въ письмахъ къ Ив. Снядецкому жаловался, что кн. Чарторыйскій, къ глубокому его сожалѣнію, не проникнутъ вполнѣ сознаніемъ пользы введенія *во всемъ* округѣ въ преподаваніе польскаго языка. (Pamiętuiki o Janie Sniadeckim—Balinski—II—232).

